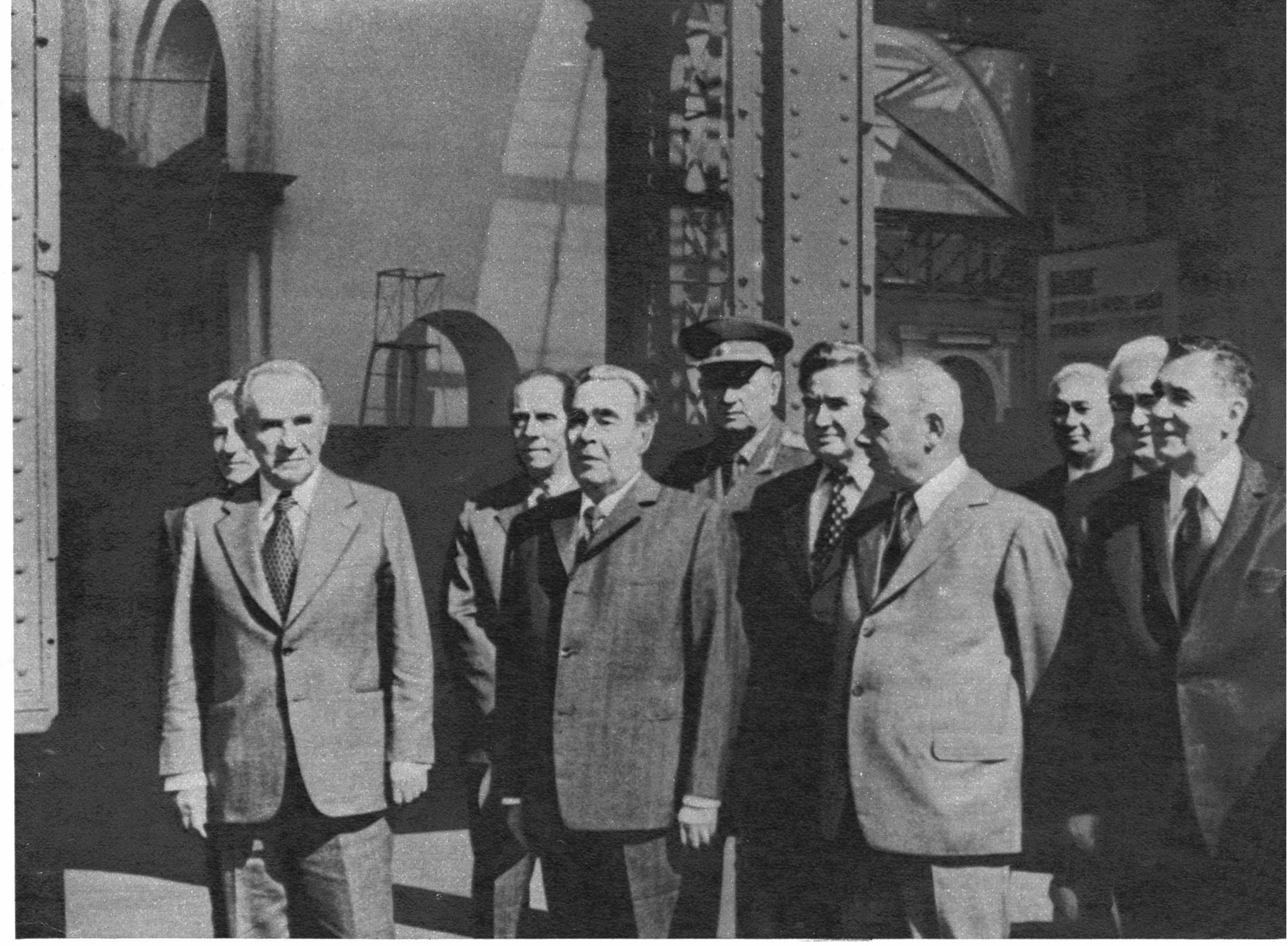

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 31 АВГУСТ 1975
UNITED STATES

Проводы на Ленинградском вокзале. **Фото Дм. Бальтерманца**

ОТЪЕЗД ДЕЛЕГАЦИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ХЕЛЬСИНКИ

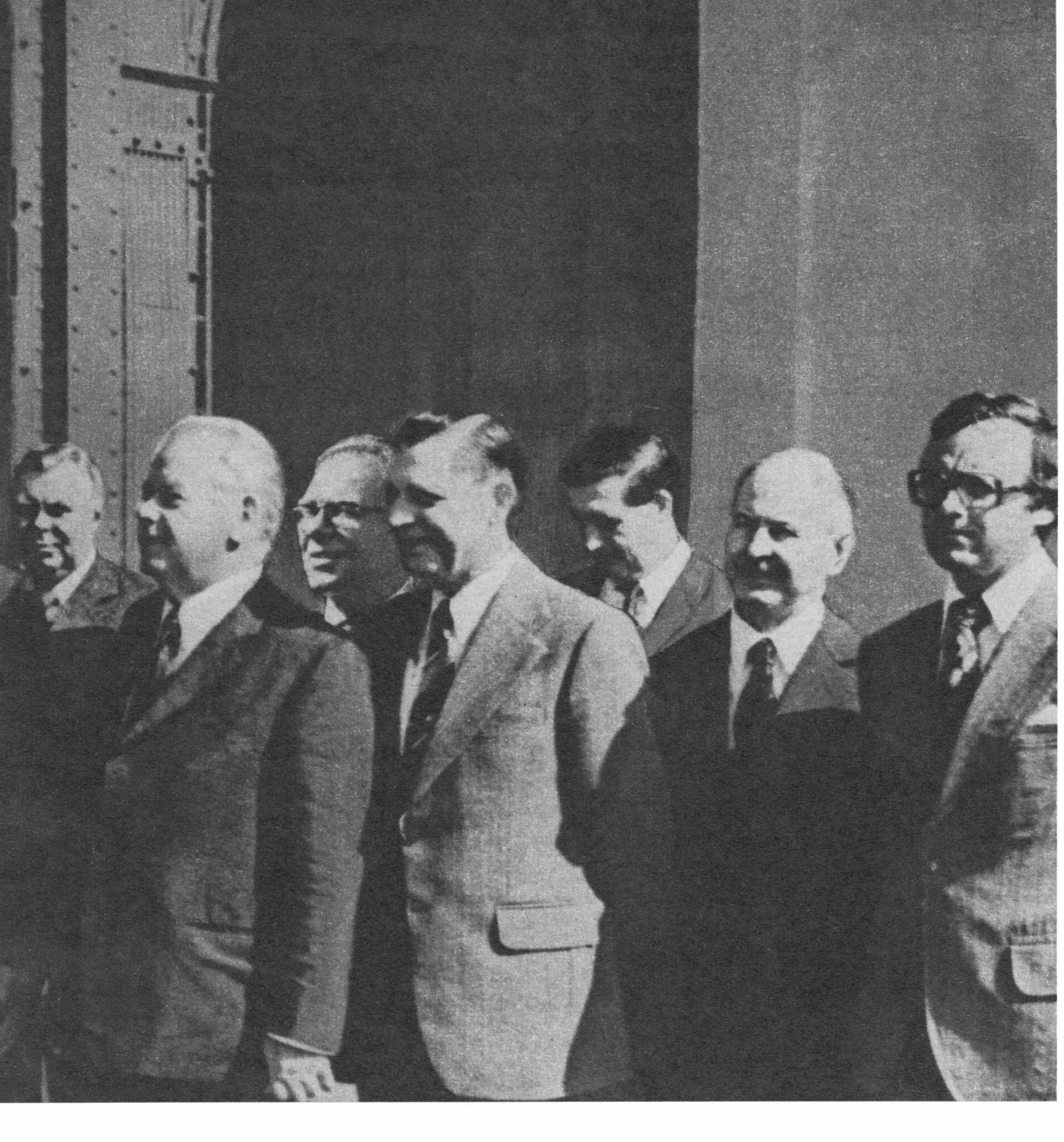
Для участия в заключительном этапе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе из Москвы в Хельсинки 28 июля отбыла делегация Советского Союза.

Делегацию возглавил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

В состав делегации вошли член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко (заместитель главы делегации), член ЦК КПСС К. У. Черненко, заместитель министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалев.

Вместе с делегацией в Хельсинки отбыли помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, генеральный директор ТАСС Л. М. Замятин, заместитель министра иностранных дел СССР И. Н. Земсков, члены коллегии МИД СССР Г. М. Корниенко, А. П. Бондаренко и другие официальные лица.

На вокзале товарища Л. И. Брежнева и членов делегации провожали товарищи Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов и другие официальные лица.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 31 (2508)

2 АВГУСТА 1975

УЧЕНЫМ, КОНСТРУКТОРАМ, ИНЖЕНЕРАМ, ТЕХНИКАМ И РАБОЧИМ, КОЛЛЕКТИВАМ И ОРГАНИЗАЦИЯМ, ПРИНИМАВШИМ УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДЛИТЕЛЬНОГО ПОЛЕТА ОРБИТАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ СТАНЦИИ «САЛЮТ-4» И ТРАНСПОРТНОГО КОРАБЛЯ «СОЮЗ-18»

СОВЕТСКИМ КОСМОНАВТАМ КЛИМУКУ ПЕТРУ ИЛЬИЧУ, СЕВАСТЬЯНОВУ ВИТАЛИЮ ИВАНОВИЧУ

Дорогие товарищи!

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с большим удовлетворением отмечают новое выдающееся достижение отечественной науки и техники, советских космонавтов в изучении и освоении космического пространства, в познании тайн Вселенной.

Более семи месяцев успешно функционирует на околоземной орбите советская научная станция «Салют-4». Полет на орбитальной станции Героев Советского Союза летчиков-космонавтов СССР тт. Климука П. И. и Севастьянова В. И. вызвал большое восхищение соотечественников и миллионов людей во всем мире. Наши славные космонавты проявили всестороннее мастерство, высокие моральные качества, мужество и героизм.

В ходе более чем двухмесячного полета товарищей Климука и Севастьянова подтверждено, что создание и полет орбитальных научных станций со сменными экипажами является одним из важных направлений проникновения человека в космос, решающим средством для дальнейшего глубокого изучения Вселенной и познания нашей планеты. Космонавты осуществили широкую программу комплексных исследований Земли и ее атмосферы, изучения Солнца и других небесных тел, провели медико-биологические эксперименты. Получено большое количество материалов, представляющих значительный научный интерес для геологии, метеорологии, географии, океанологии и других областей науки.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР сердечно поздравляют вас, дорогие товарищи Петр Ильич Климук и Виталий Иванович Севастьянов, с успешным завершением длительной космической экспедиции и благополучным возвращением на родную землю. Ваш подвиг — замечательный пример беззаветного служения делу коммунизма, выполнения заданий нашей Советской Родины.

Горячо поздравляем ученых, конструкторов, инженеров, техников, рабочих, коллективы и организации, которые своим трудом обеспечили подготовку и осуществление полета орбитальной научной станции «Салют-4» и транспортного корабля «Союз-18», внесли достойный вклад в решение величественных задач, намеченных XXIV съездом КПСС.

Выражаем уверенность, что все вы, дорогие товарищи, будете и дальше самоотверженно работать над осуществлением большой программы покорения космоса на благо нашей великой Советской социалистической Родины и всеобщего мира.

Л. БРЕЖНЕВ **Н. ПОДГОРНЫЙ** **А. КОСЫГИН**

ВНОВЬ Н

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР тов. Климука П. И. орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда»

За успешное осуществление длительного полета на орбитальной научной станции «Салют-4» и транспортном корабле «Союз-18» и проявленные при этом мужество и героизм наградить Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР тов. **Климука** Петра Ильича орденом **Ленина** и второй медалью **«Золотая Звезда».**

В ознаменование подвига Героя Советского Союза тов. Климука П. И. соорудить бронзовый бюст на родине героя.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 27 июля 1975 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР тов. Севастьянова В. И. орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда»

За успешное осуществление длительного полета на орбитальной научной станции «Салют-4» и транспортном корабле «Союз-18» и проявленные при этом мужество и героизм наградить Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР тов. **Севастьянова** Виталия Ивановича орденом **Ленина** и второй медалью **«Золотая Звезда».**

В ознаменование подвига Героя Советского Союза тов. Севастьянова В. И. соорудить бронзовый бюст на родине героя.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 27 июля 1975 г.

Дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Петр Ильич Климук.

Дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Виталий Иванович Севастьянов.

Телефото А. Пушкарева (ТАСС)

А ЗЕМЛЕ

ТЫСЯЧА ВИТКОВ ВОКРУГ ПЛАНЕТЫ! ЭКИПАЖ ВТОРОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «САЛЮТ-4» ЗАКОНЧИЛ РАБОТУ.

— Чем вы заполняете личное время перед сном? — в один из сеансов связи спросила Земля бортинженера станции «Салют-4» Виталия Севастьянова.

— Личное время, вы же знаете,— это тоже дела. Ну, а когда все на сегодня кончено, то можно заняться своим. Чем? Пишу для себя. По нескольку страничек в день. О многом здесь думаешь, много интересных мыслей приходит в голову. Вот и пишу.

В Центре управления полетом не стали спрашивать, о чем он думает, о чем пишет. Вспомнили, что из того, предыдущего своего полета вернулся Севастьянов далеко не только с отчетом «по форме». Вспомнили о том, как дорабатывались по его рекомендациям приборы, проходившие испытания на борту «Союза-9», как уточнялись методы выполнения операций. Вспомнили о его статьях, посвященных исследованиям атмосферы, земной поверхности, о работах по философским проблемам космонавтики. Вспомнили и ни о чем не спросили...

...Шестьдесят три дня работали в космосе отважные космонавты П. И. Климук и В. И. Севастьянов. Итог ее — огром-

ный объем результатов, цена которых определена волей, мастерством, знаниями. Но не только об этом пойдет наш разговор. А о том, что дало полученным результатам иную качественную окраску, иное содержание. О том, что не записано ни в одной строке на сотнях страниц бортовых инструкций и журналов. О творчестве.

Первое слово — летчику-космонавту СССР, дважды Герою Советского Союза, первому заместителю начальника Центра подготовки космонавтов, генерал-майору авиации Андрияну Григорьевичу Николаеву.

— Государственная комиссия и руководство полетом после первого месяца пребывания Петра Климука и Виталия Севастьянова в космосе приняли решение: планировать текущую программу в основном только для первой половины каждого рабочего дня. Остальное время отдать на «свободную охоту», на эксперименты по собственному усмотрению экипажа. Программа стала более гибкой, открылись широкие возможности для творчества членов экипажа.

Это позволило космонавтам уделить много внимания, например, серебристым облакам и полярным сияниям. Такие исследования первоначально не были включены в программу.

И вот первого июля с борта «Салюта-4» неожиданно последовало сообщение: «Наблюдаем серебристые облака. Срочно сообщите наземным геофизическим станциям и в международную комиссию по наблюдению серебристых облаков». Надо сказать, что это довольно редкое природное явление, образующееся на высоте 80—90 километров, столь же заманчиво для ученых, сколь и малоизучено. Из космоса их наблюдали, но детальных исследований, по существу, никто никогда не проводил. А здесь вдруг обнаружилось, что серебристые облака не только «выросли» над Землей, но и образовали в северном полушарии огромное кольцо — на много тысяч километров.

Лишь только космонавты сообщили об этом, на Земле буквально в течение двух часов была пересмотрена программа очередного рабочего дня, выработаны необходимые рекомендации для экипажа, а дальше все было отдано «на откуп» его мастерству. Космонавты в заданное время очень точно развернули и вывели станцию объективами аппаратуры на облака и выполнили комплексную съемку.

На другой день облака не исчезли. Они наблюдались еще несколько дней, причем все тем же огромным кольцевым образованием — случай совершенно уникальный! И снова с борта космической станции велась съемка.

Возьмем теперь исследования полярных сияний. Эти работы тоже имеют большое значение для изучения природы атмосферы и, кроме того, магнитного поля Земли.

Буквально с первых дней полета космонавты стали сообщать на Землю о том, что постоянно наблюдают полярные сияния и очень просят разрешить им провести комплексные исследования. Учтите, это впервые в мировой практике космических полетов!

Земля разрешила. Но выходило так, что наилучшее время наблюдений приходилось как раз на тот период, когда сияния имели право «являться» космонавтам только во сне,— на период ночного отдыха экипажа. Командир и бортинженер сумели убедить Центр управления полетом пренебречь на этот раз режимом. «Отоспимся в выходной или на Земле»,— сказали оба.

В общем, большая исследовательская работа была проведена. Причем и здесь экипаж сделал не только все, что было надо, но и чуть больше.

Как это было? Климук сориентировал станцию, вышел на сияние, а Севастьянов провел съемку. Станция тем временем продолжала двигаться по орбите, уходя от сияния. Это было в районе Южного геомагнитного полюса, где сияния особенно яркие.

И вот экипаж принимает мгновенное решение. Климук мастерски разворачивает станцию объективами аппаратуры в обратном направлении, а Севастьянов снова «стреляет» по сиянию: включает разнообразную фото- и спектрографическую аппаратуру. Это был уже высший космический пилотаж.

Хочу еще сказать о том, что достаточно сил потратил экипаж на запланированные регламентные и незапланированные ремонтные работы. Естественно, что за такой большой период работы станции у ее сложнейшего организма случались легкие «простудные заболевания». То вышел из строя локальный коммутатор, управляющий логикой сброса телеметрической информации, то отказал один из элементов прибора «СИЛЯ»— спектрометра изотопов легких ядер, исследующего характеристики космических лучей. То не пошла пленка в спектрографе солнечного телескопа. Да мало ли что бывало!

Нет абсолюта в точности системы, надежности машины, как не может быть идеального человеческого здоровья или вечного двигателя. Более того, присутствие человека на борту космического аппарата позволяет не завышать чрезмерно надежность систем и приборов, что связано со значительными весовыми издержками. А ведь каждому свободному килограмму на борту всегда найдется полноценное применение.

Все регламентные, ремонтные, настроечные работы Климук и Севастьянов выполнили правильно. Конечно, для этого приходилось и голову поломать: человек не робот, не машина. А то, с чем порой сталкивался экипаж, ни одной премудрой машине решить было бы не под силу. Да ведь недаром космонавтами не рождаются, а становятся в течение долгих и трудных лет. Такова цена высокой надежности орбитальной станции.

Да, незапланированных ситуаций было в достатке. Даже сама природа подготовила экипажу немало «нештатных» явлений.

Одно из них — Солнце. Надо сказать, что плановая полетная программа была к нему достаточно почтительна. Много рабочих дней как в первой, так и во второй экспедициях были целиком отданы во власть ОСТа — орбитального солнечного телескопа — многометрового инструмента со сложнейшей оптикой, автоматикой и вместе с тем с весьма «высокомерными» притязаниями на мастерство и специальные астрофизические знания экипажа.

Сначала первая, а теперь и вторая экспедиции «Салюта-4» снимали различные участки Солнца — протуберанцы, флоккулы, волокна. Все шло гладко. Но — увы! — так же гладко было и на Солнце, которому астрономы предрекли на этот год спокойную жизнь — никаких вспышек. Вспышка — явление коварное, поэтому спокойное Солнце всех радует. Но ученые-солнечники смотрели на это иначе. Им наконец удалось вывести за пределы атмосферы специальный телескоп. Им вспышка нужна была, как глоток воды в раскаленной Солнцем пустыне.

Вот что рассказывает об этом директор Крымской астрофизической обсерватории, где создавался орбитальный солнечный телескоп, академик Андрей Борисович Северный.

— Да, Солнце однажды «сорвало» запланированную программу полета. А в этом году нам повезло: в Крыму было ясное, малооблачное небо, и мы буквально все время вели наблюдения за Солнцем. И вот недалеко от центра солнечного диска мы увидели зарождение активной области. На следующий день активность усилилась, появились небольшие вспышки. Астрономы связались с руководством Центра управления полетом. Откладывать работу было нельзя. Активность могла не только ослабнуть, но уже на следующий день должна была скрыться за лимбом Солнца — из-за его вращения. Запланированные на тот день эксперименты экипажа «Салюта-4» были отменены в пользу солнечного телескопа. Климук и Севастьянов приступили к исследованиям Солнца.

В таком деле от космонавта зависит многое. Он должен вовремя обнаружить вспышку, если таковая возникнет, и быстро стабилизировать станцию в пространстве. Затем ему необходимо навести нужный участок активной области на цель спектрографа, выбрать необходимый режим съемки. Так же, как астроном при наземных наблюдениях, он выступает в роли активного и непосредственного участника эксперимента. Успех исследования в руках экипажа.

В тот день сменному руководителю полета в ЦУПе передали: «Сотрудниками Крымской обсерватории в 10 часов московского времени зафиксирована вспышка. Срочно сообщите экипажу». Однако сообщать об этом экипажу «Салюта-4» не было необходимости. Космонавты сами на семь минут раньше поступившего из обсерватории сообщения обнаружили вспышку и не упустили момент для съемки. Все это говорит о том, что у Климука и Севастьянова не только острый глаз, но и быстрая реакция, столь необходимая в «охоте» за вспышками, и главное — отличное понимание процессов на Солнце и владение аппаратурой.

С помощью солнечного телескопа экипажем получено около 600 спектрограмм. Астрофизики очень довольны. Проделанная работа имеет большую научную и практическую ценность. Познание процессов, происходящих на Солнце, позволяет не только фиксировать их, но и прогнозировать. А вместе с тем и прогнозировать связанные с ними многочисленные явления в природе, имеющие жизненно важное значение для Земли.

Я сказал в тот день руководителям полета: «Уверен, что находись я на борту станции, то даже при наличии специальной технической подготовки космонавта не смог бы действовать лучше, несмотря на долгий опыт работы астрофизика. Исследования экипажем выполнены безупречно».

...И вот все позади. Труды и тревоги.

День и ночь эти два с лишним месяца держали врачи «руку на пульсе» космонавтов. Как перенес экипаж столь долгую работу на орбите? Что нового узнали медики?

Приглашаю к беседе одного из руководителей медицинской программы полета, доктора медицинских наук Николая Николаевича Гуровского.

— Начну с конца события. Сейчас Петр Климук и Виталий Севастьянов на Земле. Состояние их здоровья после полета вполне удовлетворительное. Более того, оно совпадает с тем, что мы прогнозировали.

А теперь вернемся и к началу полета. Прежде всего нужно сказать, что адаптация к невесомости у обоих членов экипажа протекала менее болезненно, чем у того и другого в первом полете. Это, например, выражалось в меньших приливах крови к голове, в более быстром исчезновении других неприятных ощущений. Острый период адаптации был пройден практически через 3—5 дней. Космонавты стали лучше спать, у них улучшилась координация движений, настроение.

Однако на исходе первого месяца полета было отмечено некоторое изменение формы зубцов электрокардиограммы, ухудшились реакции сердечно-сосудистой системы на пробу с вакуумной емкостью, помогающую прогнозировать устойчивость к возобновлению действия гравитации. В чем здесь дело? Ученые-медики внимательно проанализировали эти явления и установили, что отмеченные факты не связаны с патологическими изменениями в сердце, а скорее, с изменениями его пространственного положения. Правда, не исключено и другое объяснение: причина — в изменении обменных процессов сердечной мышцы. В общем, медикам нужно еще разбираться.

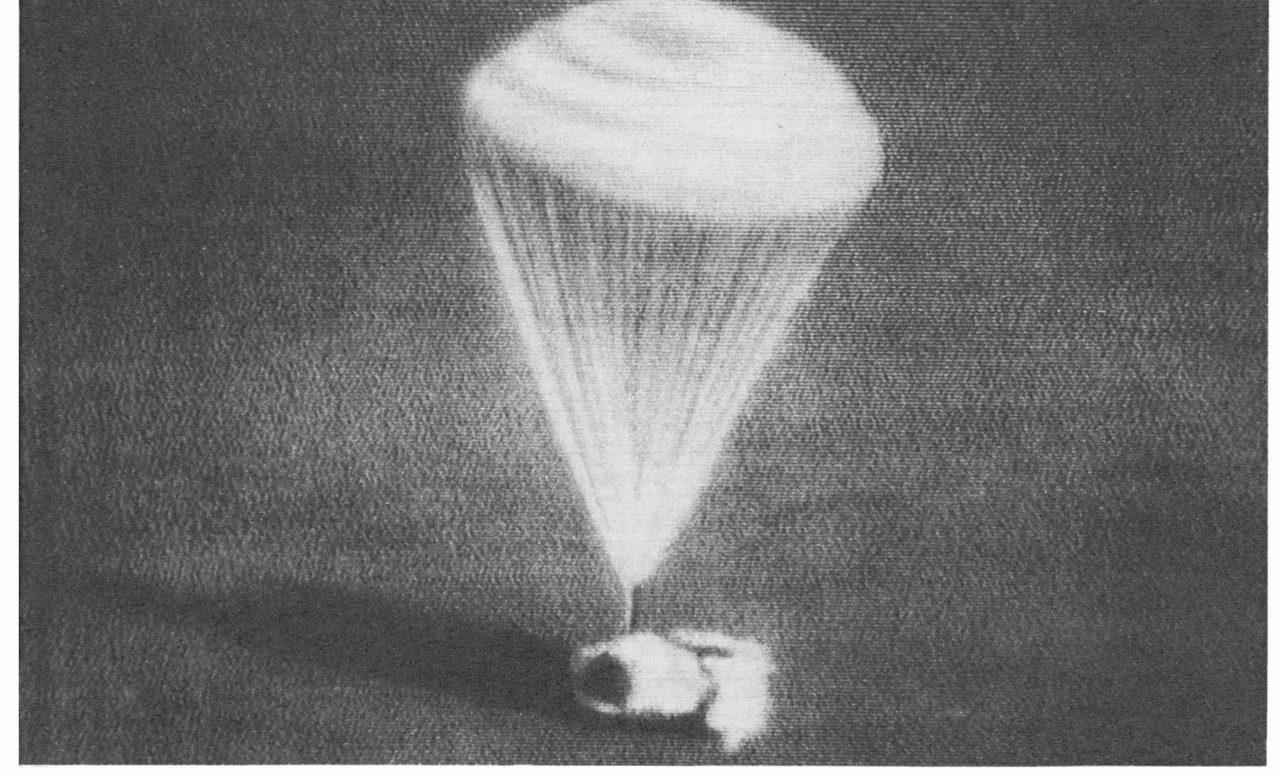
Хочу сказать, что в выяснении причин изменений в электрокардиограммах приняли участие и сами космонавты, которые по рекомендациям с Земли провели незапланированный медицинский эксперимент. Они меняли положение электродов на теле, делали записи электрокардиограммы на вдохе, выдохе и т. д.

И вот что интересно. На шестой неделе полета эти настораживающие признаки исчезли. У космонавтов восстановился и сон, нарушения которого также отмечались на исходе первого месяца. Тогда они плохо засыпали и трудно просыпались.

А ведь подумайте: условия полета таковы, что каждый следующий день начинался на 20—25 минут раньше предыдущего, и через полтора месяца экипаж жил уже «по перевернутому графику». И тем не менее все нормализовалось.

Это подводит нас к мысли о том, что адаптация к невесомости протекает, очевидно, циклично. В пользу такого предположения говорят и некоторые данные наших американских коллег. В общем, все очень интересно, и над многим придется поломать голову.

Во второй половине полета в порядке испытания мы попробовали давать к пище космонавтов заметные добавки поваренной соли. Дело в том, что в состоянии

26 июля 1975 года в 17 часов 18 минут московского времени спускаемый аппарат транспортного корабля «Союз-18» с экипажем в составе Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР подполковника Петра Ильича Климука и Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР кандидата технических наук Виталия Ивановича Севастьянова совершил посадку на территории Казахстана.

Во время телерепортажа Петр Климук и Виталий Севастьянов показывают график двухмесячной работы, проделанной в космосе.

Фото ТАСС

П. И. Климук и В. И. Севастьянов на месте приземления. Телефото А. Пушкарева (ТАСС)

невесомости организм теряет воду. Общее количество крови уменьшается. Нужно приостановить этот процесс. Соль как раз обладает свойством задерживать воду в тканях.

По-видимому, решение о введении солевых добавок в пищу оказалось верным. Во всяком случае, у Севастьянова после начала «солевой диеты» появились приливы крови к голове, напоминающие подобные ощущения в первые дни полета. На первый взгляд факт нежелательный, но в данном случае он нас обрадовал, значит, стало больше задерживаться воды в организме, увеличилось тем самым и общее количество крови.

Скажу еще, что оба — командир и бортинженер, Климук и Севастьянов,— очень общительные люди, привыкшие к разнообразной, богатой всесторонними впечатлениями жизни. А в космосе раздражители иные, иной мир, другие ощущения. Все это вместе со специфическим действием невесомости и замкнутости пространства накладывает отпечаток на эмоциональную сферу космонавта. В длительном полете могут появиться признаки, как мы говорим, «сенсорного голода», то есть недостатка внешних раздражителей. Поэтому и Климук и Севастьянов так часто вспоминали Землю, жили земными образами. Это тоже интересно для молодой науки — космической психологии.

Беседуя с профессором Н. Н. Гуровским, я вспоминал такой случай. Однажды Земля спросила Севастьянова, снятся ли ему сны, на что тот ответил: «Да, снятся. Три дня подряд снится дождь. Однажды ночью проснулся и стал думать о дожде. Ужасно хочется вымокнуть под дождем». В другой раз он сказал, что «очень соскучился по топоту ног». А Климук, рассказывая про полярное сияние, сравнил его с колосьями ржи.

В один из своих выходных дней космонавты сидели у иллюминаторов, рассказывая Земле о том, что сейчас под ними. И вдруг тема изменилась. Заметив кристаллики инея между стеклами иллюминатора, оба космонавта с мальчишеским оживлением стали рассказывать, на каких пауков и жучков похожи эти кристаллики.

Они тосковали по Земле. Но они не только вспоминали свою родную планету, они ее изучали. Когда Севастьянова спросили, какая работа в космосе ему более других по душе, он ответил: «Исследования земной поверхности».

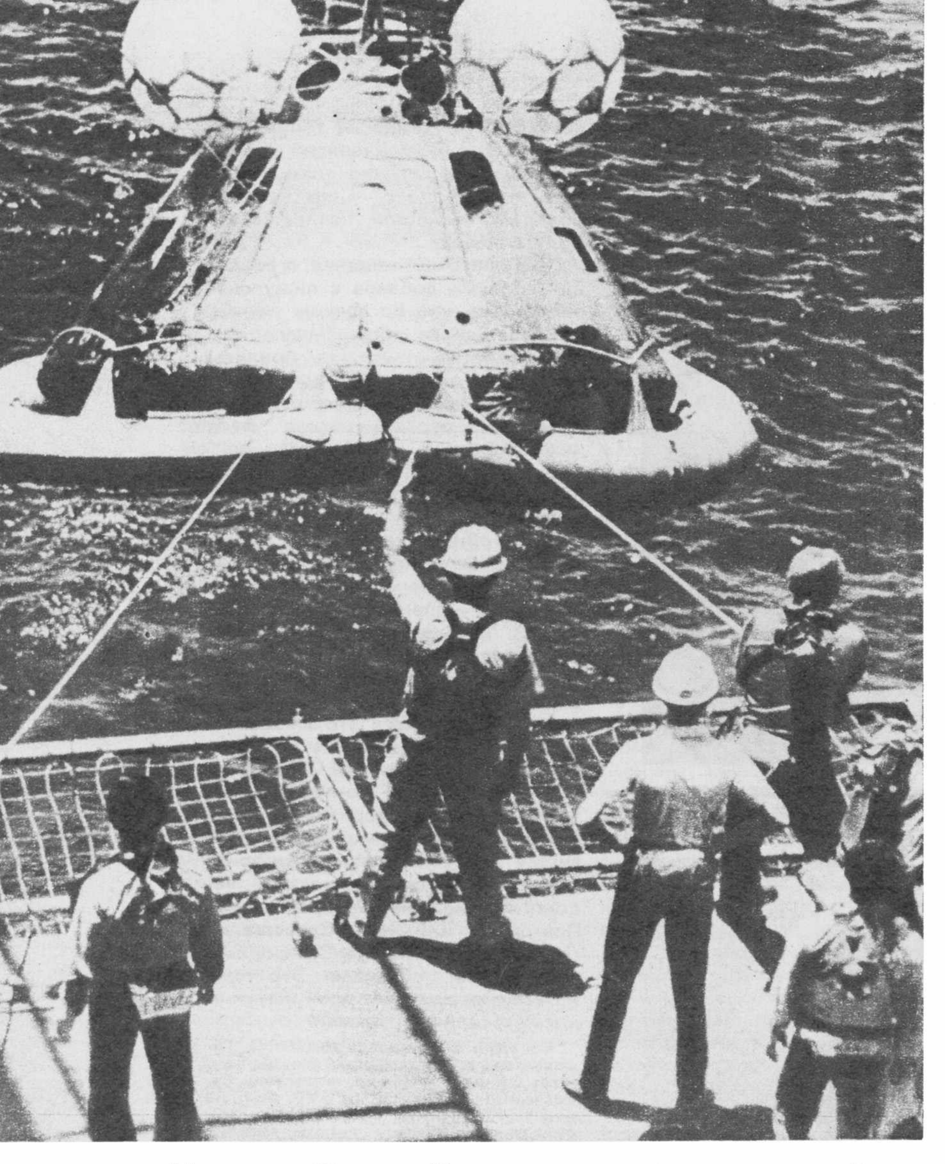
На станции «Салют-4» полных десять рабочих дней занимался экипаж этими съемками. Почему так много? Дело в том, что первый экипаж «Салюта-4» А. Губарев и Г. Гречко летали зимой, когда перед объективами станции почти все было белым-бело. Летняя же съемка куда как более выигрышна. Земля сверкает многоцветьем красок, таящих в себе всевозможную информацию о ее природе и свойствах.

Если астрономы могут с точностью до секунды предсказать солнечное затмение, ожидаемое через сто лет, то у синоптиков с облаками отношения куда более натянутые. Далеко не все рекомендации с Земли по съемке нашей планеты из космоса реализуемы. Климуку и Севастьянову много раз приходилось менять, уточнять программу съемок, выбирая режимы фото- и спектрографирования, типы пленок, решая, что и какой аппаратурой снимать. Съемкой была охвачена практически вся территория страны в средних и южных широтах.

В один из дней экипажу просто предоставили возможность снимать «что угодно», указав только, что желательно отдать предпочтение шельфам морей, океаническим течениям, донным отложениям в районах устьев рек.

Это была истинно творческая работа. Работа для людей, для Земли, где колосится рожь, где шепчутся березы, где шумят дожди.

Беседу вел В. ЛЕВСКИЙ.
Центр управления полетом.

25 июля в 00 часов 18 минут по московскому времени в Тихом океане, в районе Гавайских островов, приводнился экипаж космического корабля «Аполлон». Таким образом, первый в истории советско-американский космический эксперимент по программе «Союз — Аполлон» успешно завершен. Спасательная группа министерства обороны США быстро обнаружила командный модуль корабля «Аполлон» и подняла его на борт вертолетоносца «Новый Орлеан».

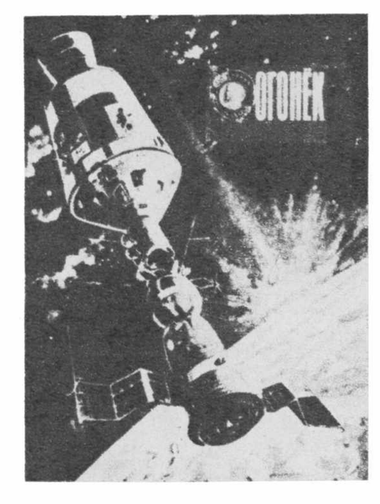
На снимке: командный модуль корабля «Аполлон» поднимается на борт вертолетоносца.

Телефото ЮПИ—ТАСС

Американские астронавты на борту вертолетоносца.

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНОВ — ХУДОЖНИК

Алексей Архипович Леонов рисует очень много. Рисует на Земле и в космосе. Рисует, как только выдается свободная от напряженной работы минута. Читатели «Огонька» уже не раз встречали его картины на страницах журнала. И вот еще одна встреча с искусством прославленного космонавта. На первой странице обложки вы видите репродукцию картины А. Леонова, посвященной историческому полету космических кораблей «Союз» и «Аполлон».

Уже после того, как этот полет был успешно завершен, корреспондент «Огонька» Сергей Власов задал космонавту несколько вопросов.

— Алексей Архипович, скажите, пожалуйста, когда и как была написана эта картина?

— Она была написана сразу же после принятия решения о совместном полете по программе «Союз — Аполлон». Я начал ее писать в 1973 году, после возвращения из Франции. Там была первая встреча советских и американских космонавтов. Уже тогда были изготовлены модели двух кораблей в состыкованном виде. И в натуральную величину эти модели были показаны на Парижском авиасалоне.

Писал я в течение всей зимы. Возможность рисовать была только по субботам и воскресеньям. Работал в мастерской.

— Здесь, в Звездном?

— Нет, в Москве.

— А теперь, пожалуйста, несколько слов о самой картине.

— Кроме двух кораблей, таких радужных, с отблесками, я попытался изобразить и Землю в сиреневато-голубом тоне. И Солнце. Солнце, конечно, не такое, как в космосе, а несколько стилизованное, с пышными, яркими лучами. Солнце только лишь поднялось из-за горизонта. Это утро нашей совместной работы по программе «Союз — Аполлон». И корабли-то сами еще не состыкованы, хотя в картине есть, по-моему, ощущение, что сейчас произойдет стыковка. Вот смысл этой картины.

— Вы написали ее до полета. А теперь вы вернулись из космоса, стыковку видели своими глазами. Скажите, что бы вы теперь изменили в вашем полотне?

— Сейчас здесь у меня находится вторая картина. Вот вы ее видите. Это пока только набросок. Из полета я привез очень много новых деталей, которых мне не хватало в первой картине. Во-первых, по цвету она будет гораздо ярче. Намного ярче должны быть блики от Солнца на корабле. Кстати, Солнце я почти что угадал. На той высоте Солнце действительно такое. Очень яркое и лучистое. Если на корабле «Восход-2» на Солнце можно было смотреть при восходе невооруженным глазом, то здесь это было невозможно. Надо еще разобраться, в чем причина. На этой картине корабли уже состыкованы, Солнце взошло. Символ того, что за два года многое уже сделано. И Земля имеет другой колорит. В соответствии с тем, что я видел в космосе. Надо еще добавить несколько деталей: огни ориентации, работу двигателей. И самое главное — это мощный солнечный блик на корабле «Аполлон», который был нам виден с «Союза». Блик этот забивал абсолютно все и выделялся расплавленной лентой. А на первой картине его недоставало.

— А чем еще, Алексей Архипович, этот полет был вам интересен как художнику?

— Сейчас, после полета, у меня появилось множество интересных идей. Около двадцати вещей я бы сделал сейчас же, немедленно, по свежей памяти. Если бы, конечно, было время. Например, цветовые космические гаммы. Ведь никаким фотоаппаратом этого не передашь. Или разнообразие горизонтов: очень интересен ночной горизонт с голубым поясом вокруг Земли. При этом Земля сама серебристо-голубая. Или такое необычное явление, как мощные кучевые облака, которые выходят из-за горизонта, как протуберанцы. Это, должно быть, гигантские кучевые образования, раз они выходят за пределы атмосферы. Ну и, конечно же, очень впечатляет сам космический корабль «Аполлон», и особенно опоясанный солнечной короной во время искусственного затмения Солнца. Или знаменитый эффект свечения частиц, которые образуются при горении ракетного топлива. Как будто мы находимся в настоящем снегопаде. «Снег» идет сплошным потоком. Будто бы в новогоднюю ночь мы летим под пушистым облаком. Потрясающее зрелище.

— И последний вопрос, Алексей Архипович. Вернее, просьба написать несколько слов для читателей «Огонька».

— С удовольствием,— отвечает космонавт и уверенно пишет:

Читателям журнала „Огонек" с благодарностью и пожеланием успеха, радости, крепкого здоровья!

[подпись]

29.07.75.

МЫ ПОБЕДИМ!

Ортенсия Бусси де Альенде приветствует читателей «Огонька». Фото В. Варжапетяна.

«Компаньера Тенча» — Ортенсия Бусси де Альенде. Имя этой замечательной женщины знакомо каждому советскому человеку. Она стала символом любви и мужества, непреклонной борьбы чилийских патриотов. Она ведет огромную общественную работу, ее выступление на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве услышали все люди доброй воли.

Сегодня «Компаньера Тенча» беседует с нашим корреспондентом В. Варжапетяном.

— Госпожа Альенде, на Московском кинофоруме вы представляли патриотические силы Чили, борющиеся с фашистской хунтой. В ваших рядах немало деятелей культуры, активно поддерживавших политику правительства Народного единства.

— Правительство Сальвадора Альенде придавало огромное значение развитию национального искусства и культуры. С первых же дней прихода к власти оно ставило своей задачей решение важнейших социальных проблем, боролось за права чилийцев на труд, образование, медицинскую помощь. Были открыты новые школы и университеты, например, в Лота — шахтерском районе. В аудитории институтов впервые пришли дети рабочих и крестьян. Индейцы-арауканы получили возможность учиться на родном языке, развивать свой замечательный фольклор.

Поезда здоровья оказывали медицинскую помощь населению самых отдаленных уголков Чили, где до этого никогда не видели врача. Поезд культуры, объединявший музыкантов, художников, артистов кино и театра, писателей, проделал огромную работу.

— Каково сейчас положение чилийских деятелей культуры?

— Очень тяжелое. Многие зверски убиты, многие томятся в застенках хунты. Я говорила о поезде культуры. Его возглавлял Айде Аларкон. Сейчас он находится в концентрационном лагере «Трес Аламос», куда попадают, пройдя все круги застенков хунты. Там же находятся Анибал Пальма, министр народного образования в правительстве Альенде, известная актриса Сара Астика, художник Гильермо Нуньес.

Я считаю, что хунта нанесла страшный удар культуре. Мы даже не можем назвать имена всех писателей, режиссеров, художников, артистов, журналистов, которые томятся в тюрьмах и концлагерях. Мы не знаем, живы они или нет.

Сегодня в Чили запрещены произведения писателей социалистических стран. Образование милитаризовано. Лучшие преподаватели изгнаны из учебных заведений, студенты брошены в тюрьмы.

Но мастера чилийской культуры, в том числе и кинематографисты, вынужденные работать вдали от родины, продолжают борьбу. На IX кинофестивале в Москве вы видели «Чилийскую хронику» Эдуардо Ларбарки и фильм Серхио Кастилья «Я хотела бы иметь сына»... Мигель Литтин работает сейчас над художественным фильмом, в основу которого положена трагедия — зверское убийство горняков. Патрик Гусман снял документальный фильм «Борьба безоружного народа», Гастон Анселовичи — «Кулаки перед пушкой».

— Вы впервые принимали участие в работе Московского кинофорума. Поделитесь вашими впечатлениями.

Я очень люблю кино, уважаю труд актеров, режиссеров, сценаристов. Думаю, что участие в работе Московского кинофестиваля принесло мне не только удовлетворение как члену жюри, как зрителю, но дало возможность установить личные контакты с прогрессивными кинематографистами многих стран, и прежде всего стран Азии и Африки.

— Госпожа Альенде, у нашего журнала миллионы читателей — миллионы друзей чилийских патриотов. Что бы вы хотели им пожелать?

— Я благодарю ваших читателей за то, что все они принимают так близко к сердцу трагедию нашей страны, конкретно и действенно выражают свою солидарность с народом Чили.

Надеюсь, что ваш журнал и впредь будет знакомить читателей с чилийскими событиями, с борьбой чилийского народа. И присоединит свой громкий голос к тем, кто сегодня требует освобождения политзаключенных, томящихся в застенках хунты, борется за права человека.

Взяв у меня блокнот, «Компаньера Тенча» пишет:

«Мой самый сердечный привет и благодарность читателям «Огонька» за помощь и поддержку нашего дела. Мы победим!

Ортенсия Б. де Альенде».

Mi mas cordial saludo
a los lectores de "Ogoniok" y
mis agradecimientos por
la ayuda y el estímulo
a nuestra causa Venceremos!
Hortensia B de Allende
Moscú, 23-Julio/75

гастроли

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ!

В Москве жарко. Кажется, какой там театр? За город!.. Однако возле нового здания МХАТа на Тверском бульваре толпятся зрители, пришедшие на спектакли Винницкого государственного украинского музыкально-драматического театра.

Порадовало открытие этих гастролей, когда со сцены в адрес гостей из Винницы раздавались не только добрые слова и теплые пожелания москвичей, но прозвучало еще одно, особое приветствие: приветствие-песня, до глубины души взволновавшая винничан еще и потому, что спел ее дорогой для них человек, земляк, украинец, Иван Семенович Козловский.

Задушевный, поразительно молодой и сильный голос Козловского, наполнив собою зрительный зал, сразу же создал в нем атмосферу дружелюбия, радостной творческой самоотдачи и как бы заранее определил самый уровень всей дальнейшей гастрольной работы Винницкого театра в Москве.

Думается, не случайно началась работа на гастролях спектаклем «Дороги, которые мы выбираем»... Пьеса Н. Зарудного ставит главнейший из всех возможных для судьбы молодого человека вопрос. Это вопрос: каким ты должен быть, каким станешь, по какому пути пойдешь?..

Нет, винничане не спрашивают зрителя, кем ты хочешь стать; это — совсем другое! Их волнует моральная сторона проблемы.

Бригадир колхозных механизаторов Павло Ремез в исполнении артиста А. Овчаренко сильный, волевой человек. Он в зените славы... Что и говорить, признание коллектива — большое счастье. Но это признание надо беречь как зеницу ока, ибо слава таит в себе и опасные свойства. Чуть подумал о себе больше, чем следует, поверил, что ты все уже можешь, что тебе все позволено,— и... пропал человек!..

Остро и глубоко развивается эта же тема и в спектакле «Горький хлеб истины» Ивана Стаднюка.

Здесь перед нами оживают дни войны, которую И. Стаднюк пристально исследует и пишет, как мы знаем, во всех ее ракурсах. Однако же пьеса обнаруживает особое писательское внимание еще и к остродраматическому, психологическому анализу тех обстоятельств и тех человеческих взаимоотношений, которые и на фронте оставались вечными. Это любовь и ревность, преданность и соперничество, чистота помыслов и тщеславие, самоотвержение и низкая зависть... Сталкиваясь, они рождают коллизии, создают атмосферу напряженную, полную тревоги за судьбу героев...

Поставивший оба эти спектакля главный режиссер театра Ф. Верещагин наряду с артистом Г. Тищенко играет в пьесе И. Стаднюка роль генерала Любомирова — истинного героя, человека благороднейшего. Он-то и ставит перед зрителем проблему нравственного долга, полностью сохраняющую для нас и сегодня все свое значение...

Винницкий театр показал москвичам ряд других спектаклей, окрашенных талантом и мастерством режиссеров, художников, композиторов, актеров. В репертуаре — драма военных лет Л. Леонова «Нашествие», поставленная театром к 30-летию Победы, «Кавказский меловой круг» Бертольта Брехта, трагедия Габида Мусрепова «Поэма о любви»... Порадовали винничане московских зрителей искрометной комедией «Майская ночь» по Гоголю, наполненной напевной украинской музыкой (композиторы Н. Лысенко и М. Васильев). Классик украинской драмы М. Старицкий представлен драмой «Не суждено» в сценической редакции и постановке Федора Верещагина.

Гастроли Винницкого музыкально-драматического театра прошли в столице с большим успехом.

Н. ЗЫБИНА

Сцена из спектакля «Горький хлеб истины». Фото А. Длугача.

СУРОВАЯ ПОЭЗИЯ БУДНЕЙ

Юрий ПИМЕНОВ,
народный
художник СССР

Меня интересует живое искусство, искусство, посвященное людям, знакомым мне или незнакомым, не раз виденным, которых я тут же узнаю, глядя на произведения живописцев, скульпторов, графиков.

Меня интересует позиция художника в отношении окружающего мира и, конечно, его пластика, его язык, которым он рассказывает мне то, что хочет рассказать, и иногда открывает что-то новое, чего я не знал или не замечал.

Этот момент открытия случается не каждый день и является удачей и для художника и для зрителя, потому что тот и другой от этого становятся богаче.

Такое искусство не может появиться сразу, его нельзя придумать, пользуясь книгами и музеями, хотя это тоже необходимые, но все же не главные, не определяющие компоненты.

Открытия определенных сторон жизни могут появиться в искусстве как результат личного опыта художника, когда ощущения и темы накапливаются годами, превращаясь в символ его веры.

Огромное значение имеет здесь знание жизни, из которой только и может возникнуть подлинное искусство. Я видел недавно произведения одного талантливого заводского художника, проработавшего на заводе двадцать пять лет и одновременно занимавшегося живописью. Его полотна, посвященные этому предприятию, были значительно более зрелыми, более сильными и одухотворенными, чем другие, созданные на случайные для него темы, ибо завод был миром этого человека, и он сумел увидеть и показать его по-своему.

Милле должен был уехать в деревню и новыми глазами увидеть деревенский мир, вжиться в него, ощутить его своим, чтобы гениально открыть его для человечества.

Я представляю, как созревало в Саврасове видение простого русского пейзажа, который потом стал классическим.

Сложнейшие процессы созревания образа происходят в искусстве очень разнообразно, но всегда опираясь на опыт и на душевное развитие человека.

Когда идешь на вернисаж, надеешься увидеть там хорошие вещи, это повышает тонус и вызывает желание работать. Так случилось со мной на выставке Петра Оссовского.

Этот художник обладает высоким профессионализмом, умеет сделать крепкое произведение, начиная с этюда и кончая композицией. В творчестве он лаконичен, старается казаться суровым, не очень-то позволяя себе лирические интонации.

До этого, так сказать, второго периода в своем творчестве, совсем молодым, Оссовский был хорошим жанристом, остро видел и чувствовал жизнь маленьких русских городов и все то новое, что появлялось в них рядом со старыми торговыми рядами, около домов с палисадниками и маленьких железнодорожных переездов.

Оссовский искал себя в жизни, искал свою тему, которая могла бы стать только его открытием.

До того, как попасть на выставку, я познакомился с ее каталогом, и он меня сразу заинтересовал. В самих названиях вещей, в их подчеркнутой портретности уже чувствовалось отличное знание изображенных в них людей, их судеб. Мне показались очень привлекательными, очень человечными такие черты искусства Оссовского. И, придя на выставку, я с радостью убедился, что это так и есть.

Я незнаком с героями его полотен — Сергеем Трашановым, Петром Авдошининым, Виктором Барышевым, я их никогда не видел, но у меня такое чувство, что я знаю их давно, не по Пскову — я там, к сожалению, не бывал,— но, может быть, по Коломне или по подмосковному месту — Пескам.

Это значит, что портрет стал типичным, собирательным образом, и это очень убедительно.

А уж Нина Ивановна Трашанова, героиня картины «Сыновья», написанная Оссовским лучше всего, кажется мне просто старой знакомой. Словно живет где-то рядом, в соседнем доме, в соседней квартире и ее судьбу я знаю до самых мельчайших подробностей.

Такое близкое знание жизни я очень ценю в искусстве. Изображение одной семьи в картине Петра Оссовского приобретает масштабность, значительность, выходит за рамки единичного, становится как бы изображением народной жизни. Лучшей работой на выставке мне представляется картина «Сыновья». Она очень человечна, спокойна, крепко сделана — и женщина, и мальчики, и тяжелые лодки на воде.

Мощные башни Пскова, легкие белые чайки, грузные лодки, окрестности Псковского озера художник показал так убедительно, что все это весомо и зримо приблизилось ко мне.

Он хорошо чувствует тяжелую северную воду и северное серое небо, но в этом своем интереснейшем цикле в первую очередь изображает людей, очень разных и всегда интересных. Портрет, например, Тани Пахомовой напомнил мне чудесных героинь актрисы Чуриковой своей чистой формой и душой.

Хочу подчеркнуть, что полотна Оссовского сделаны с очень точной задачей. Часто на выставках встречаются произведениия, написанные вяло и как бы случайно: они могли быть созданы, а могли и не быть. Думается, что у каждого художника возможны неудачи, даже срыв, но не может быть равнодушия ни к тому, что он изображает, ни к тому, как он это делает.

Петр Оссовский увлечен и углублен в свою тему. Он связан с одним определенным местом, с людьми, которые там живут. И это его пристрастие кажется мне на редкость верным и полезным для искусства. Его убежденность и заинтересованность, естественная, невыдуманная и ненаигранная, дали особую завершенность картинам, сделанным как бы на одном дыхании.

Особая человечность и душевность произведений определяют удачу живописца. Он любит людей, которых изображает, и это сразу создает особый лирический настрой.

Бывает, что человек с лицом суровым и словно вырубленным достаточно грубо может открыться поразительно нежной и тонкой стороной своей души, а иная кокетливая, красивая и модная особа поведет себя вульгарно, бестактно, пренебрежительно к окружающим.

Понять глубину, постичь характер и личность трудового человека, передать на полотне его истинную сущность — в этом задача и счастье подлинного художника. Именно в этом — успех работ Петра Оссовского.

Реальность искусства всегда возникает из глубокого сходства с натурой. У Бориса Пастернака в статье о Шопене написано, по-моему, удивительно верно, что Шопен реалист в том же самом смысле, как Лев Толстой. Его творчество насквозь оригинально не из несходства с соперником, а из сходства с натурой, с которой он писал.

Для меня искусство, которое хотелось бы делать самому, состоит как бы из хроники и поэзии, то есть из точно увиденного художником мира и очень лично, тепло, лирично или сурово понятого им.

Именно это и придает искусству образность.

Мне кажется, что сейчас творчество Оссовского обладает чертами жизненной точности и сдержанной, человечной и достаточно суровой поэзии.

НА ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛЕ ПСКОВА

Петр ОССОВСКИЙ,
народный художник РСФСР

Впервые на землю древнего Пскова я приехал дождливой, хмурой осенью 1966 года. Серые, мокрые от дождя стены городского кремля, свинцовые купола Троицкого собора, черные от смолы шатры сторожевых башен, восстановленные после войны, производили впечатление суровое и мужественное.

Интересуясь историей Пскова, я прочитал рассказы людей, видевших этот город в эпоху средневековья. Это была мощная военная крепость и одновременно один из красивейших городов Европы. В те далекие времена удивленному взору путников открывалась сказочная картина города с разноцветными куполами храмов: голубыми, зелеными, желтыми, золотыми. Сейчас открыты фундаменты более чем тридцати церквей на небольшой территории кремля. Если пройти по крепостным стенам, опоясывающим весь город с десятками белостенных храмов-красавцев внутри, то можно себе представить его внушительные масштабы в те времена.

С тех пор я часто бывал в полюбившемся мне старинном Пскове, с каждым приездом все ближе и внимательнее знакомясь с его людьми и окрестностями. Я рисовал старинную крепость Изборск, карьер, где

П. Оссовский. Род. 1925. СЫНОВЬЯ. 1968—1975.

добывают знаменитую на всю Псковщину серую каменную плиту, из которой воздвигнуты древние и многие современные строения, стоящие на этой земле. Но особенно часто я бывал на Талавских островах, что в тридцати километрах от города, внимательно изучал жизнь и труд рыбаков Псковского озера.

Совсем недалеко от этих мест в 1242 году произошло историческое сражение, получившее название «Ледовое побоище». После жестокой битвы древний Псков, распахнув свои ворота, под звон колоколов встречал дружины Александра Невского, отстоявшие родную землю от иностранных завоевателей.

В первый мой приезд я встретился с двумя псковскими кузнецами: Петром Андреевичем Ефимовым и Кириллом Васильевичем Васильевым, работавшими в реставрационных мастерских города. Это были одни из тех народных мастеров кузнечного дела, которыми испокон веков славилась псковская земля. Они бережно хранили традиции своего замечательного ремесла, заставляя железо превращаться в произведения искусства. Работали они вместе с псковским художником Всеволодом Смирновым, который и сейчас продолжает в своем творчестве традиции кузнечного дела. Картина «Народные мастера — кузнецы Петр Ефимов и Кирилл Васильев» является не только групповым портретом, в котором фоном служат изображения кованых прапоров для псковского кремля, но одновременно она должна показать связь седой старины с жизнью наших дней.

...Тихая и величавая река Великая, окаймленная невысокими берегами с воздвигнутыми на них белыми храмами, разбегаясь на рукава, несет свои воды в Псковское озеро. Почти в центре его находятся Талавские острова. Сейчас два острова из трех названы в честь комиссаров Белова и Яна Залита, казненных здесь же белогвардейцами в 1918 году. Много лет я жил на самом большом из них — острове Залита. Местные жители с их заботами, радостями и горестями стали моими близкими друзьями и знакомыми. Кто из русских людей не знает знаменитую маленькую рыбку снеток, которую столетиями ловили псковские рыбаки! Именно на ловле снетка я и познакомился с бригадой молодых парней, которая изображена на картине «Рыбаки Псковского озера». Прошли годы, и молодежь разъехалась по разным городам России — кто учиться, кто работать, но на картине Сергей Корольков, Николай Морин, Виктор Барышев и Николай Клюйков останутся вместе. С ними изображен пожилой рыбак с острова Залита — Петр Авдошинин.

Картина, по моему замыслу, кроме портретного изображения, должна иметь подтекст. Когда подъезжаешь к острову, то рыбаки, попыхивая папиросками, встречают незнакомцев внимательным и строгим взглядом. Так и в глубокой древности псковичи первыми из русских людей встречали друга и врага. Меня интересовала не бытовая сцена, виденная в жизни; хотелось показать, как плотной стеной стоят парни, за спинами которых их дома, старики, матери, жены, дети, родная земля — Россия.

Это потребовало упорной работы над эскизами, которых я сделал более сорока. В некоторых из них больше получалась правда наблюденного в жизни, в других я уходил в сторону обобщения и символа. Соединить увиденное в жизни с большой темой — русские люди — оказалось очень сложной и трудной задачей. На это ушли многие годы работы.

Я знаю почти всех жителей острова Залита. Многие из них изображены в портретах и картинах. На полотне, названном мною «Сыновья», представлена семья Трашановых — Нина Ивановна, Сергей и Витя. Семья эта пережила тяжелое горе: в расцвете лет погиб Николай Трашанов — красивый, молодой. Семья осталась без отца. Все тяготы жизни пали на плечи Нины Ивановны. Ей приходится заниматься не только сельскими и хозяйственными делами, но и заменять погибшего мужа в сложном рыбацком труде. Дети растут, учатся, помогают своей матери.

Семья изображена за починкой колхозных сетей, на фоне трех лодок, связанных вместе, как бы символизирующих единую судьбу этих людей.

...Неяркая природа северной России не сразу открывает свои красоты тому, кто хочет писать ее. Только вжившись в эти края и полюбив их, увидишь и сильные краски земли и нежное небо.

Приглядываясь к псковскому кремлю, к его архитектуре, я долго искал, как можно его написать. Удивительно красив и пейзаж Талавских островов: древние валуны, смоленые лодки, якоря и сети на берегу озера, то ласкового, то сурового, и над всем этим — купол неба, по которому плывут гигантские облака. Современная жизнь островов и седая старина, уходящая в глубь веков.

Нежные краски лета, напряженные и пылающие цвета осенних закатов, синевато-сизая дымка, окутывающая природу зимой,— все это можно рисовать без конца, и каждый раз найдется новый поворот, новый оттенок в богатейших нюансах северной природы.

А чудесные белые ночи, когда в одиннадцать-двенадцать часов можно спокойно писать с натуры! Какие неповторимые и неуловимые цвета открываются взору!

Северную природу называют скромной, но она богата по колориту, и тому, кто ее полюбит, она подарит свою дивную красоту.

●

Виктор Петелин

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

ПИСАТЕЛЬ И РОДИНА

Есть художники слова, чьи имена неизменно вызывают к себе жгучий интерес. Сколько бы, допустим, мы ни обращались к литературе, посвященной Пушкину, каждое пополнение Пушкинианы не оставляет нас равнодушными. Или другой пример: о Есенине в последние годы написано немало работ — и все они воспринимаются с удвоенным, утроенным вниманием. Михаилу Шолохову, его литературному пути посвящены и обширные монографии, и журнальные статьи, и иллюстрированные издания — все привлекает ревностное внимание почитателей — им несть числа! — замечательных романов, изданных и переизданных во всем мире.

Ценность книги Виктора Петелина «Михаил Шолохов. Очерк жизни и творчества» заключается в том, что критик собрал и обобщил биографические сведения о Шолохове, связанные с творческой историей его произведений. Прослеживая путь в литературу, рассказывая и о первых шагах писателя, и о становлении таланта, и о сложной судьбе героев «Тихого Дона» — гигантской современной художественной эпопеи, исследователь неизменно подчеркивает народную основу шолоховских созданий, пронизанных острейшей социальностью. Особый интерес вызывают такие разделы книги, как «Сознательное и бессознательное в человеке», "Григорий Мелехов как трагический герой», «Как духовно преобразился русский человек!».

Привлекает сердечность и непосредственность стиля книги. Автор влюблен в своего героя, находит все новые и новые подробности, показывающие, как повседневное и теснейшее общение писателя со своими земляками, многочисленные встречи с читателями позволяют Шолохову постоянно находиться в гуще событий. Родство Шолохова с народной средой носит глубоко органический характер.

Исключительно удачно приведено исследователем шолоховское высказывание, посвященное взаимоотношению художника со временем и страной: «Мой родной народ на своих исторических путях шел вперед не по торной дороге. Это были пути первооткрывателей, пионеров жизни. Я видел и вижу свою задачу как писателя в том, чтобы всем, что написал и напишу, отдать поклон этому народу-труженику, народу-строителю, народу-герою, который ни на кого не нападал, но всегда умел с достоинством отстоять созданное им, отстоять свою свободу и честь, свое право строить себе будущее по собственному выбору».

Достоинство монографии Виктора Петелина заключается и в том, что она написана увлекательно, легко читается. Нет сомнения, что она займет свое место в ряду книг, посвященных великому художнику.

Евг. ОСЕТРОВ

Виктор Петелин. Михаил Шолохов. М. Воениздат. 1974. 320 стр.

ЖИЗНЬ В КИНО

Не отрываясь, читаешь, будто самую интересную беллетристику, воспоминания старейшего советского кинорежиссера А. Разумного «У истоков...».

Своеобразная, захватывающая книга, выпущенная издательством «Искусство», овладевает вниманием любознательного читателя всецело, несмотря на то, что автор на протяжении своих мемуаров предельно сдерживает себя в эмоциях, явно предпочитая им строгую и четкую доказательность.

Оказавшись в полном смысле слова у истоков зарождавшегося в нашей стране кинематографа, придя в кино юношей и оставаясь в нем до последних дней жизни, Александр Ефимович Разумный — художник, оператор и сценарист — сделал все, что мог, для того, чтобы возникающее советское киноискусство с первых же своих шагов оказалось вплотную связанным с событиями революции, служило революции.

Первая кинохроника: съемка рабочих демонстраций, происходивших на улицах Москвы в предоктябрьские еще дни; первые агитфильмы, необходимые Советской власти в ее борьбе с контрреволюцией; первая художественная картина «Мать» по роману А. М. Горького; первые детские картины, увенчавшиеся неповторимой лентой о Тимуре, созданной А. Разумным в теснейшем дружеском союзе с Аркадием Гайдаром... И не назовешь все, что сумел сделать за долгую и такую творчески напряженную жизнь этот одержимый деятель кино, удивительно скромный и добрый в отношениях с людьми человек, с которым мне посчастливилось встречаться как раз в те дни, когда создавался один из лучших в истории советского кинематографа фильмов — «Тимур и его команда».

Годы, казалось, не были властны над А. Е. Разумным. Он оставался неутомимо мыслящим художником до самого конца жизни, которую рассматривал как непрекращающийся процесс творчества.

Интересно, что А. Е. Разумный, будучи уже в силу самой работы, всех условий своего времени окружен многими формалистическими течениями и направлениями, неизменно сохранял верность реализму. С этих именно позиций он и окидывает прошлое в своей книге широким, объективным, всегда благожелательным, но неподкупно точным и верным взглядом. Сколько волнующих фактов, ярких событий, знаменитых людей встретится читателю, хотя сам автор по-прежнему останется до самых последних строк скромен и сдержан.

Записки киномастера сохранил для нас сын А. Е. Разумного, В. А. Разумный. Спасибо ему за это... Книга написана коммунистом, ленинцем, написана рукою художника и документалиста одновременно.

Н. ТОЛЧЕНОВА

БОРИС АЛЕ

Анатолий СОФРОНОВ

С трудом возвращаясь в явь после трехчасовой операции под общим наркозом в палате военного московского госпиталя (Второй госпитально-хирургической клиники), я увидел, как слушают радио мои соседи по палате, надев наушники. Операция была костная, боль сохраняется долго... Рядом лежащий раненый, обернув ко мне лицо, вполголоса сказал:

— Слушай новый гимн.

Я не ответил. И снова закрыл глаза. Но все же слышал, как из наушников просачивалась какая-то ранее неизвестная мелодия. Мелодия тревожная и возвышенная. Потом музыка затихла... Потянулись госпитальные дни. Так и запомнился этот военный гимн сорок первого года, ныне именуемый песней «Священная война». Как с молитвы, начинали мы в госпитале каждый день словами:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война...

Там, на Западном фронте, под Смоленском и под Ярцевом, а позже под Дорогобужем и Вязьмой, находясь в редакции газеты «К победе» 19-й армии — которой тогда еще командовал Иван Степанович Конев,— мы слушали радио не часто. Редакция была все время на колесах; мы, ее работники,— в пути, в частях; а потом, где-то под сосной или березой расстелив шинель, лежа писали статьи, стихи, заметки,— все, что нужно было армейской газете в те суровые летние дни сорок первого года...

Но теперь мое движение кончилось. Я лежал почти неподвижно на постели. За окном, на Пироговской улице, медленно падали желтые листья... И все мы, девять человек, население госпитальной палаты, как по команде, замирали по утрам, когда из наушников лились слова: «Вставай, страна огромная»... За ними — с каждым днем все тревожней и все короче — звучали трагически-отрывистые слова сводок Информбюро. Но была песня: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна...» И была неистребимая вера в победу.

Однажды, когда я уже начал подниматься и выходить в коридор, сестра Ирина Сергеевна сказала, что ко мне пришел посетитель, артист Ярон.

— Ярон?! — изумился я.

— Да, из оперетты.

Я был коротко знаком с Григорием Марковичем Яроном, известным московским артистом, по одной работе до войны, когда впервые написал стихи к оперетте харьковского композитора З. Заграничного «Голубые скалы». Пьеса была поставлена на сцене московского театра. Для меня тогда это была самая первая встреча с театром.

— Так как? — спросила сестра.— Дай я тебе накину халатик?..

Теснимый загадками, я вышел в коридор. Вскоре появился и Ярон. Этот великолепнейший комедийный актер на этот раз был более чем серьезен. С некоторой жалостью посмотрел он на мою правую руку, закрепленную так называемым приспособлением «аэроплан».

— Как же вы пишете?

— А я не пишу.

— А письма?

— Диктую сестрам... Или корябаю левой рукой.

— Лишь бы не левой ногой... Извините комика за эстрадную остроту. Слушайте, Анатолий, что же вы, так и будете прозябать в госпитале?

— Кость срастется, вернусь в строй.

— Надеюсь, думать вы можете и без этой вашей руки?

— Могу.

— Тогда слушайте... Нужна оперетта о войне...

— Разве сейчас до оперетты?

— Люди всегда хотят смеяться. Хотят слушать хорошую музыку. В нашей труппе сейчас находится превосходная чешская актриса Стефа Петрова. Вы понимаете меня?

— Нет.

— Вам много делают уколов?

— Достается.

— Это заметно... Ей нужна роль, но такая... С иностранным акцентом. Может быть, даже что-нибудь испанское... А почему бы и нет? В 1937 году у нас оказалось много испанских детей... Что вам стоит придумать военный сюжет? И есть зрелый музыкант, композитор Борис Александров.

— Он написал эту прекрасную песню — «Священная война»? И «Гимн партии большевиков»?..

— Это написал отец Бориса Александрова, руководитель ансамбля песни и пляски Красной Армии, Александр Васильевич Александров. А Борис работает с отцом в ансамбле... Его правая рука... И это его музыка к пьесе Юхвида «Свадьба в Малиновке». Вы что, все забыли?

— Не забыл... В «Свадьбе» превосходная музыка!

— Наконец-то дошло! Пишите пьесу. А Борис Александров напишет музыку. Не забывайте,— он отлично чувствует народное начало в мелодии... Но так, чтоб без особых мерехлюндий!

— А «Марица»? А«Сильва»?

— Кальман хорош, но сейчас нам нужен Борис Александров! Поймите, они с отцом стоят во главе ансамбля, где концентрируется вся военно-патриотическая музыкальная мысль, все наши чувства. Думайте! И поправляйтесь!.. Чтоб к следующему моему визиту к вам я этой авиации у вас на руке больше не видел.

...Положение под Москвой было тяжелое; 17 октября госпиталь эвакуировался в город Горький. Каждое утро мы просыпались с одной мыслью: что под Москвой? Что под Ростовом? Что под Ленинградом?.. Сводки Информбюро по-прежнему были тревожными. Но вот пришли добрые сообщения из-под Ростова и Тихвина, и как-то по-особому зазвучали слова песни «Священная война» в мощном исполнении ансамбля Красной Армии.

В декабре 1941 года меня направили после госпиталя в Москву, в резерв Главного Политического управления РККА. Здесь мы и увиделись с Борисом Александровым, в ту пору уже маститым композитором, автором многих военных песен, исполняемых ансамблем, за дирижерским пультом которого тогда стоял блестящий знаток русской народной, солдатской, военно-патриотической песни — Александр Васильевич Александров. С первых дней войны ансамбль А. В. Александрова, разделившись на группы, отправился на Южный, Юго-Западный и Западный фронты, а также выступал в зенитных частях Подмосковья...

Вскоре появилась пьеса «Девушка из Барселоны»; «испанский сюжет» и впрямь лег в основу этой комедии. Заглавную роль молодой испанки, выросшей в России, должна была играть Стефа Петрова, а ставить пьесу — сам Григорий Ярон. Участвовали в спектакле такие прекрасные мастера сцены, как Татьяна Бах, Лебедева, Володин, Гедройц, Аникеев, Качалов и другие...

Как и положено в таких случаях, я написал стихи к пьесе в традиционной манере русского музыкального спектакля. Но не тут-то было: Борис Александров сделал все по-своему, написав музыку, где и положено ей быть,— но не по моим стихам, а по своим «размерам», исключающим обычные строки с определенными окончаниями и ударениями.

Музыка Бориса Александрова была звучной и мелодичной, и ее хорошо принял театр. А мне все стихи следовало переписать заново.

Театр решил выпустить спектакль к XXV годовщине Октябрьской революции... Несколько вечеров я сидел с Борисом Александровым по вечерам у рояля в его квартире; он, не торопясь, играл замысловатые «испанские» ритмы...

В ту пору я уже был военным корреспондентом газеты «Известия» и готовился отправиться к брянским партизанам по заданию редакции.

Никогда не забудется день первого спектакля «Девушка из Барселоны». Это был ноябрь 1942 года. Я только что вернулся из брянских лесов и, что называется, прямо с аэродрома отправился на премьеру. Открылся занавес; на сцене я увидел события, близкие тем, которые только что наблюдал в брянских лесах. Вот тут-то и можно было снова оценить особый, непохожий ни на чей другой талант композитора Бориса Александрова. От лирической арии до мощного ансамбля,— дуэты, квартеты, шуточные песенки,— все звучало так, будто тема, отстоявшись в душе композитора, проникла в самую «строчечную суть» его музыки. И здесь я снова вспомнил его певучую, глубоко народную музыку к «Свадьбе в Малиновке», кстати, идущей и по сие время.

Главный успех спектакля был в музыке и прекрасной игре актеров.

...Более тридцати лет прошло с тех пор. И все это мы вспомнили с Борисом Александровичем совсем недавно, сидя на открытой деревянной террасе его дачи, удаленной от Москвы.

Невольно оглядываясь на давние годы и перебирая в памяти последние десятилетия, думаешь об удивительном, самобытном таланте Бориса Александрова, так органически сочетающем в себе творчество — большой композиторский дар — с огромной созидательной рабо-

КСАНДРОВ

Фото А. Награльяна

той, которую ведет ансамбль Советской Армии, пропагандируя лучшие произведения советских композиторов.

И музыканты и поэты всегда счастливы, когда их произведения попадают в руки Бориса Александрова... Мне не раз приходилось слышать об этом из уст таких мастеров советской песни, как Тихон Хренников, Матвей Блантер, Борис Мокроусов, Анатолий Новиков, Василий Соловьев-Седой...

...На этот раз я, кажется, приехал к своему старому другу не совсем вовремя. Он нездоров. Воспаление тройничного нерва... Он сидит против меня за столом, морщась временами от резкой боли. Неподалеку, пытаясь чем-то помочь,— его верный друг — жена Ольга Михайловна.

— Ничего, ничего... Ты спрашивай, а я потихонечку буду отвечать,— говорит Борис Александрович.

— Скажи, пожалуйста, в чем ты видишь отцовскую традицию? Преемственность в своей работе?

— Преемственность... Это — хорошее, точное слово,— говорит Александров.— Отец был композитором военно-патриотической темы. Он очень давно начал собирать военные, солдатские песни. Много ездил по армиям, записывал песни, я, находясь рядом, наблюдал за работой отца. Всячески помогал ему, когда он был в ансамбле... И сам, можно сказать, с детства испытал тягу к военно-патриотической музыке. Вся моя жизнь связана с армией,— вот отсюда и преемственность. Даже темы оперетт, как ты знаешь,— военные: «Свадьба в Малиновке», «Девушка из Барселоны», «Сотый тигр»... Как исполнитель-дирижер, я всегда стараюсь наполнить ансамбль патриотическими произведениями, посвященными Ленину, партии, нашему народу, нашей славной армии. Вообще я считаю, что ансамбль наш — народный. Вот, пожалуй, в чем отцовское наследие. И — преемственность.

— А в чем ты видишь свои собственные стилевые особенности как композитор и руководитель ансамбля?

— Во-первых, мелодическая народность. Я бы сказал, это основа военной песни. Конечно, эпохи были разные. Тридцатые годы, сороковые... Послевоенные... Но стиль военной песни, ее эпическая мелодичность и наполненность остались. Широко напевная и, конечно, не банальная. Со всеми народными основами. Песни, построенные и на интонациях солдатских, армейских песен, и бытовавших давно, и звучащих по настоящее время...

— Когда же ты написал свою первую песню?

— Давно... Очень давно! Учась в Московской консерватории, в классе композитора Глиэра, я написал в 1925 году песню о Ленине. Песня тогда получила в консерватории премию. Это и была моя первая творческая заявка. Все началось с той песни... С тех пор я написал много песен о партии, об армии — обо всем том, что близко сердцам людей.

— Александр Васильевич был создателем и организатором ансамбля всеармейского, ансамбля песни и пляски. Последние десятилетия ты стоишь во главе прекрасного ансамбля. С кем можно этот ансамбль сравнить?

— Ну, это уж не мне судить... Я же в ансамбле начал работать в 1937 году. А в 1946 году, когда умер Александр Васильевич, мне поручили руководить ансамблем. Кстати, в 1978 году ансамблю исполнится 50 лет. Когда он возник, ничего подобного не было. Были, конечно, чтецы, отдельные исполнители. Всего двенадцать человек. Потом ансамбль стал постепенно увеличиваться. Сейчас в нем 220 человек. Было и больше. Но больше, чем сейчас, не нужно.

— Как же рождаются песни после того, как они приняты к исполнению?

— В каждой песне нужно раскрыть ее душу, ее особенности, глубину. Раскрыть так, как режиссер, создавая спектакль, раскрывает пьесу. В песне куплетная форма. Но нельзя механически повторять каждый куплет. Надо думать: где хор, где солист исполняют. А еще — как исполняют!.. Через ансамбль прошло много замечательных композиторов: Соловьев-Седой, Блантер, Хренников, Мокроусов, Новиков, Листов, Кац, Фрадкин, Фельцман, Пахмутова. Во время войны появились песни «Прощание», «Вася-Василек», «Самовары-самопалы», «Соловьи», «Вечер на рейде», «Землянка», «Смуглянка», «Шумел сурово Брянский лес»... После войны — «В путь», «Гимн демократической молодежи», «Подмосковные вечера»... Каждая песня имеет свой характер. Надо этот характер — душу песни — раскрыть предельно выразительно. И тут не только огромная ответственность, но и огромное удовольствие для коллектива ансамбля,— раскрывать душу песни...

— Какие твои песни больше всего тебе ближе — самому больше нравятся?

— «Песня о Ленине», «Да здравствует наша держава!», «Шли солдаты»...

— У тебя были оратории, кантаты...

— Да, я люблю такую развернутую форму, в основе которой все же находятся песни... Поэтому и написал ораторию «Солдат Октября защищает мир»; она была посвящена 50-летию Советской власти. Оратория «Дело Ленина бессмертно» — к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича... И еще к 50-летию СССР написал кантату «Тебе присягаем, Отчизна».

— А что пишешь сейчас?
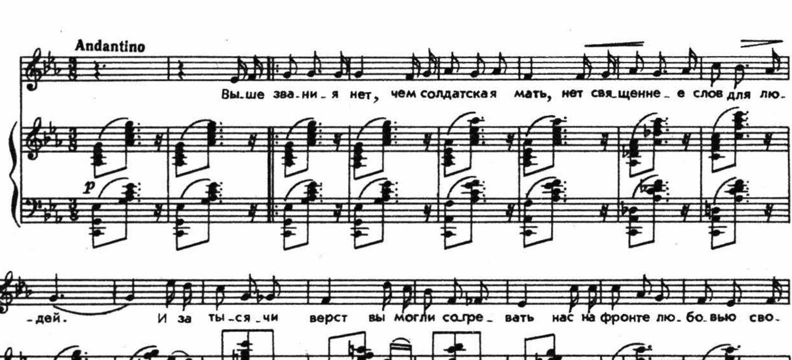
— Песню о партии — к двадцать пятому съезду. Недавно вышла музыкальная комедия по пьесе «В степях Украины» Корнейчука. Жаль, он не дожил... Сейчас работаю над балетом «Левша» по Лескову для ленинградского Кировского театра.
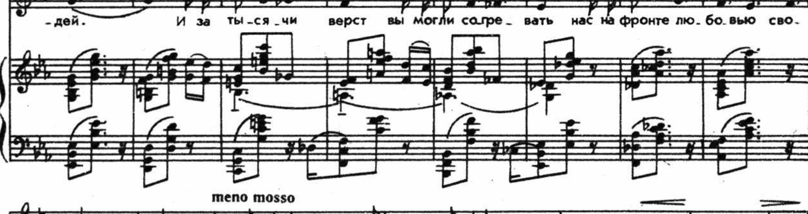
...Тихо шелестят листья... Мы сидим на веранде. Немного странно видеть в домашней одежде человека, которого не только в Советском Союзе, но далеко за пределами страны привыкли видеть в генеральской форме, взмахом руки пускающим в бой своих «музыкальных солдат».
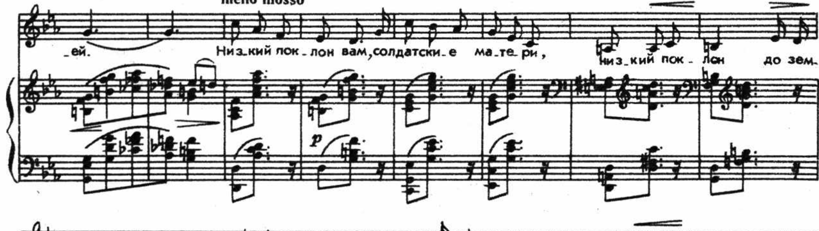
Да нет же, не с чем сравнить ансамбль песни и пляски Советской Армии! Много ансамблей на свете, но такой — один. Единственный.
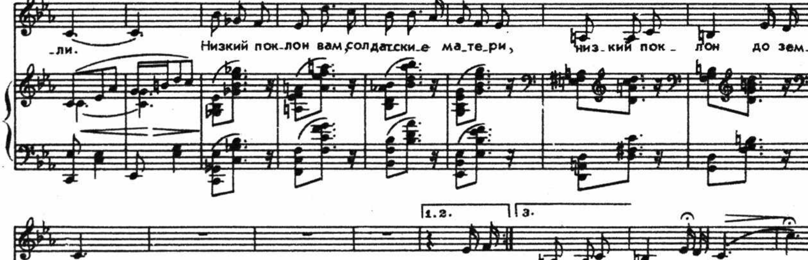
Когда Борис Александров в первый послевоенный год возглавил после кончины отца это боевое подразделение советского искусства, ему был 41 год. Сегодня исполняется семьдесят.
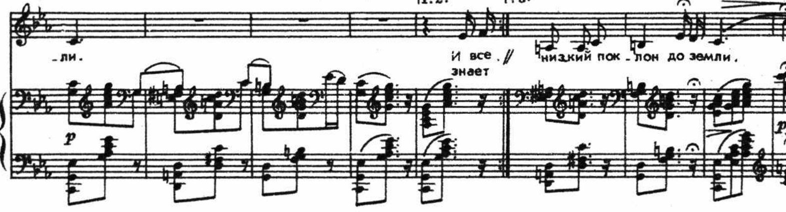
Ну, что же, скажем, что для большого, поистине народного таланта это не так-то уж и много. Ибо питают этот талант неистребимые, вечно молодые, вечно живые родники народного творчества, дающие чуткому художнику, преданному своей родной земле, богатырские силы.

Солдатские матери

Стихи Сергея БЕНКЕ
Музыка Бориса АЛЕКСАНДРОВА

Выше звания нет,
чем солдатская мать,
Нет священнее слов для людей.
И за тысячи верст вы могли
согревать
Нас на фронте любовью своей.

Низкий поклон вам,
солдатские матери,
Низкий поклон — до земли.

И всегда нас к Победе
в сраженьях с врагом
Вел вперед материнский наказ.
И в землянках сырых
и под шквальным огнем
Верным сердцем мы помнили вас.

Низкий поклон вам,
солдатские матери,
Низкий поклон — до земли.

Знает маршал седой и солдат
молодой,
Что пришлось вам в войну
испытать...
И пусть вечно горит негасимой
звездой
Ваша слава, солдатская мать.

Низкий поклон вам,
солдатские матери,
Низкий поклон — до земли.

люди
стран
социализма

Галина КУЛИКОВСКАЯ, специальный корреспондент «Огонька», фото А. СЧАСТНОГО

— Поезжайте в Печки,— посоветовал мне Милан Цодр, главный редактор журнала «Кветы», — это небольшой сравнительно город в Среднечешской области. Там найдете Ладислава Стейскала, депутата Федерального собрания — интересный человек...

Широкоплечий человек возился у шкафа с множеством разноцветных проводов. Положив на скамейку плоскогубцы, он повернулся к нам, с доброй улыбкой пожал руки. Я спросила у него, когда бы могла с ним поговорить. Стейскал извинился, сегодня вечером он занят, но вот завтра... Располагаю ли я временем завтра? Живет он в Клипеце, небольшой деревеньке под городом Печки. Адрес такой...

Пока мы уславливались, подошел мастер, потом еще кто-то. Узнав о цели моего приезда, люди разговорились. Они давно знают Ладислава — почти двадцать лет.

— Да, он действительно замечательный человек, недаром удостоен звания «Лучший работник машиностроительной промышленности»,— вступил в разговор начальник цеха Ярослав Керн.— Однажды на крупной электростанции недалеко от границы с ГДР произошла авария. Нашему заводу срочно поручили принять участие в ее ликвидации. Стейскал взял на себя самое тяжелое — монтаж пульта. Работал, не считаясь со временем. Приходил по воскресеньям, оставался на ночь. В результате на целых десять дней сократил и без того напряженный срок монтажа.

— Ладислав Стейскал очень занят; он депутат, член президиума райкома партии, но никогда не разрешит себе пропустить субботника,— дополнил его Иржи Прохазка, председатель цехового комитета.

— Он стойкий коммунист, интернационалист в самом высоком значении этого слова,— сказал Милан Нака, секретарь парторганизации цеха. — Все мы помним кризисный шестьдесят восьмой год. Стейскал с отрядами рабочей народной милиции был направлен в Прагу для наведения порядка и был в первой шеренге тех, кто открыто, мужественно и принципиально вступил в бой за чистоту партии, за ее ленинскую политику, за дружбу с Советским Союзом, за социализм.

Так отзывались о Стейскале его товарищи, и я с большим волнением ждала назначенной встречи.

Она оказалась удивительной, эта встреча, словно со Стейскалом и его семьей мы дружны были долгие годы и теперь увиделись после долгой разлуки. Ого, какой высокий Владек! Неужели ему всего пятнадцать? Чем он занимается? Решил стать механиком, ремонтировать сельскохозяйственные машины. А младший, Пепик? Пепа, попав в центр внимания, смутился, заморгал длинными ресницами. Он еще не решил, он только в восьмом классе.

— Сегодня день его рождения,— говорит жена Стейскала Анна,— ему исполнилось тринадцать лет!

Так вот в честь кого розы и праздничная скатерть на столе! Стейскал улыбается:

— Не угадали. Мы все родились в этом месяце, вот и решили устроить объединенный день рождения! В моем детстве подобных праздников не бывало. Когда мне было столько лет, сколько сегодня Пепе, шел сорок второй год.

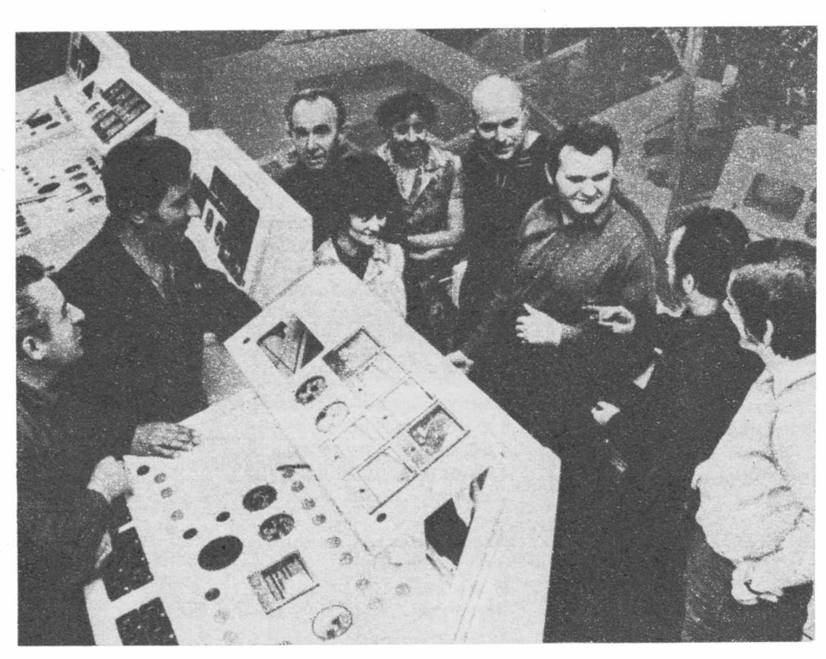
Сорок второй... Преданная Бенешем, придавленная фашистским сапогом Чехословакия не сдается. Ни аресты, ни виселицы, ни расстрелы не могут сломить боевой дух в отрядах Сопротивления. За тысячи километров от Лабы и Моравы решается судьба Москвы. Наконец дошли слухи: фашисты отброшены, гитлеровский вермахт потерпел первое крупное поражение. Потом еще будет Сталинград...

— В тринадцать лет я уже нанимался к богачам, зарабатывал на хлеб,— продолжал Стейскал. От добродушия на его лице не осталось и следа. На высоком лбу обозначилась складка. Сжатый рот еще больше подчеркнул волевой подбородок. — Дома мы считали, сколько картофелин осталось на ужин и как их разделить на одиннадцать душ... Все изменилось восьмого мая сорок пятого года, когда в Прагу вошли советские войска. Я поехал в Тоужим, это недалеко от Карловых Вар, поступил в профессиональное училище, стал электромехаником.

Анна, сервируя стол, внесла тарелки.

— Однако соловья, как говорят у вас, баснями не кормят,— при-

РЛАМЕНТАРИЙ

Эти пульты монтирует Ладислав Стейскал и его товарищи.

В кругу семьи.

гласил он жестом к столу,— так я сказал?

— Да. Есть у нас такая пословица. Вы немножко говорите порусски?

— Немного. Изучал русский язык в танковом училище имени Клемента Готвальда. Я ведь капитан в отставке,— молодцевато расправил он свои и без того богатырские плечи.

— Сначала мне тут не понравилось, степь, свекла да пшеница. Я привык к горам и думал: как здесь люди живут? Я бы тут ни за что не остался! А вышло наоборот...

— Как же это получилось, если не секрет?

— Анну встретил. Она из Клипеце. Но если точно, то не я ее встретил, а она меня. Писала письма моему другу, с которым мы в танковом учились. Фотографию свою ему прислала, а женой стала моей. Муж ей достался не из легких: дома бываю мало, все дела да работа.

Разговор сразу же зашел о том, что меня заинтересовало в этом человеке. Заботы Ладислава Стейскала — члена парламента, члена президиума райкома партии и народного судьи — их трудно даже представить себе во всем объеме. А в сутках всего двадцать четыре часа...

— Знаете, есть две категории людей,— не спеша говорил он.— У одних на первом плане свои потребительские интересы, которые непомерно растут. Обратись к такому человеку с общественным поручением, пригласи на субботник — он скажет: мне некогда. У него на уме только свои личные заботы: была у него «татра», а увидел у соседа «мерседес» — и сон потерял... А есть люди другой категории. Те, что никогда не откажутся от партийного и общественного поручения. Они сделают все что надо для своего завода, своего города и не посчитаются со своими личными интересами, даже действуя, казалось бы, в ущерб им. Но это только кажется на первый взгляд, потому что, когда ты делаешь что-то полезное для всех, это значит, что в конечном итоге ты делаешь полезное и для себя. Так я живу и не могу жить иначе, не имею права! Стараюсь как можно больше принести пользы людям. В этом вижу главный смысл своей жизни.

Да, таково кредо Стейскала, кредо коммуниста в самом высоком значении этого слова,— так ведь называют его на заводе и в райкоме партии. Мне захотелось лучше представить себе его «расписание жизни».

— Ну, что же,— сразу согласился он,— давайте посмотрим, что записано у меня в этом месяце.

Стейскал откинул листки настольного календаря.

— На этой неделе в среду, то есть завтра, президиум райкома партии. В четверг, в городе Подебради, встреча с избирателями. Округ у меня большой — три города: Подебради, Печки, Местец-Кралове и семьдесят восемь сельсоветов. Я сам езжу к избирателям на собрания и активы в деревнях, сельсоветах, на заводах. А с личными просьбами люди обращаются к депутатам местных — районных и городских комитетов. Ну, а если кто-то непременно захочет встретиться со мной, то подходит ко мне на собрании. Что у меня еще на этой неделе? Вот, заседание в суде... Да, эта неделя получилась насыщенной. Вторая половина месяца полегче. Двадцатого партийное собрание в Подебрадах. Я как член президиума райкома должен присутствовать на нем. Двадцать пятого и двадцать шестого — заседание комиссии Федерального собрания ЧССР в Праге.

Тут я позволю себе сделать небольшое отступление. Вернувшись из города Печки в Прагу, я отправилась на Вацлавскую площадь, к величественному зданию парламента. Здесь я встретилась с Олдржихом Шимечеком, секретарем постоянной комиссии по промышленности, торговле и транспорту Федерального собрания ЧССР.

Олдржих Шимечек познакомил меня сначала с работой комиссии и ее задачами, а потом мы заговорили о депутате Стейскале.

— Он активно работает в нашей комиссии,— сказал он и привел пример. На одном из заседаний Стейскал обратился к министру, сидящему тут же, в зале, и доказал, что заводы его министерства выпускают устаревшие, не пользующиеся сбытом пылесосы, радиоприемники и телевизоры. Он привел конкретные цифры и факты. Комиссия поддержала депутата и предложила министру принять меры с тем, чтобы предприятия как можно быстрее перестроились, поставили на конвейер новые модели бытовых приборов и аппаратов. Товарищ Стейскал выступал и на сессии Федерального собрания, когда принимался закон о рационализаторской работе на производстве. Ему дороги и близки интересы народа и всего государства. Избиратели могут быть уверены, что Стейскал выполнит их наказ.

...Но вернемся к нашей беседе в Клипеце, к вопросу о бюджете времени.

— Первая неделя месяца была у меня не очень напряженной. Но вот у Анны было партийное собрание.

— Да, да, я кандидат в члены КПЧ, на заводе скоро будут принимать меня в партию,— оживилась Анна.

— Какая у вас работа?

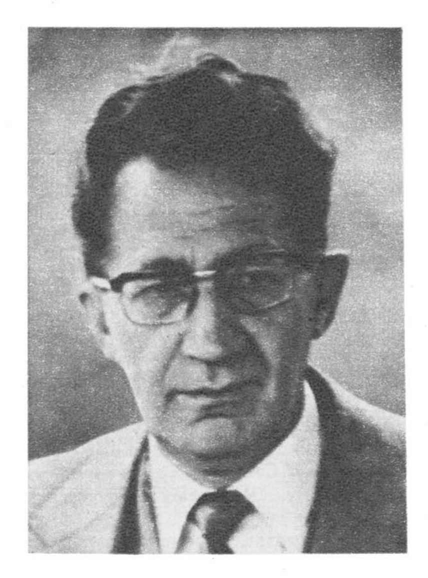
— Размножаю на копировальной машине чертежи. Для вашего КамАЗа, например. Стейскал делает пульты для автоматических систем, а мы готовим для этих пультов документацию. Нужно, чтоб эта работа, как и все остальное, что делается по заказам Советского Союза, была выполнена как можно лучше.

— Правильно говоришь, Анна! Мы всегда испытываем к вашей стране, родине Великого Октября, огромную благодарность. Ведь советский народ принес нам избавление от фашизма.

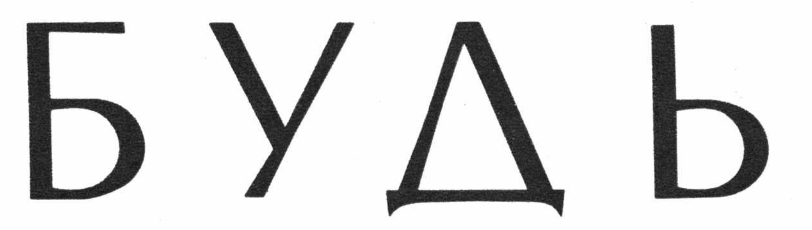
Стейскал встал, открыл секретер, отыскал папку и, осторожно вынув из нее какой-то документ, торжественно положил его на стол.

Это был мандат делегата XIV съезда КПЧ, юбилейного съезда, посвященного пятидесятилетию партии. На мандате делегата Ладислава Стейскала стояли автографы «Л. Брежнев», «Э. Герек», «Г. Гусак», «Я. Кадар».

— Тут почти все члены президиума съезда расписались,— пояснил он и потом, помолчав, добавил: — Для меня это больше, чем память о большом событии в моей жизни! Я счастлив, что встретился с теми людьми, которые претворяют внешнеполитический курс, намеченный XXIV съездом Коммунистической партии Советского Союза. Ваши успехи — это и наши успехи, это общая наша победа. Так считаем мы, коммунисты Чехословакии, так думаю я, рабочий парламентарий.

Димитр МЕТОДИЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я встал с зарею. А вокруг
Дубрава в сновиденьях лета.
И посреди затишья вдруг —
Звон родника звончей монеты.
Он звал меня.
И я приник
К его струящемуся звону.
Ты освежи меня, родник,
Как освежал во время óно.
Но что случилось с родником?
Он стал мутней дорожной лужи!
Тебе я, видно, незнаком,
Ты не узнал меня, мой друже!..

Вставала тихая заря.
Перекликалась птица с птицей.
И луч, как лисий хвост горя,
Явился, чтоб воды напиться.
Глотнул, взыграл среди лесин,
Светясь налево и направо...

— Я узнаю тебя, мой сын,—
Тут прошептала мне дубрава.
За ней и звонкая вода
Признала гостя-ветерана.
— Добро пожаловать сюда! —
Звучало нежно и желанно...

Дубрава, с музыкой воды,
Благодарю за все на свете,—
За то, что ты мои следы
Скрывала в пору лихолетья.
Когда из смертного ствола
Я бил врагов с друзьями вместе,
Ты мне заступницей была
От беспощадной вражьей мести.
Когда палил нещадный зной
И все живое смерть косила,—
Родник прохладой ледяной
Лечил нам раны, множил силы...

Я на росистую траву
Ложусь и пью живую воду.
А ты, дубрава, наяву
Опорой служишь небосводу.
И жизнь легка и не легка.
Встает восход, вовсю пылая.
Из чистой чаши родника
Мне светит молодость былая.

ЗНАКОМСТВО ПРИ ПРОЩАНИИ

Часы аперитива — это
Французские из всех часов.
Я их ценю, как брызги света,
Как сладких уст зазывный зов.
И вниз по лестничным ступеням
Спускаюсь к стойке не спеша.
Какие мы напитки вспеним,
Как воспарит от них душа!

Старик высок и тугоух.
Он с расторопностью невольной
Собрату радуется вслух,
А тот надут, как мяч футбольный.
Он мал, но в нем гнездится власть,
Что притягательней магнита.
О, как они ярятся всласть,
Как изъясняются открыто!
Меж ними шмыгает сосед
С хозяйской сумкой под ногами,
Да сам хозяин — друг бесед,—
Вот вся компанья дорогая,
Цвет ресторана «Клемансо»,
Друзья, каких не сыщешь ближе,—
Тирад да споров колесо,
«Пресс-центр» окрестности Парижа.

Другие тут — случайный люд,
Как бы гарнир в нездешнем вкусе.
Но всем возможность создают
Стать соучастником дискуссий.

Я скромный гость. И мне видна
Их иерархия сплошная.
Пусть наше дело сторона,
Но что к чему, пожалуй, знаю.
Хозяин угождает им,—
Увы, клиенты есть клиенты.
Они с настроем боевым
Нетерпеливо ждут момента.
Вот шаровидный старичок
Узрел меня и — рад стараться:
Мне, иностранцу, он речет,
Что сразу чует иностранца,
Что гость заезжий, то есть я,
Здесь сам не свой определенно,
Что заявился в их края
Из-за «железного кордона».

— Ах, гость! —
Старик в избытке чувств
Вещает, словно добрый гений:
— Вы здесь, во Франции, и пусть
Вас не смущает вольность мнений.
Он просиял и дал понять,
Что лишь у них свобода слова.
А я не стал ему пенять,—
Не переубедишь такого.

С тех пор, дитя иных земель,
Я не сумел остаться в нетях
И пил заздравный «Рафаэль» —
Аперитив гурманов этих.
Преподносил им свой табак
И угощался их «Житаном».
Наш разговор звучал, да так,
Что в полном смысле бил фонтаном.
Тут возникал словесный мост
От цели съездов до решений,
От появленья кинозвезд
До их пикантных прегрешений.
О старички, их речь не раз
Была полна хандры и взлетов.
Они, сверкая гневом глаз,
Клялi бастующих пилотов,
Как будто те сорвали им
Отлет под небо всех Америк...

А я был рад, что мы корпим
За стойкою и... лицемерим.

Салют бастующим за то,
Что затянулось расставанье.
Лишь старикашы, как никто,
Кипят, швыряются словами.

Их моложавый интерес
То воспарит, то приземлится,
Как сцены «Комеди Франсез»
В разгар несчетных репетиций...

О славной Франции язык,
Клянусь, что в чем-то свыше меры
Тебе придали блеск и зык
Французские пенсионеры!

Но вот кончается гастроль.
Я уезжаю восвояси.
Тут всяк свою играет роль,
У всех свои слова в запасе.
Хозяин преподносит мне
Стаканчик «Рафаэля» снова:
— Ах, жаль, что нет у вас в стране
Такой, как здесь, свободы слова!..

А я ответил им тогда,
Картинно сделав жест широкий:
Благодарю вас, господа,
За все наглядные уроки.
Они, признаться, словно кросс,
Влекут меня — бежать отсюда
На родину, где я возрос,
Где, слава богу, снова буду,
Где есть кофейня и куда
Ходил не раз я вместе с дедом...

Благодарю вас, господа,
За приобщение к беседам!
И по порядку номеров
Всем руки жму, не дрогнув бровью:
Очаг дискуссий, будь здоров,
Функционируй на здоровье!
Я оценил ваш пыл и жар.
Ваш сервис явно не случаен...

И дольше всех мне руку жал
Поборник вольности — хозяин.

ВИШНИ

Уснувший сад не виден и не слышен.
Ночная тьма. Ни дуновенья в ней.
Лишь колдовской настой
Расцветших вишен
Хмелит меня,
Как зов минувших дней.

Где та любовь — на самой робкой грани?
Аукни мне
Сквозь даль и темноту!..

Ни звука.
Лишь — всевластное дыханье
Стремлений,
Дум
Да вишенья в цвету.

БЫЛ ЧАС РАЗНОЯЗЫЧЬЯ ЗЛОГО

Искал своих. И все антенны,
Прицельней всякого огня,
Стремили жарко и мгновенно
Лучи общенья от меня.

Но длился час разноязычья,
Когда не светят, а чадят.
Явилась мысль в немом обличье,
Что я лишен друзей-солдат.

Что разгромили нашу роту,
Что я смертельно ранен сам,
Что кем-то заперты ворота
Ко всем ответным голосам.

Мне стало страшно...
И тогда-то
Настал другой, призывный час,
Я уловил душой солдата,
Как мы сильны, как много нас.

С любым, кто друг-однополчанин,
Я в кровном братстве состою.

В СТРОЮ!

Бессмертье павших, их молчанье
Звучат приказом:
— Будь в строю!

Труба борьбы трубит над строем.
Чем тверже шаг, тем даль видней.
— Мы наш, мы новый мир построим!—
Вот Песня песней наших дней.

ЯВЬ И СОН

Во время сна она приходит снова,
Былая явь, которой нет конца.
Засада. Взгляд, нацеленный свинцово,
И перст на спуске, и полет свинца.

Ах, если б хоть звезде тогда пробиться,
Она б поймала миг наверняка,—
Как рушится убитый, а убийца
Скрывается под маской добряка.

Грохочет выстрел. Вновь неотомщенным
Немеет сердце в области грудной.
Я просыпаюсь. И живым заслоном
Встает старушка мать передо мной.

Она вошла сюда небеспричинно,
Мне цель ее понятна и ясна,—
Живут в сознанье матери и сына
Виденья одинакового сна:

Еще опасен враг, грохочут войны,
Еще царят насилье и разбой.

И дети мира лишь тогда спокойны,
Когда ведут за мир всемирный бой!..

Перевод с болгарского
Сергея СМИРНОВА.

БОЛГАРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Я не от праха. Прахом я не стану.
Ни бог, ни дьявол обо мне потом
не будут спорить. Перед их судом
я ни живым, ни мертвым не предстану.

От духа твоего — мой дух, годами.
В тебе останусь и на склоне дня —
когда твое меня обнимет знамя
и твои руки понесут меня.

ПОЛОВИЧОК ДЛЯ ТЕБЯ

Дочке.

Вешнее солнце печет.
Льдинки последние тают.
Ветки, без листьев еще,
Голые тени роняют.
Жаркое солнце печет,
Почки волнуя в дубраве.
Солнечный половичок
Ткет для тебя разнотравье.

БЕРЕЗКИ

С утра дождливо было и туманно.
Тропа, которой шли мы наугад,
скользя, тянулась вверх...
Нежданно
дождь превратился
в снегопад.
Снег заплясал и закружился,
округу всех лишил примет.
Исчезли сосны. Даже скрылся
в нем твой неясный силуэт.
Все утонуло. Побелело.
И лишь березки то и дело,
как фонари, под снегопадом
в лесу враждебном вспыхивали рядом,
светя — чтобы нашли дорогу мы
средь этой белой тьмы...

Когда в пути застанет, как усталость,
внезапная, негаданная старость —
тогда найдем ли и такие дни
средь многих нами прожитых с тобою,
что будут нашим душам той порою
светить, лучась, как тех берез огни?

АВГУСТОВСКИЕ ТРАВЫ

И луна все та же и шуршанье
Тех целебных августовских трав,
Где тропинка дремлет в ожиданье,
Ждать шаги твои не перестав.

Тридцать лет и весен новой доли
Проживи. И вновь переживи
Нежный шепот давнего пароля —
Первое признание в любви.

Где же ты? Один гляжу в туманность.
Это беспощадный суд луны
Возвращает слух мой в первозданность
Равнодушной горной тишины,
В музыку
тех пальцев, словно скованных,
Что соприкоснулись лишь на миг,
И в упрек
тех губ непоцелованных,
Пронизавший горы, словно крик...

●

Наташе.

Льды трещат по всем оврагам,
Словно некий великан
Ходит здесь тяжелым шагом,
От веселья пьян.

И река передвигает
Шумно льдины здесь и там,
И волна их так ломает,
Словно хлеб — напополам.

Ширь степная расковалась,
Всходит месяц голубой.
Сколько жить еще осталось
Мне с тобой?

ТОСТ

Ненко Балканскому.

Благословен да будет этот дом,
дом, где себя я чувствую, как дома,
за праздничным иль будничным столом,
за разговором и за книжным томом —
благословен да будет каждый дом,
дом, где себя я чувствовал как дома!

Да будет полон так же дом и мой
моих друзей сердечных голосами,
живых, ушедших, вечных и порой
в дом занесенных разными ветрами —
да будет полон так же дом и мой
моих друзей сердечных голосами!

У ДОРОГИ

Твоя рука в моей руке тоскует.
И пульс пророчит то, что не минует.
Что мне сказать? Все облетели кроны.
На черных ветках — черные вороны.
Скрыт облаками синий небосвод.
Бензином пахнет. Дождичек идет.
Что мне сказать? Ты, милая, права.
Да, лучше так... Забыть лицо, слова...
И руку я твою, что сердце сводит,
держу как жизнь, которая уходит...

Перевод
Владимира СОКОЛОВА.

●

Ночные бдения,
вы стали мне вредны —
вы, с чашкой кофе,
с сигаретой,
с ночными мыслями,
с полоской у стены
густого мрака,
который словно никого не ждет,— однако
он ждет меня
и отгоняет сны...

Спите, дети.
Чудесным будет утро на дворе.
Спите...
Я подожду, покуда не придет усталость —
на заре...

●

Все, что п р и р о д а, является снова,
нежное слово и грубое слово.
Страсти поток
сердце вбирает в себя, как посредник.
Жаль, что потом расцветает последний
собственной крови
красный цветок...

●

Летят года. И я старею...
Но, может быть, еще острее,
чем прежде, верю иногда,
что завтра, лишь глаза открою,
парнишкой русым, как тогда,
себя увижу. Да, порою
те повторяются года...

Возможно, так дойдя до краю,
я все-таки не осознаю,
прочь примирения гоня,
что на полях седой планеты
в прекрасном мире — есть приметы —
и завтра быть сиянью дня,
но повторится, правда, это
не для меня, не для меня...

●

Нас особо, дети, не щадите!
Всюду, где смириться мы хотим,
через наши слабости идите,
ну, и говорите, говорите,
где мы стыдно заняты другим!

Непокорный голос! Даже — глас!
Как себя я часто слышу в вас!
Я страшусь за ваши юные сердца...

И горжусь я вами, дети, без конца!

Перевод
Константина ВАНШЕНКИНА.

на финише пятилетки

ЦВЕТНОЙ, МОСКОВСКИЙ...

Е. КАПЛИНСКАЯ,
фото
А. НАГРАЛЬЯНА,
И. ТУНКЕЛЯ

Песня послышалась сначала издалека, но очень быстро росла, приближалась. Лапшин поднял голову, прислушиваясь. На улице, что ли? Нет. Он быстро прикинул: вроде не праздник. Обыкновенный рабочий день, а на заводе поют!

Начальник цеха Лапшин быстро встал и выглянул из своего кабинета. Точно! Это его ребята высыпали из производственного корпуса в стеклянный, светлый переход, ведущий к административному зданию. Впереди шли девушки, как на первомайской демонстрации,— с переплясом, с частушками...

— Что случилось?!

— Вячеслав Гаврилович! Мы дали четыре тысячи за смену! Четыре! С хвостиком!

— Сколько-о-о?!

...Это был рекорд. Три нормы за смену!

Они веселились, пели, топали уже в коридоре административного корпуса, в котором помещались раздевалки. Высокие зеркала отражали радостные лица.

Кафель душевых матово светился. За широкими стеклами окон виднелись белые плиты просторного подъезда.

Таким был теперь красавец-завод «Хроматрон». Таким стал он спустя пять лет после того памятного времени, когда, кроме двух строящихся корпусов, здесь еще не было ничего. Мало кто представлял, каким будет завод цветных кинескопов, когда Слава Лапшин, механик из цеха Московского завода электровакуумных приборов, головного предприятия объединения МЭЛЗ, пришел к Александру Владимировичу Бычкову, секретарю парткома.

— Возьмите меня на «Хроматрон».

— Еще один доброволец!— улыбнулся Бычков.

Добровольцев было пятеро. Пятеро молодых, веселых парней, и должностей им пока никаких не определили. Просто не было еще на «Хроматроне» должностей. Они заняли в строительной прорабской комнату, завезли туда три старых, списанных стола и организовали дежурства. По очереди.

Был объявлен набор рабочих, и в эту комнату потянулась молодежь. Вчерашние школьники, девушки из Подмосковья. Пятеро «ветеранов» принимали их, объясняли, какая будет работа, рассказывали о новых профессиях.

— А когда она начнется, эта работа?— спрашивали новички.— Года через два? Ведь еще ничего не построено!

И слышали в ответ:

— Сегодня! Сразу!

Новичков посылали на головной завод. Там, на Электрозаводской улице, будущие рабочие учились у мастеров, имена которых были широко известны. Так создавался и воспитывался в крепких традициях старого московского прославленного завода коллектив завода будущего.

Стройка была ударной. Трудились без передышки и занимались абсолютно всем. Подготовляли документацию, принимали оборудование, проверяли справки. В помещениях, едва появлялась крыша над головой, сразу же отгораживались временные боксы, и в них под защитой хлорвиниловой пленки устанавливалось оборудование. Строители еще оставались в цехе, а монтаж тонких машин вакуумного производства шел почти что в идеальных условиях: так экономилось время.

...Проводились жаркие планерки. Их вели заместитель министра и генеральный директор объединения МЭЛЗ Василий Иванович Виноградов.

Министр приезжал на «Хроматрон» по два раза в неделю. Он требовал, чтобы новое начиналось сразу.

— Оборудование только что покрашено, а вы уже захватали его руками! — негодовал он.— Кое-кто считает, что главное — выпуск, а чистота — дело второе! Какая может быть современная техника без чистоты?

По мере того, как устанавливалось оборудование, на «Хроматроне» появлялось все больше и больше рабочих. Приходили с головного завода специалисты, молодежь...

Всех их ждала не просто работа: отстоял у станка свои часы, и до завтра! После смены появлялись в руках у ребят и метла и тряпка — они «вылизывали» молоденький свой завод, наводя безукоризненный лоск.

Строительство заканчивалось. Приближался тот день, когда на «Хроматроне» должны были изготовить первый цветной кинескоп...

В это самое время Вячеслав Лапшин, один из пяти ветеранов «Хроматрона», уезжал в командировку в Соединенные Штаты Америки — объединение направляло туда по соглашению с фирмой «Бакби-Миерс» группу специалистов для обмена опытом.

На «Хроматроне» Лапшину поручили заниматься теневыми масками. Так называются листы тончайшего металла с вытравленными в них микроскопическими отверстиями, число которых — полмиллиона.

На планерке ему доставалось.

— Лапшин! Откуда эта труба идет?— спрашивали его.

— Не знаю... Технологию еще не изучал...

— Ах, не знаешь?! Пиши в протокол, доложим Василию Ивановичу,— уволить тебя с «Хроматрона»!

«Увольняли» его почти каждый день. Но он каким-то образом удержался. Виноградов только посмеивался.

Теперь Лапшин направлялся в Америку. Уезжал он в самое горячее для завода время.

...Затаив дыхание в цехах следили за тем, как первая партия кинескопов проходит технологический цикл изготовления. На любой ступеньке процесса, на любой позиции поджидали «сюрпризы». То не ложится люминофор, то нет вакуума после откачки, то лопнул экран...

— Ну, как там наша спящая красавица? — интересовался министр. Так он пока что именовал «Хроматрон».

И вот наконец один кинескоп благополучно миновал все трудности на своем пути.

30 апреля 1969 года в далекой Америке, где жил Слава Лапшин и его товарищи, раздался звонок. В трубке послышался голос Александра Владимировича Бычкова:

— Ребята! Кинескоп сделали!

К празднику 1 Мая «Хроматрон» рапортовал: «Есть первый кинескоп!»

А Лапшин в это время в США постигал все тонкости работы на специальной линии. Он понимал: оборудование-то будет установлено, а вот приемам работы кто научит людей?

Тут уж нельзя будет сказать: «Не знаю»,— потому что, кроме него, знать пока некому. Все приходилось осваивать с ходу. Однажды, приехав на уикенд к одному из директоров компании, Слава, чтобы не ударить лицом в грязь, встал на водные лыжи. Катер рванул, и Слава понесся по воде, словно всю жизнь только этим и занимался. И вот многотиражка американского предприятия напечатала крупными буквами: «Слава — лучший спортсмен!». А он сроду не увлекался водными лыжами. Он увлекался новой линией масок.

Вячеслав Лапшин приехал из Америки, стал главным специалистом по производству теневых масок, и сколько же забот свалилось на его голову! Сгоряча ему даже показалось, что ничего он не успеет, ничего не поправит. Вот когда струсил главный специалист. И сам пошел к Виноградову.

— Увольте меня. Я ни черта не могу!

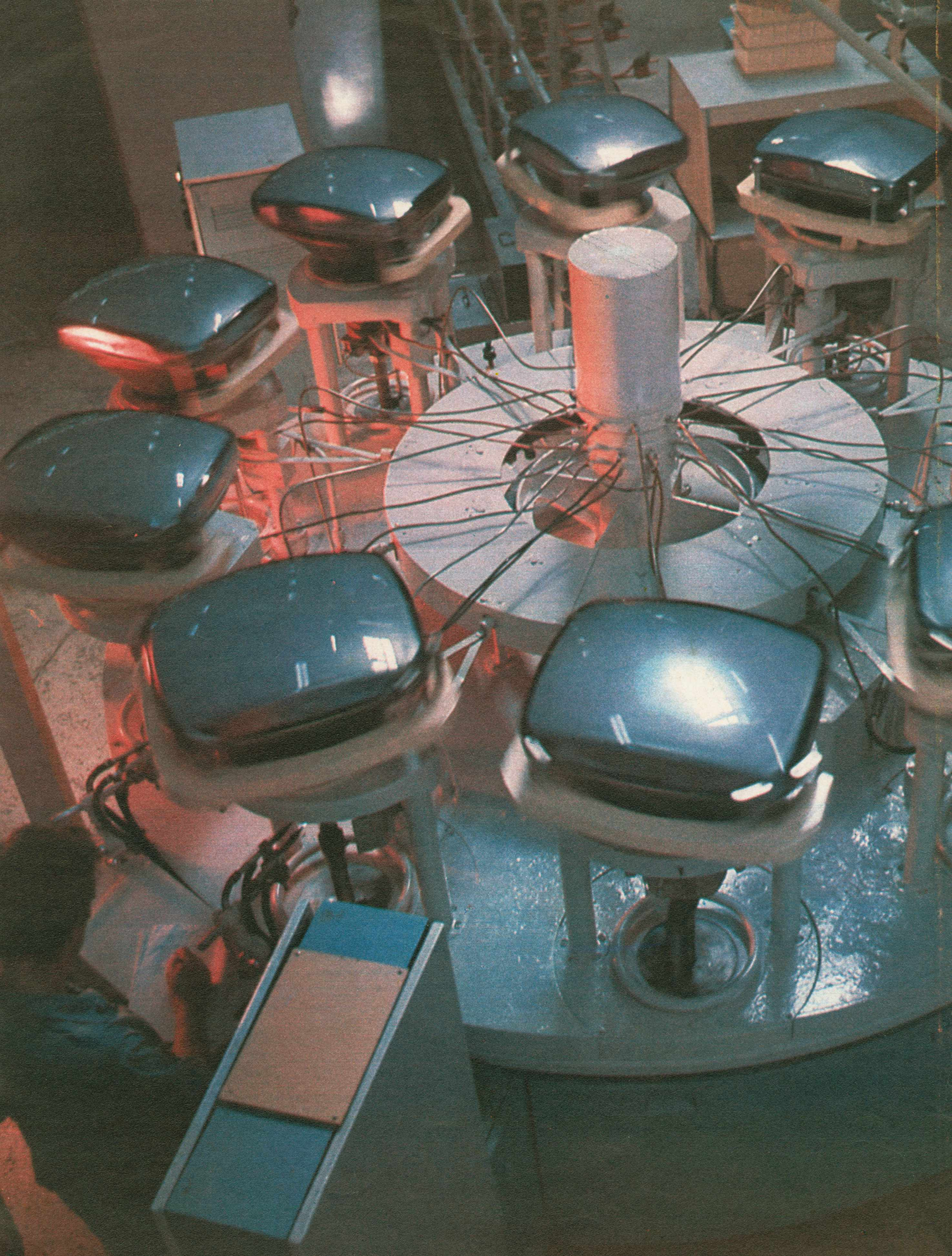
■

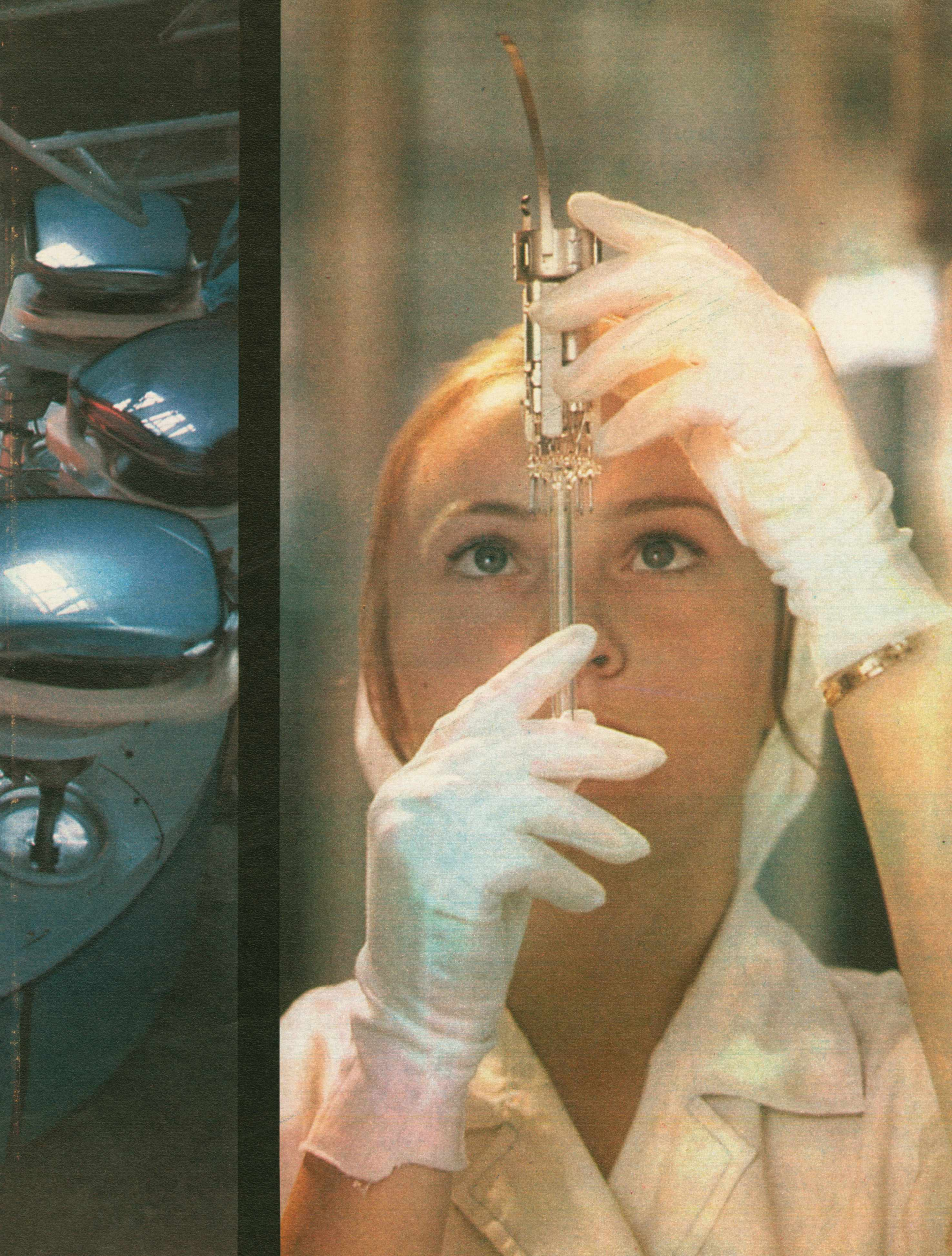
Молодежь «Хроматрона».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Кинескоп почти собран. Теперь надо откачать из него воздух. * В руках контролера Нины Коврачевой — сердце кинескопа.

— Не дрейфь,— убеждал его Василий Иванович.

Словом, уговорил его Виноградов остаться. Поддержал. Линия была установлена и пущена. Но для Лапшина и его товарищей по участку тут же настали черные дни: линия не шла. Практически она должна работать так: с металлического рулона, установленного в ее начале, сходит тонкая металлическая лента. Она движется непрерывно, и на всем пути ее моют, чистят, покрывают различными веществами, а затем протравливают в каждой маске те самые полмиллиона отверстий сложной формы.

Металл на маски идет очень тонкий. Чуть что — он рвался, приходилось вручную доставать его из автоматов. И ребята резали руки. Часто не удавалось удерживать нужный режим. И это еще не все. Для изготовления теневых масок на линии требовались особые материалы: сталь тончайшего проката, и специальные стеклянные растры, и клей из рыбьей кожи — да не просто рыбьей, а только тресковой.

Множество специалистов помогали наладить производство цветных кинескопов. Особенно сложная задача стояла перед металлургами — прокат тончайшей металлической ленты. Сначала для ускорения хотели купить прокатный стан где-нибудь за границей, но пока велись переговоры, специалисты Магнитки в тесном содружестве со специалистами «Хроматрона», возглавляемыми Вячеславом Лапшиным, создали свой, специальный, двадцативалковый прокатный стан. Линия теневых масок получила отечественный металл, а затем она получила и электронного диспетчера-технолога. Это было чудо, сотворенное на «Хроматроне». Заводу выделили несколько электронных машин. С их помощью и была создана автоматизированная система для управления технологическими процессами. На линии масок, например, электронный диспетчер следит за скоростью движения ленты, регулируя ее в нужных пределах.

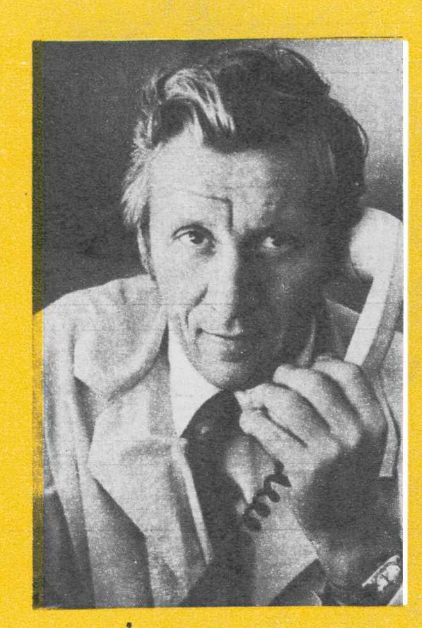
Несколько лет спустя на «Хроматрон» приехали старые американские знакомые Лапшина, «фирмачи», как их по-свойски называл Слава. Увидев электронного диспетчера, они замерли от восхищения, и вице-президент фирмы, тот самый, что когда-то пытался поразить Славу водными лыжами, очень уговаривал продать ему умную машину.

С 1971 года цветные кинескопы в Советском Союзе выпускаются только на отечественных теневых масках. И маски эти изготовляются в цехе у Лапшина. Да, да, участок уже стал цехом, а Лапшин — его начальником.

...Существует в цехе неписаный закон: смену сдают только в полном порядке. Никто не уйдет, если при пересменке приборы на линии показывают какие-нибудь «нюансы». Режим должен быть установлен, неполадки устранены к приходу следующей смены. Это делается за счет собственного выпуска, но сменщикам линия передается в ажуре.

В тот «песенный» день пересменка вышла особенно хорошей. Концентрация растворов нормальная, температура травителя — что надо, металл шел как по маслу.

Смена заступила. Часочек поработали, смотрят — дела идут отменно, процессы стабилизировались. И тогда мастер смены, секретарь цехового партийного бюро Олег Леонидович Казачук решил увеличить скорость движения металлической ленты.

В. Г. Лапшин.

— Ребята,— сказал он.— С места не сходите. Концентрацию проверяйте каждые полчаса. Есть?

— Есть,— сказали ребята.

Казачук подошел к операторам — Володе Сивуну и Виктору Комарову. Это были комсомольцы, люди энергичные, хорошо знающие свое дело. Теперь все зависело от их сноровки. На участке длиной в двадцать пять метров лента металла в вакуумных рамах прижимается к специальным фотопластинам — растрам. Оператор следит, чтобы точность установки металла была до трех миллиметров. Когда металл установлен, на мгновение вспыхивает свет, и пятьсот тысяч отверстий экспонируются на металл. И снова быстрое прокручивание ленты. На эту операцию уходит сорок секунд. А что, если лента будет подаваться на участок быстрее? Справимся?

— Справимся,— сказали операторы.— Давай, Олег Леонидович.

— Внимание...— Казачук оглядел всех.— Ну, ребята... рискнем.

Рискнули. И началось. Металл соскальзывал с рулона, проходил операцию за операцией. Табло мелькало зелеными огоньками.

Казачук наблюдал за работой операторов и глазам своим не поверил: они устанавливали ленту на фотоэкспонирование за... пятнадцать секунд. Граница возможного осталась позади.

Доставалось и девушкам на контроле. Они работали напряженно, не отрываясь, но маски шли без брака...

И вот конец смены. Электронный диспетчер показал: четыре тысячи сто шестьдесят масок. Три нормы! Рекорд! И вот тут-то ребята запели. Эту их песню и услышал Лапшин.

...Через несколько месяцев вместе с другими высококвалифицированными специалистами Вячеслав Гаврилович Лапшин стал лауреатом Государственной премии в области науки и техники «за разработку технологии и создание оборудования для получения кинескопной стали».

...Опять наступила весна — на этот раз последняя весна пятилетки. 5 мая 1975 года производственное объединение МЭЛЗ рапортовало о том, что на его предприятиях задания 9-го пятилетнего плана выполнены. Полностью освоено массовое серийное производство цветного кинескопа, решена сложнейшая научно-техническая задача. Выпуск возрос в 50 раз, значительно повысилось качество. Гарантия долговечности увеличилась в два раза: была 1 год, теперь — 2 года. Цветные кинескопы сейчас удовлетворяют требованиям мировых стандартов. Созданы новые машины, новые технологические процессы, новые материалы...

Но главное — главное — уходящая в историю пятилетка необычайно изменила людей. Люди... Как уложить то, что случилось с ними, в какие-либо цифры? Вот как попытался сделать это генеральный директор объединения МЭЛЗ Виноградов: «Если в начале пятилетки у них, скажем условно, был первый-второй разряд, то теперь — пятый. Это были своего рода ученики, а теперь — квалифицированные специалисты».

Произошло то, что мы еще, может быть, не в состоянии осознать и понять: рабочий стал внутренне сопричастен научно-технической революции, он в совершенстве — со всей силой и тонкостью — овладел производственными процессами и далеко позади оставил должность простого исполнителя заданий. А впереди — новые задачи по совершенствованию уже достигнутого, новые модели цветных кинескопов, новые размеры, новое разнообразие типов — больших и маленьких, переносных и малогабаритных, на все вкусы. И еще более равномерное поле цветов, большая контрастность изображения...

«Выполняют хозяйственные планы люди. Каждый советский человек своим трудом приближает торжество коммунизма» — так говорилось в Директивах XXIV съезда КПСС. Так работают и на «Хроматроне».

■

Участок фотоэкспонирования. * Татьяна Котова покрывает конус кинескопа электропроводящим покрытием — аквадаком. * Так выглядит «Хроматрон». * В этой печи кинескоп сушится после нанесения аквадака. * Экранировщица Людмила Коростылева работает на ответственном участке: здесь наносится люминофор, а он-то и дает изображение и цвет на экранах ваших телевизоров.

ДАЕШЬ ВРЕМЯ!

Предстояло переезжать на новую квартиру. Прихожу в домоуправление насчет сдачи старой. Знаю, что следует оплатить стоимость ее ремонта.

— Извольте,— говорю управдому.— Куда внести деньги? И какую сумму?

— Вот адрес, — отвечают мне.— Поезжайте, вызовите техника, он составит смету на ремонт, а вы оплатите.

— В наш век, — робко высказался я, имея в виду головокружительный прогресс научной организации труда,— вероятно, можно вызвать техника и по телефону.

Управдом тут же осадил меня:

— Нет! Вы сами должны поехать к нему, потому что следует уплатить в кассу два рубля за вызов техника.

Тогда я взял на себя смелость предложить несложную операцию: приплюсовать два этих самых рубля к будущей сумме, что начислят за ремонт...

— Никаких! — отрезал управдом. — Это совсем разные статьи... Адрес записали? Вот и поезжайте!

Я потратил больше часа на то, чтобы съездить и оформить вызов техника. Спустя несколько дней он наконец явился. Обмер квартиры совершился. И меня уведомили, что как только смета будет готова, я могу снова приехать в контору горремтреста и внести требуемую сумму.

И тут меня черт дернул за язык, и я снова высказался касательно научной организации труда.

— В нескольких шагах приходная касса, куда я вношу плату за квартиру, за телефон. Неужели нельзя внести туда деньги за ремонт — то ли на текущий счет конторы, то ли домоуправления? В любом случае деньги попадут в государственный банк, а я сэкономлю часа полтора времени.

Ну и попало же мне за вольнодумство!

— Говорите — лишь бы говорить... Много вас, умников, развелось! У нас своя бухгалтерия... И вообще, если каждый будет...

Словом, я потратил еще около двух часов, пока отвез в бухгалтерию истребованные домоуправлением деньги. Итак, если подсчитать, во сколько времени обошлась мне вся эта процедура...

...Надо ли напоминать, как важно нам при все возрастающих темпах жизни экономить время! А жизнь устроена так, что экономить его в одиночку все труднее и труднее. Ибо ты в любом почти случае от кого-то зависишь — от министерства, издающего инструкции, в которых учитываются удобства обслуживающих и полностью игнорируются удобства обслуживаемых; от директора столовой, затевающего в разгар обеда пересменку официантов...

Я привел лишь один пример хищения драгоценного времени средь бела дня, хищения, узаконенного положениями, приказами, распоряжениями. А сколько их, таких похитителей нашего времени,— они в сферах торговли, бытового обслуживания, оформления разных документов, всяких хлопот по поводу получения, внесения...

Получив сполна от управдома, ремстройконторы за досужие умствования, я все же рискнул внести еще одно предложение: провести месячник под девизом «Даешь время!». Даешь время, чтобы разобраться, куда мы его отнюдь не по своей воле транжирим.

А. ЩЕРБАКОВ

Минск.

Николай БЫКОВ
Фото Б. КУЗЬМИНА

Рекордсмен из колхоза «Красный буденновец», Левокумского района.

РУНО

Нет легче и популярнее загадки: по горам, по долам ходят шуба да кафтан... А можно, пожалуй, начать с мифа о золотом руне, потому что в ретроспективе и овца и овечья шерсть играют довольно заметную роль не только в истории экономики разных стран, но и в системе образов, характерных для детства человечества. Если же взять наши дни, то даже такое преходящее явление, как мода на изделия из овчины и натуральной шерсти, заставляет опять-таки всерьез задуматься: почему герой — овца?

Детская загадка, миф из детства человечества, по-детски капризная мода... Какая-то между ними связь определенно есть.

Миф об аргонавтах, героях Эллады, сообщает: именно баран (конечно, чудесный, конечно же, золоторогий), баран — спаситель детей легкомысленной Тучи — был принесен в жертву могущественнейшему из богов Зевсу, а длинношерстную овчину его повесили в качестве трофея или доброго знамения на священном дубе. Случилось это далеко от Греции, на Черноморском побережье Кавказа, а именно в Колхиде, где разместилось царство сына Солнца. Так вот юным смельчакам древней Эллады предстояло добыть ту овчину, вернуть золотое руно отчему краю. Они пустились в путь под водительством Язона, а покровительствовала экспедиции богиня Гера, жена все того же Зевса. Дела богов и людей смешались. В конце концов молодые люди привезли руно, однако авторы мифа почему-то не придумали для этой сказки счастливого конца. От мифа осталось ощущение тяжести и малоэффективности подобных походов. Тем не менее нам дорог факт, что представление о богатстве древние связывали не только с географическими открытиями, с золотом, но и с длинной, тонкой шерстью. Очевидно, это символ, и его надо понимать не только как мечту о развитом овцеводстве. Хотя правда и то, что до сих пор древнейшая из отраслей животноводства дает людям как пищу, так и одежду. Язон не был первым. Более шести тысяч лет человек разводит овец, животных самых покорных и неприхотливых из всех когда-либо прирученных им и вовлеченных в хозяйственный оборот.

Вот и мы исколесили около трех тысяч километров по Ставро-

полью — древней земле сарматов, а ныне чудесному краю, исколесили, образно говоря, в поисках все того же «золотого руна». Точнее, в стремлении на месте познакомиться с решением сложных проблем дальнейшего развития овцеводства на современной промышленной основе, как того и велит время. Плыла в тягучем мареве июньская степь, выжженная солнцем. Глаза искали фигуру чабана, знакомую еще по Ставрополю: сухой, очевидно, выносливый старик в косматой бурке опирается на высоченную бронзовую ярлыгу, нос его хищно изломан, а борода клинышком стоит против ветра. Деталь скульптурной группы, что установлена на главной площади краевого центра. А рядом воображение дорисовывало непременно могучего волкодава с вывалившимся от жары и злобы языком. И еще — овцы, овцы, овцы... Но летели километры, а чабан, похожий на бронзового, не попадался. Мы встретили других.

Как только покажется солнце, Руденко за руль — и в отару. Кутька, чрезвычайно понятливая и трудолюбивая собачка-невеличка, обычно ждет знакомый «Москвич»: вот он свернул с асфальта. Машина — подарок ВДНХ. Чабан ставит ее возле вагончика со стороны предполагаемой в полдень тени и говорит несколько слов окончательно проснувшейся Кутьке. Та ждала их с великим нетерпением, срывается с места, выгоняет отару пастись. Без толку не лает. Отогнала, дала направление по ветру и вернулась за лаской к жесткой руке Руденко. Степь за ночь не остыла, но другого времени для прогулки не выберешь, как только на рассвете или поздно вечером. Днем нынешнее солнце безжалостно.

Заговорили, естественно, о погоде.

— Зимы черт ма, каплет и каплет. До войны, помню, с кошару снега наметало. Теперь сани рассохлись. Через то и травы нет. С марта землю гонит и гонит. Сушь великая. Такая сушь... А оно ж выгорает. Обязательно выгорает... А то бывает по-другому...

В соседнем районе нежданная беда. В самый давящий зной вдруг навалилась черная гроза, ударил ледяной ливень. А овец только-только постригли, их и застало ненастье в степи. Несколько часов бил дождь несчастных овец. Люди помогали, пытались их спасти, сдвинуть отары с места, повернуть, загнать под навесы. Куда там!.. Много овец полегло да так и не встало, хотя чабаны и пытались их согреть, отпоить водкой, говорят, три ящика жгучей спасительной жидкости извели, все напрасно...

Василий Стефанович говорил о вещах страшных, но внешне был невозмутим: чего только не повидал он на своем веку!

— Чабан — фигура! И тонкая фигура, он любую погоду на дворе ловит. Дует ли, метет ли, дождь или солнце убивает — все его, ему все на голову.

В вагончике заговорило радио: «С добрым утром, товарищи!»

— Вот приемник говорит, а телевизора нет. Посмотрел бы чего, пока Кутька управляется...

В течение двадцати лет Герой Социалистического Труда В. С. Руденко получает в среднем по сто двадцать пять ягнят от каждой сотни овцематок. Показатель очень высокий. Девятую пятилетку он выполнил за три с половиной года, за что и награжден недавно вторым орденом Ленина. Был делегатом XXIV съезда КПСС.

— Пока в Москву ездил, тут без меня только по сто шестнадцать ягнят сохранили. Беда, как узнал... Пришлось нагонять. Сейчас уже счет новой пятилетке открыли.

У Кутьки ушки топориком, глаза умнющие. Слушает. Василий Стефанович перехватил мой взгляд и рассказал, что здоровенных волкодавов ликвидировали давно. Волков нет, стало быть, нечего мясо даром жрать. А этих из Венгрии завезли — мелюзга, смех прямо... Но собачки прижились, показали себя на работе. Среди них немало медалисток. ВДНХ награждает.

— Меняются времена, — заключил Руденко. — Старое чабанство отошло. Как хутора... У нас матка и ягнятка племенные. По восьми килограммов нынче настригли. И кошара не та уже — можно сказать, овцеферма!

А какое непростое снаряжение у чабана — будто каждый из них по совместительству еще и ветеринарный фельдшер или по меньшей мере «брат милосердия» для баранов и овец. Идет по степи человек, идет медленно, во главе покорных, красивых животных. На нем сложная портупея, составленная из тонких сыромятных ремешков. На весу и у пояса расположены ножницы, пинцет, фляжка в чехле и склянка, тоже в чехле из сыромятной кожи, и еще один кожаный футлярчик...

— А как же, все по науке! — толкует мне Василий Стефанович. — Ножницы? Без них никак нельзя. А если застричь глаза, чтоб ягненок свет увидел, или клок с репьем удалить? Пинцет на случай червячка удалить, а здесь раствор специальный, тоже вроде лекарства для смазки ранок, и прочее. В растворе и деготь, и креолин присутствуют, и рыбий жир, все это на водичке чистой, родниковой. Ну, и присыпка, конечно, без присыпки нельзя. А это арапничек — пострелять можно, чтобы поспешали овечки...

Рассказ чабана иначе и не воспринимаешь, как стихи в прозе, как голос древней профессии, помолодевшей на глазах.

Ипатовский совхоз знаменит. Здесь более семидесяти тысяч племенных овец породы «кавказская». Отара Руденко — гордость и совхоза и края. Но овец Руденко не «гоняет» — только прогуливает. Овцы все получают с колес. Отсюда и привесы, и шерсть, и высокая сохранность. Да, старое чабанство пусть и не вполне отошло, но отходит несомненно. Это не значит, что убавилось забот — напротив.

Я это понял, когда чабан Герой Социалистического Труда Петр Филиппович Жихарев из племзавода «Большевик» буквально вытащил из отары своего любимца, свою гордость, свое богатство — барана № 080. Возраст — пять лет, вес превысил сто семьдесят килограммов! Сто семьдесят. Дал он восемнадцать килограммов шерсти. Физической шерсти. В зачете это составило более двадцати четырех килограммов. Один баран. Племенной. Мечта Язона!

— Мочи нет его поднять, — вытирает пот Петр Филиппович, — ноги овечьи, а туша, как у борова!..

Уход, уход, еще раз уход. Жихарев перечислял:

— Я получаю за сохранность, за привесы, за шерсть, за ее длину и тонину. Ночью пасу. Лежат мои барашки и ярочки, а я их поднимаю и по ветерку, по ветерку...

Так ли уж нужна шерсть человеку? Все еще нужна. У шерсти довольно бесцеремонные конкуренты. Хлопок, лен, а главный — синтетика! Драп в пять раз тяжелее синтетики. Нейлон, лавсан, джерси, двойной трикотаж... И все же, и все же... Спрос на шерсть огромный. Может быть, оттого, что наша промышленность рассчитана на вышедший из моды гардероб? Во всяком случае, специалисты утверждают, что шерсти требуется раза в два-три больше, чем дает пока животноводство.

Итак, шесть тысяч лет назад человек накинул на плечи теплую шкуру одомашненной овцы. Позже его осенило: можно снять одну шерсть, а саму овцу оставить в живых... В России овцеводству дал разворот Петр I: ему нужно было сукно для армии. Русская грубошерстная овца годилась на мясо да нагольные тулупы. Поэтому завезли из Англии других, более окультуренных овец, а мастеров-суконщиков пригласили из Саксонии. И только сто лет назад осуществилась царская мечта об отечественном тонкорунном овцеводстве. Степи на юге Украины, в Таврии, на Северном Кавказе лежали бескрайние, волнами поднималось разнотравье, овцам раздолье. Было раздолье — сейчас, спустя столетие, степи оказались распаханными. Овце стало тесно. Для коровы и свиньи отвели кормовые севообороты, для птицы построили фабрики. Овцу оттеснили на скудные неудобья.

В Ставрополе есть ордена Трудового Красного Знамени Всесоюзный научно-исследовательский институт овцеводства и козоводства, его коллектив не первый год ищет пути современного развития тонкорунного овцеводства. Генрих Иванович Рыбин, заместитель директора института по науке, подробно рассказал и об овце как таковой и о вопросах, которые она сегодня задает человеку:

— Система содержания овец всегда была экстенсивной. От овцы брали все. Ей не давали ничего. Пастьба по старинке — это бесчеловечно по отношению к самим чабанам прежде всего. И нехорошо для овцы. Безнадежно отсталая технология! Так уж случилось, что все человечество, лучшие его умы на протяжении десятилетий разрабатывали идеи механизации и химизации сельского хозяйства, а вместе с тем и новую промышленную технологию таких его отраслей, как птицеводство, свиноводство, как молочная отрасль. Овцеводам минимум внимания. Понятно, где-нибудь в Австралии, в Новой Зеландии есть пока возможность содержать овец вольготно. А в наших условиях овцу приходится полгода кормить, по существу, с руки. Наш институт предлагает несколько вариантов перевода овцеводства на промышленную основу.

О многом говорит уму и сердцу Декрет Совета Народных Комиссаров, подписанный В. Ульяновым (Лениным), В. Бонч-Бруевичем, а также Л. Фотиевой 3 октября 1919 года. Факсимиле Декрета хранится в институте. Речь шла об охране и развитии тонкорунного (мериносового) овцеводства. Там есть такие державные строки: «Все тонкорунные овцы, разобранные из бывших частновладельческих стад местными гражданами, немедленно возвращаются... Тонкорунные овцы... не подлежат реквизиции на мясо... Всякое самовольное расхищение мериносовых овец из рассадников отдельными гражданами и организациями карается по всей строгости революционных законов». Герои революции трудно и не скоро восстанавливали порядок в своем хозяйстве. И «золотое руно» было не последней целью этого похода!

Сейчас ученые и лучшие овцеводы края, именно сейчас, тщательно отрабатывают новую технологию содержания мериносов — тонкорунных овец. Разработаны проекты принципиально новых ферм, целых комплексов и откормочных площадок, а также заводов для приготовления специальных кормовых брикетов и гранул из травяной муки. Отрасль минимальной механизации постепенно вооружается технически.

Овца, как считают и ученые и ее колхозные сторонники, скотина перспективная, экономичная. Главное, она не конкурент человеку в плане потребления хлеба, зерна. Сторонники овец не преминут подчеркнуть: птица, свинья пожирают зерно в огромных количествах, от них главная угроза человеку в будущем. Мысль неожиданная и любопытная. Меня убеждали во ВНИИОКе не сбрасывать ее со счетов: в споре за хлеб свинья и птица могут при дальнейшем безудержном росте поголовья одолеть самого человека. У овцы, напротив, свой стол, своя компания: лошадь, верблюд... Они, говорят футурологи, и останутся на фермах-заводах, построенных человеком в будущем. Но вот как вольно пасущуюся испокон веков овцу переделать в свинью? Как ее приспособить к «работе» в станке? Тут еще многое не ясно. Тут много и предрассудков и традиционного подхода к овце как к древней кочевнице. Но пасти негде. Например, на отгонные пастбища знаменитых Черных земель теперь отары не гоняют, там соседи-калмыки организовали свои овцехозяйства. Да и чабанская «романтика» не для всех.

— Овцу создали пастбища, — сказал мне главный зоотехник апанасенковского колхоза имени Ленина, кандидат сельскохозяйственных наук Василий Андреевич Мороз. — Но земля ушла под зерно, а люди уходят с земли.

И Мороз показал нам в степи места, где еще недавно, на его памяти жили люди, где каждый по крайней мере из тысячи дворов имел до полусотни, а то и побольше овец. Сейчас ни тех, ни других. «Вон там были огороды, теперь — овраг, а там была школа, теперь — кошара». Ведь это же факт: миграция по отдельным районам страны весьма и весьма неравномерна. Большое число молодых людей по-прежнему уезжает из таких, например, старых овцеводческих районов, как приманычские степи. Что ни говори, а плохо механизированное животноводство, перспектива чабанить, быть сторожем овец молодых не привлекают. А проблема круглогодовой занятости в отдаленном степном селе?

Ставрополье — край суровый. Очень суровый. Многие районы оказались на памяти нынешних поколений в зоне рискованного земледелия. Пески Прикаспия на-

ступают. Этот год лишний раз подтвердил истинную расстановку природных сил. За первую декаду июня средняя температура воздуха в Левокумском и в Нефтекумске составила плюс 34°, а температура на почве — плюс 61°. Когда мы там были, средняя температура недели поднялась до плюс 37°, а на почве при нас было плюс 63°. А может, и выше, во всяком случае, сесть на землю мы остерегались. Относительная влажность составляла в те дни 23 процента — критическая ситуация, когда все зеленое умирает. Запас влаги в пахотном слое практически упал до нуля. Почти шестую часть земель края можно теперь смело отнести к полупустынным, а каждый третий гектар пашни находится в безводной степи. Из последних ста лет здесь более пятидесяти были засушливыми. Из каждых четырех лет только один радовал хорошим урожаем. Например, за четыре года нынешней пятилетки урожайность зерновых на Ставрополье удалось великими стараниями, трудом воистину героическим поднять лишь на 2,4 центнера, отсюда и зерновая задолженность...

Еще перед нашей поездкой в самое пекло, в самый дальний — Нефтекумский — район первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС Михаил Сергеевич Горбачев подчеркнул эту здешнюю особенность: «хлеб — руно», подчеркнул их сложнейшую взаимозависимость в условиях неблагоприятного земледелия.

— Анализ экономики, миграция сельских жителей, постепенная потеря земель для интенсивного растениеводства и овцеводства, в общем, сама жизнь привели к коренной реконструкции в овцеводстве. Заставили жизнь, частые засухи, экономическая необходимость. Осенью 1974 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О дальнейшем развитии и укреплении материально-технической базы племенного тонкорунного овцеводства в Ставропольском крае». Ставрополье — основной поставщик тонкорунной шерсти, край уже в этом году должен продать ее тридцать четыре тысячи тонн. А теперь еще краю предстоит стать и племенным заводом страны с новыми задачами. Мы подошли к порогу новой, десятой пятилетки. К 1980 году ставропольцы намечают поднять продажу шерсти до тридцати семи тысяч тонн. Ягнят будем продавать втрое больше — до восьмисот тысяч. Сейчас в крае почти миллион племенных овец. Это и есть основа нашей следующей пятилетки. А в десятой пятилетке намечено создать еще сорок крупных племенных хозяйств. И обязательно во всех остальных хозяйствах по одной-две племенных фермы мериносов. Вот чем еще вызвана реконструкция овцеводства на промышленной основе. В крае построены первые комплексы для овцематок, а также площадки для откорма. В каждом комплексе по десять — двенадцать тысяч овец. Это — начало, только начало. Овцеводство, пусть это непривычно звучит, потребует серьезных капиталовложений. Для чего? Овцу, как минимум, надо накормить. Раньше она сама об этом заботилась, отныне все заботы по кормлению и содержанию человек берет на себя. Овце надо дать крышу от палящего солнца и стены от зимнего ветра, а главное — культурное пастбище взамен неудоби, вместо земель, которые мы давно распахали под хлеб...

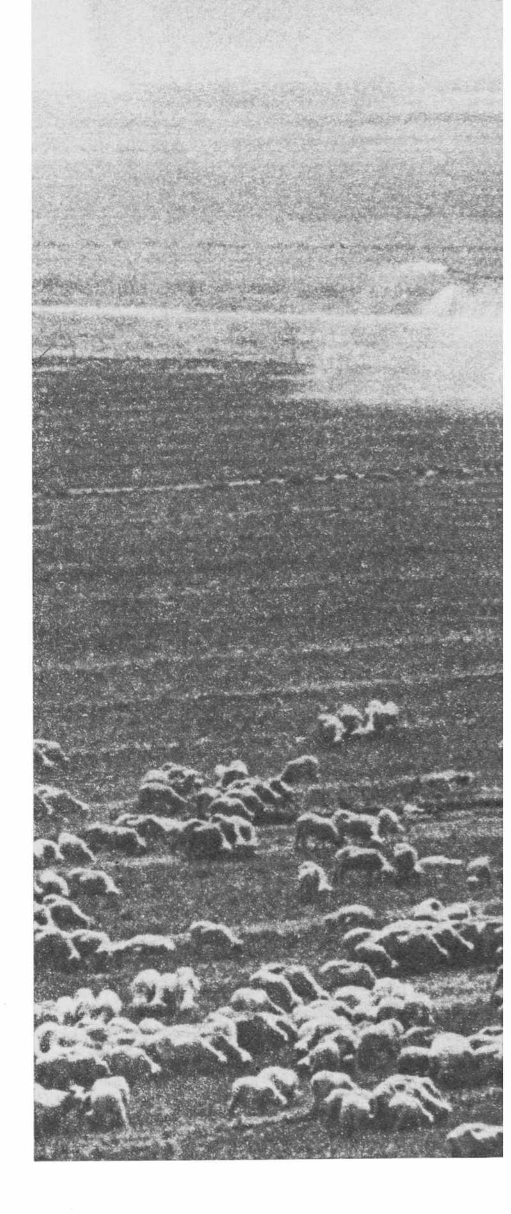
Сейчас в крае уже есть триста тысяч гектаров культурных пастбищ. Каждый такой гектар дает травы раз в пять больше, чем обычные естественные выгулы. А если этот гектар еще и поливать? Ставропольские мелиораторы буквально с т р о я т новые пастбища там, где температура на почве перевалила за шестьдесят градусов. Уже созданы более двадцати тысяч гектаров рукотворных орошаемых пастбищ. Мы были на одном из них в опытном хозяйстве «Каясулинское». Это довольно далеко от прекрасного районного городка Нефтекумска, но гостеприимный Георгий Адамович Погосов, первый секретарь райкома партии, пригласил нас на вертолетную площадку, и мы в оазисе! Среди изжелта-мертвенной полупустыни лежат зеленые прямоугольники загонок с овцами. Сели прямо на влажную клетку. От мощной дождевалки веяло спасительной прохладой. Овцы были заняты своим обычным делом: выщипывали сочную — им выше колена — траву. Директор хозяйства Юрий Ильич Никитин помог заглянуть в десятую пятилетку: «Вот так все и будет на многих, многих тысячах гектаров».

Пастбище построили инженеры-мелиораторы. Овцы поедают траву в одной загонке и потом организованно переходят в следующую. В клетке два гектара. В отаре три с половиной тысячи овец, раз в шесть больше, чем принято до сих пор держать в отаре. Как овцы уйдут, клетку удобряют и заливают водой; сначала напуском, а потом приходит дождевалка и дает сильный дождь. Через две недели отара возвращается на обновленное, сочное — снова трава выше колен — пастбище. Таких гектаров в опытном хозяйстве уже триста шестьдесят. В загонках испытываются и различные травосмеси. Я разглядел райграс; местами посеяли донник, эспарцет, ежу сборную, овсяницу. Юрий Ильич объяснил: «Есть подбор весенних травосмесей, есть летние травосмеси». Да, это стоит денег, и немалых. Мелиораторы сначала делают планировку, потом систему закрытых дренажей, проводят каналы, все загонки обносят сеткой. Один гектар обходится в восемьсот рублей, если воду подвозить, а то и дороже. Зато за год овца пользуется одним и тем же пастбищем двенадцать раз. Кроме того, у злаковых трав после «выедания» лучше идет кущение, отава быстрее отрастает.

А на следующий день мы увидели другую модель будущего овцеводства — откормочную площадку совхоза «Урожайненский», Левокумского района. Стóит площадка полмиллиона рублей, здесь на откорм поставлены двенадцать тысяч овец, ухаживают за ними всего-навсего шесть женщин во главе с Раисой Романовной Шульгой, им помогают пять трактористов. Корма в волю, и это в такой год, когда в степи все сгорело. А результат? Овца на площадке на десять — двенадцать килограммов тяжелее той, что «вольно гуляет». И главное — шерсти дает она больше раза в четыре! Да какой — чистой, без репья, без насохшей грязи.

В Левокумском районе таких площадок уже пять. А ведь, бывало, промышленность спиной стояла к овцеводству, спиной... Теперь на овец работают и металлурги (косвенно — трубы для каркасов левокумцам подарили нефтяники соседнего района), и строители, и механизаторы, и агрономы. Ведь потребности в бетоне, в металле резко возросли. Возросла и нужда в зернофураже: в крае до двух миллионов тонн в год (отказался пасти — принеси корм под нос). И все же будут построены еще сто тридцать комплексов для племенных овцематок. И столько же откормочных площадок. Что это значит для Ставрополья? Вот что. В ближайшее время более четырех миллионов овец перейдут на полное колхозно-совхозное довольствие. Конечно, потребуются коррективы в планах специализации, и (думается) немалые. Поскольку преимущество отдано овце, кое-где поголовье крупного рогатого скота нельзя будет наращивать прежними темпами. В десятой пятилетке многолетних культурных пастбищ будет не менее семисот тысяч гектаров, в том числе пятьдесят тысяч поливных! За ними нужен будет и уход, они отвлекут на себя людей и машины. При этом мощь комбикормовой промышленности в крае резко возрастет. В некоторых районах неизбежны специализированные овцеводческие объединения. Короче, преимущества специализации, ее жесткие условия очевидны. Однако планирующие органы мыслят по-старому, готовят параллельно пятилетку и по крупному рогатому скоту (в основе ее негодный принцип роста от достигнутого уровня); намечают кое-где увеличить поголовье коров вдвое, например, в колхозах Апанасенковского района. Да помилуйте, ведь это не просто колхозы, это овцеводческие племзаводы! Молоко и шерсть чуть ли не антагонисты. Здешняя малоудойная корова съедает корма за... трех овец. Племзаводу «Большевик» Ипатовского района «довели» план на овец до шестидесяти тысяч голов, он же вынужден держать еще и большое дойное стадо, тысячи голов крупного рогатого скота, а зерна на фураж ему оставляют... двенадцать тысяч тонн. Нежная ставропольская овца не получает пока даже того корма, который ей причитается по праву, по законам физиологии. Но ведь планируют еще и девятьсот гектаров подсолнечника — тому же «Большевику». Это-то зачем? По принципу «всем сестрам по серьгам»? Как же тут вести племенную работу? Племзавод «Большевик» продает почти четыреста тонн шерсти — это столько, сколько три соседних колхоза вместе. Но ему же еще верстают планы на молоко, на зерно, на подсолнечник.

Колхоз (он же племзавод!) «Россия» вместе с овцой вынужден держать ее «недруга» — свинью, которая сообразно своей физиологии пожирает все запасы зернофуража. И ничего не поделаешь, даже в наступившую эру специализации. Почему? А потому, рассказал председатель Федор Сергеевич Куликов, что план на мясо велик; и без нее, без свиньи, тысячи тонн мяса никак не продать. Но как не учитывать, что колхоз «Россия» — обладатель великолепного опыта по развитию овцеводства на современной промышленной основе. Здесь продают шерсти на миллион рублей. Да еще и племенных овец на семьсот тысяч. Кстати, их живой вес почему-то не идет в «мясной» зачет!.. От каждой овцы только что настригли более семи килограммов шерсти. Ведь это хозяйство, где работает Василий Павлович Мозговой, соавтор породы «ставропольский меринос». Специалисты колхоза научились избегать зависимости от погодных условий. В хозяйстве распахали целину, за что оно получило орден, сюда пришла живая вода Кубани, агрономы завели — в боях отвоевали — чистые пары, мелиораторы оросили поля люцерны, наконец, приобрели завод гранулированных кормов. То есть дружный, грамотный коллектив не ждет милостей от природы. Орошаемый гектар здесь работает за прежние пять. Первый укос люцерны нынче дал более двухсот двадцати центнеров. За лето получат несколько укосов, и тогда тот же гектар — но удобренный, политый, ухоженный — даст за 1975 год, как и в предыдущем, до тысячи и побольше центнеров отличной зеленой массы. И такое поле в колхозе работает семь лет, а будет, по расчетам, работать лет десять. Вот вам живая экономика. Приготовление на заводе тринадцати тысяч тонн питательных,

Герой Социалистического Труда Петр Филиппович Жихарев прогуливает молодняк.

Оазис. Орошаемые пастбища опытного хозяйства «Каясулинское».

сытно пахнущих гранул — по существу, второй урожай! Ведь гранулы — отличная замена зернофуража, а колхоз как раз и продает столько же зерна государству, сколько сам для себя готовит гранул. Так можно ли такому колхозу еще и план «по посевным площадям» спускать, выгодное ли это дело, не смешное ли?

Кандидат сельскохозяйственных наук Василий Андреевич Мороз, главный зоотехник соседнего колхоза имени Ленина, дал мне расчет: на пастьбе овце надо не менее пяти гектаров выпасов, а гектар окультуренных пастбищ выдерживает пять овец. Поменялись местами две цифры, казалось бы, только и всего, но это же революция! Более того, поливной культурный гектар выдерживает не пять, а пятьдесят овец.

— Шерсть — да это же золото!— повторял Мороз, с усилием разбирая чудесную шубу племенного барана. Шерсть и вправду отливала ослепительным, золотистым блеском. Длина сумасшедшая — семнадцать сантиметров!

— Надо, надо, пора вкладывать средства в мелиорацию пастбищ, не жалеть денег. И не хоромы строить овце. В хоромах, в толкучке у нее шерсть попреет, аммиачный дух ядовит. Нет, не в бетонные стены деньги вкладывать, а в поливной гектар. Овца любит пастись, ну и пусть ее, только дать ей надо инженерно обустроенное пастбище с набором всегда сочных трав. По-моему, из всех вариантов реконструкции овцеводства этот наиболее эффективен и не противоречит физиологии овцы, существа нежнейшего и весьма чуткого, отзывчивого на заботу,— убеждал меня Василий Андреевич.

Север Северного Кавказа — пыль, полынная горечь на губах, и давит, давит безжалостное летнее солнце. Справа — Маныч. Озеро, как мираж. Вода? Не верится, что вода рядом, что она вообще существует в природе. В неостывающем (даже ночью) воздухе звонко дрожат трели лягушек, весел и серебрист голос почему-то не спящего жаворонка, хотя закат почти догорел. В близких камышах звуки счастья — там бултыхаются утки, пеликаны, торжественно вышагивают томные цапли. В горячей ночи кто-то долго еще кряхтит, стрекочет, ликующе вскрикивает. А вокруг в солнцем вызолоченной степи блеют едва различимые овцы. Чабаны выгнали их подышать слабой прохладой. И звезды над головой разбрелись по теплому, шелковистому небу, как овцы. Млечный Путь, помнится, всегда называли дорогой пастухов. Через время и пространство пролегла бесконечная тропа Язона.

Знаменитая бригада старшего чабана Героя Социалистического Труда В. С. Руденко. Около машины — Василий Стефанович.

Заслуженный зоотехник РСФСР Василий Андреевич Мороз.

Иван ШАМЯКИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

БРАЧНАЯ Н

Утром вернулся со своими «мушкетерами», как он называл разведчиков, из ночного рейда за Днепр Володя Артюк. Любил туда забираться — в богатый полевой район, где были сильные полицейские гарнизоны. Любил погонять «бобиков». Там его знали — до самой Речицы и до Хойников ходили легенды про его смелость и неуловимость. Полицаи дрожали. Немецкий комендант объявил за Володину голову награду — тысячу марок. Володя смеялся: «Скупердяи немецкие, за такую голову — такие гроши».

Из рейда возвращались не с пустыми руками — пополняли запасы.

Удачу почти всегда отмечали. Даже комиссар бригады Павел Адамович, очень строгий ко всяким «анархическим выбрыкиваниям», как он говорил, на гулянку разведчиков смотрел сквозь пальцы.

Володе кто-то сказал, что новенькая хорошо поет, и он сам пришел, попросил ее пообедать с ними.

Разведчики собрались поодаль от лагеря — на опушке, на высоком песчаном пригорке, где гулял ветер и почти не было комаров. Но не от комаров они прятались — подальше от командирских глаз. Обычно все делали вид, что никто не знает, где разведчики «отдыхают» после рейда. И редко кто к ним навязывался, прилипал. Только Клавдия тайком носила что-нибудь повкуснее — из того, что разведчики принесли из-за Днепра и «зажали» — не сдали начпроду деду Прокопу, совхозному бухгалтеру, который даже командирам лишнего грамма никогда не отвешивал, не выдавал, каждая крупинка у него была на учете. Комбриг иногда злился на Прокопа за такую бережливость. И ругал старика: скупой, как кулак. А комиссар смеялся: «Золотой начпрод, запасливый, с ним никогда не объедимся, зато и голодать не будем».

А вчера разведчики выдали себя. Маша выдала их. Запела в сосняке, и туда потянулись другие партизаны, даже раненые приковыляли. Пришлось парням прятать свой первач.

Маша пела лучше, чем накануне,— песни веселые, о любви.

Я любила его
Жарче дня и огня,
Как другие любить
Не смогли б никогда!

Подвыпивший Володя Артюк становился на колени и целовал ей руки.

Любую нашу женщину устыдило бы такое барское проявление восхищения или благодарности — не знаю чего. А Машу это нисколечко не смущало, будто ей каждый день целовали руки. Но больше всего меня удивило, что из партизан никто не смеялся, потом, правда, отойдя, некоторые беззлобно высмеивали Артюка и Машу. Мне тоже не понравился ее второй концерт. Пение среди дня перед охмелевшими разведчиками, Володино кривлянне и вообще эта неуместная праздничность, конечно же, принижали наше партизанское достоинство, превращали тяжелую, мучительную, опасную жизнь в легкую забаву. Не хотелось мне, чтобы эта загадочная певица подумала, что нам легко живется. Люди должны воевать, а они, выходит, баклуши бьют. Если кому нечего делать, пускай бы сходил в деревню, бабам сено помог косить, чьи мужья в Красной Армии.

В лагере я услышала, как командир штабного отряда Степук, пожилой, понурый и молчаливый человек, у которого и кличка была «Дядька», с упреком сказал комиссару бригады:

— Разложит ваша канарейка мне отряд.

Павел Адамович возразил:

— Чем это она разложит? Песнями?

— Да ты послушай, что она поет — одни романсы. Да какие! «И жизнь... такая пустая и глупая штука...» Подымет этим боевой дух? Ни одной песни советской, военной...

— Романсы, Корней Евстафьевич, писали классики — Глинка, Чайковский. А про жизнь, что пустая и глупая, Лермонтов сочинил. Но она поет больше народные песни, русские. Душевные песни, я вчера слышал...

Степук, чувствовалось, не согласился, однако спорить не стал, не любил человек лишних слов. Но, наверное, что-то подобное он сказал комбригу, когда тот вернулся из соседнего отряда, изнуренный жарой, долгой верховой ездой и потому злой. Петр Иванович был «человеком настроения»: иногда сам любил гульнуть по-казацки и Артюку за его смелость прощал «заливания», а другой раз партизану, от которого чуть пахло самогонкой, угрожал расстрелом или выставлял перед строем и учинял такой нагоняй, не выбирая слов, не стесняясь партизанок, что виноватый потом долго, даже для согрева в морозные дни, боялся принять «поганое зелье».

Такой же, говорили (сама я не слышала), разнос учинил командир бригады и своему любимцу Артюку. Рикошетом попало и «канарейке». Одним словом, разогнал «концерт» с большим шумом. Партизаны весь день смеялись, особенно потешалась Клавдия, рассказывая подробности со своими добавлениями. Очень ей понравилось, «как испугалась пташечка, как вспорхнула, даже гитару забыла»...

Маша действительно пришла красная и до вечера в одиночестве пролежала в землянке. А с Володи — как с гуся вода. Ходил по лагерю по-прежнему веселый, скалил зубы, тискал девчат, раза три заглянул в нашу землянку, к Маше.

Утром, давая хлеб и лук, Клавдия с недоброй бабьей злорадностью, а может, и с завистью сказала мне:

— А эта... твоя всю ночь с Володей папоротник мяла.

Всю ночь... Неправду Клавдия сказала. Всю ночь я не могла уснуть и слышала, как Маша выходила из землянки. Ненадолго выходила, может, на полчаса, не больше; в землянке было сыро и душно.

Теперь, глядя, как Маша спит, смачно, по-детски, даже не слышит, как кусают оводы, я начинала верить, что Клавдия сказала правду. Смотрела на ее бесстыже оголенные ноги и, кроме ненависти, почувствовала брезгливое пренебрежение. Красота ее сразу поблекла в моих глазах... Что от ее красоты, если она вот такая! Но вместе с тем и себя почувствовала оскорбленной и униженной. Она вот спит и хоть бы что, хоть трава не расти, а я не имею права спать, хотя действительно не спала всю ночь, под утро, может, на час какой провалилась в тревожный сон. Я должна беречь ее... Беречь... Павел Адамович сказал доверительно и прямо: «Знаешь, Валя, мы сразу не знали, куда ее намереваются забросить. И не очень, ты знаешь, прятали ее. Концерты эти... И вообще девушка она приметная, каждому в глаза бросается. Так ты гляди!.. Осторожность номер один. Да тебя и не надо учить... Ученая».

Я не имею права уснуть. Да и не могу... Как я могу уснуть?

Вчера вечером они позвали меня. Все трое: командир, комиссар, начальник штаба. «Тарас»-комбриг сам сказал мне с какой-то особенной теплотой, хотя со мной все разговаривали не по-военному, раньше это меня даже обижало,— как с маленькой:

— Задание тебе, Валя. Отведешь Машу в Гомель. От тебя не скрываем: Маша — армейская разведчица. Выйдите завтра на рассвете. Переночуете у Федора, с ним обсудите все остальное.

— Слушаюсь, товарищ командир.

Потом комиссар говорил об осторожности. А мне казалось, что они все трое излишне долго разглядывали меня, будто впервые видели или провожали навсегда.

Я не дождалась объяснения задания, почему-то испугалась — отчего так недобро сжалось сердце?— нетерпеливо спросила:

— К кому?

В городе был добрый десяток подпольщиков, с которыми я держала связь.

Ответил начальник штаба по-военному коротко, не глядя на меня:

— К Степану Жданко.

Сердечко мое екнуло и оторвалось, покатилось вниз, в груди стало пусто-пусто, а в животе горячо, будто спирту глотнула. Снова они смотрели на меня. А я стояла по команде «смирно» и молчала, боялась пошевелиться.

— У тебя есть вопросы, Валя?— сказал комиссар с той же отцовской теплотой, от которой захотелось плакать.

Я покачала головой. Нет, вопросов у ме-

Продолжение. См. «Огонек» № 30.

ня не было. Я хорошо знала свои обязанности.

— Можно идти?

— Пожалуйста, Валя. Счастливого пути. Позови к нам Машу.

II

...Надо будить ее. Надо идти. Некогда спать, да еще на таком открытом месте, среди бела дня.

ОЧЬ

Но жара, усталость или душевная обессиленность сковали меня. Какое-то время я сидела недвижимо, смотрела на ее грудь — как ровно и спокойно она дышит, на лицо, на котором, кажется, блуждала улыбка, счастливая улыбка; на ноги не могла смотреть, было в этом что-то постыдное, грешное, и не могла пошевелиться, не могла разбудить ее. Появилась нелепая мысль: оставить ее тут, сонную, и вернуться в бригаду. Пускай меня расстреляют за то, что я не выполнила задания. Глупая мысль. Задание я не могла не выполнить. Если бы раньше кто сказал, что у меня может случиться вот такое — что о себе, о чувствах своих я буду думать больше, чем о нашем общем деле, о боевом задании,— глаза, наверно, выцарапала бы тому, так как нанес бы он самое большое оскорбление: на войне самое подлое — много думать о себе, от этого, очевидно, становятся трусами. А я давно уже преодолела всякий страх. Стыдно стало. Почему я вдруг так настроилась против этой девушки, нашей разведчицы, которая идет, безусловно, на очень ответственное задание, в волчье логово? Что она красивая? Командование знало, кого выбирало. Не одна же она там была. Значит, такая нужна. Что она бегала прошлую ночь на свидание с Володей? Так что из того? К черту тому, к бабнику, не одна дура вот так выбегала и в отряде и в деревнях, куда он часто заглядывает со своими «мушкетерами».

Маша будет ближе к Степану, чем я? Что из того? Будто в городе мало девчат. Не хуже красоток он встречает. Выходит, я плохо думаю не о ней, а о нем, ему не верю? Глупая, глупая... Как можно так не верить самому близкому человеку? Жизнь ему доверяю, а он мне — свою. А тут — не верить. Вот уж действительно бабья дурь.

Одним словом, порассуждала вот так и, показалось, отогнала неприязнь к Маше. Приказала себе любить ее, как любила четыре дня, до вчерашнего вечера.

Отломила сухую травинку, пощекотала у нее под носом, чтоб разбудить. Она чихнула, покрутила головой, потом замахала перед лицом рукой, думала, что овод кусает. Я шикнула на нее и засмеялась. Маша раскрыла глаза и спросонья недоуменно поглядела на меня.

— Хватит дрыхнуть! Пошли!

Она проснулась, сладко потянулась, закинув руки за голову, с упреком сказала:

— Сон перебила: такое снилось...

— Володя, что ли?— пошутила я.

— Какой Володя?— спросила она, как показалось мне, немного испуганно.

— Который не дал тебе поспать ночью.

Маша поморщилась, как от неприятного воспоминания.

— Нахал он, ваш Володя. Пьяный мужлан. Не понравилось мне это «мужлан», обидно стало за Володю.

— А ты кто — из панов?

Маша засмеялась.

— Из панов. Княгиня. Два иностранных языка знаю. Не веришь?

В то, что она знает языки, я поверила, но опять же подумала, что такие сведения разведчик не имеет права говорить вслух даже на лугу. И потому я ничего не ответила ей, верю я или не верю. Приказала:

— Подъем! Пошли!

— Подожди минуточку. Дай мне полюбоваться. Когда это я лежала вот так. Чтоб надо мной шелестели листья дуба. И небо было вот такое... голубое, бездонное. И тучки белые. И тишина. Боже мой, какая тишина! Не верится, что где-то гремят пушки. Сеном как пахнет! Вдохни! Какой запах!

— Не знаешь ты запаха настоящего сена. Разве это сено?

— Откуда мне знать! Я горожанка...— Она помолчала и вздохнула.— Где я полежу еще так? В такой тишине...

И это «где я полежу еще так» резануло мне сердце, в нем была не просто тоска — отчаяние, как бы расставание с очаровательным светом.

Впервые мне стало жаль ее. Я сжалась, застыла, не осмеливаясь помешать ей думать в такую минуту.

Маша долго, не моргая, смотрела в небо. Потом повернулась на бок, лицом ко мне.

— Знаешь, Валя, я училась в театральной студии при...— и осеклась, чтоб не сказать, где училась. Да, говорить, откуда она, где училась, нельзя. Не первого разведчика я вела и хорошо усвоила, что мне надлежит знать, а о чем запрещено расспрашивать,— чего не знаешь, того никакими пытками у тебя не вырвут. Но студия меня заинтересовала, так как подтверждала мою позавчерашнюю догадку, и у меня тоже вырвалось (бабьи языки!):

— Я так и думала!

— Что ты думала?

— Что ты артистка.

— Никакая я не артистка. Так, забава... грех молодости. Один умный режиссер сказал, что ни черта из меня не выйдет...— И вдруг перевела разговор на другое:— Ты часто ходишь в город?

— Да как сказать... Когда надо...

— Не страшно?

— Где?

— Там, в городе.

— В городе — нет. На постах раньше было страшно. Иной гад как начнет тебя допрашивать и ощупывать.

— По телу лапают?

— По телу.

Маша брезгливо передернулась. А я почувствовала вдруг иную тревогу. Когда я убедилась, что она разведчица, то не сомневалась — опытная разведчица, только умышленно прикидывается простушкой, а тут, после ее вопросов и такой реакции, поверила, что она новичок, на первое задание идет. И это встревожило. Не хитро, а неразумно она вела себя в лагере. Нельзя так выставлять себя перед сотней людей. И проговариваться так нельзя. Тревога моя была з... Степана. По-бабьи испугалась красоты ее... Другого надо бояться!

Маша села, подняла руки, чтоб поправить волосы. В этот момент я неожиданно сильно толкнула ее в грудь.

— Ложись!

И сама повалилась на нее. Что она подумала? Я увидела, как блеснули ее глаза — не испуганно, а недоуменно и гневно. Она так крутнула мою руку, что я чуть не закричала от боли, и мигом очутилась наверху, тяжестью своего тела прижала меня к сену. Ловко у нее получилось! Если бы я трепыхнулась, она легко задушила бы меня. Лицо ее в этот миг было страшное.

— Ты что?

— Дурная... не поднимайся... полицаи...— наконец удалось объяснить мне причину своего неожиданного поступка.

Действительно, недалеко, на таком же пригорке, возле такого же одинокого дуба, я увидела полицейского — может, он тоже лежал и поднялся. Я узнала его за полверсты, так как уже имела встречу с этим «бобиком».

Маша приглушенно засмеялась и отпустила меня.

Я отползла к дубу, приподнялась и начала наблюдать за полицаем. С удивлением увидела, что на шее у него висит автомат. Это сильно насторожило. В тот раз он был с наганом. Автоматы в небольшие полицейские гарнизоны немцы выдавали редко. Не начинается ли блокада? Может, их сотня тут, полицейских, немцев? Но тут же, я знала, не базируется ни один отряд. А до Федора еще далеко. Потом подумала, что партизаны в эти болота могли заявиться в любой момент — из-за Днепра, из Черниговских или Брянских лесов. Да мало ли откуда... Рейдовый отряд. Или любой другой после тяжелого боя, чтоб скрыться от преследования.

Нет, не похоже, что полицейский выслеживает кого-то. Идет, как хозяин, не оглядываясь. Осматривает сенокос. Ах, если б у нас был пистолет, я отомстила б этому гаду. Нет, если бы и был пистолет, я все равно не имела бы права рисковать при выполнении задания.

Надо уходить, пока он не увидел нас.

Полицейский спустился в низину и на момент скрылся за лозовыми кустами. Я схватила Машу за руку, приказала пригнуться к земле, и мы скатились в мокрую лощину с невыкошенной высокой травой. Выбравшись из лощины на сухое, снова увидели его черную фигуру. «Не боится же, гад, шляется один»,— подумала я. Теперь, если даже он и увидит нас, уже не страшно: перед нами был молодой ольшаник, за ним — большой лес. И бежали мы так, что пуля не догнала бы, а не только полицай в суконном мундире и в сапогах. Хорошо, что врасплох не застиг. Я ругала себя: как могла позволить отдыхать в таком месте?

Маша тут же запротестовала:

— Почему ты летишь так? Неужели, думаешь, он гонится за нами? Не понимаю я все же... Как мы пойдем в город, через посты, если так боимся тут, убегаем?

Новому человеку, даже разведчику, действительно трудно понять мои тайны, мое чутье.

Я рассказала, как встретилась с этим полицаем в первый раз. Было это в марте. Начиналось разводье, но река еще стояла. Мне срочно надо было попасть в город, отнести закодированное письмо «Ахрему», подпольщику, которого я давно считала второстепенным, так себе, думала, запасная явка у деда. Письмо было из Центрального партизанского штаба, его доставил специальный представитель, спустившийся на парашюте. (Про письмо я, безусловно, Маше не сказала. Имела задание, и все, а какое — зачем ей знать.)

До этих вот мест меня провожали Володя с хлопцами, на конях, я ехала в седле. Отсюда, было договорено с командирами, я переберусь на левый берег Сожа, выйду на Черниговское шоссе и там постараюсь доехать до Гомеля на машине. Надо было спешить. Мне дали бутылку самогона-первака и десяток яиц, за такую плату немецкие шоферы подвозили. И вот на том берегу в лесу меня остановил полицай, догнал, будто долго шел следом. Чего он болтался по лесу, где еще лежало немало снега?

У меня была бумажка от старосты из Рудни. Но справка такая его еще больше насторожила: не ходили рудневцы той дорогой, объяснение мое, что все полевые дороги раскисли, перерезаны ручьями и потому я, промокшая и усталая, решила выйти на шоссе, полицая мало убеждало. А когда я предложила ему самогонку, он зло засмеялся: «А ты, вижу, опытная, знаешь, чем можно купить... Да меня не купишь...»

Я умела выдать себя моложе по возрасту, прикинуться девочкой-подростком лет пятнадцати, и плакала навзрыд всю дорогу, пока он вел меня. Наверное, не так уж и нарочито. Не только от страха. От отчаяния. Провалиться на таком ответственном задании! С таким письмом. Правда, само письмо найти нелегко, для этого надо раздеть меня догола. Фашисты, я знала, могут и такое сделать. Но не станут же они сразу раздевать меня? А как только уйдут с глаз, посадят в холодную, письмо я съем. Да, слабое это было утешение. Себя, может, и спасу, съев письмо, да и то, если не повезут в Рудню, а спросят у старосты так, без меня,— староста там был наш, партизанский. Но дело будет провалено, по всему видно, очень важное, так как не посылали б из Москвы специального посланца, могли бы по радио передать. Может, новый код для разведчика. Как, с какими глазами я вернулась бы в бригаду! На меня так надеялись, так верили. Все. Представитель Центрального штаба в том числе. Шла я впереди полицая, не плакала — выла на весь лес, все еще надеясь разжалобить его. Глотая слезы, без передышки рассказывала, что в доме пятеро детей, и все они больные, и должна идти в город к дядьке (называла подпольщика со станкостроительного завода, у которого иногда ночевала, он подтвердит, если что, легенда была старая, знакомая ему), чтоб добыть соли и лекарства.

Полицейский посмеивался над моими слезами и издевался, гад: «Рассказывай сказки. Знаю я тебя. В отряде видел».

«В каком отряде, дяденька? Что это вы говорите!»

Проходили мимо лесничества. Хата сожжена, а пуня осталась. Полицай вдруг остановил меня. Глаза у него заблестели, как у кота, а толстая морда расплылась в отвратительной ухмылке. Был он немолод, лет тридцати пяти, невысокий, но коренастый, дюжий, краснолицый. И вдруг говорит: «Пойдем в пуню. Тогда отпущу тебя».

Сразу я даже не сообразила, зачем идти в пуню. А когда поняла, то пережила такой страх, какого не знала еще ни разу за всю войну. Смерти глядела в глаза не раз, но такого страха не испытывала. Даже в блокаду, когда лежали в кучах веток, а возле них остановились каратели, и один, догадывалась я, предлагал поджечь ветки, и долго щелкал зажигалкой, а, на мое счастье, зажигалка не загорелась, видно, кончился бензин. Или когда меня задержали на гомельском рынке, и у меня под кофточкой была «Правда». А вот тут я почувствовала смерть верную. Другого выхода не было. Я буду грызть его зубами, и он, такой бык, либо задушит меня, либо застрелит.

Наверно, от страха у меня резануло в животе, потянуло на рвоту, я скорчилась, посинела и страшно закашлялась, даже слюна потекла. В ту зиму у меня часто кровоточили десны: от натуги, должно быть, от кашля лопнул какой-то сосуд, и я сплюнула с кровью. Посмотрела на полицая — он брезгливо поморщился. И тут как-то сама собой появилась отговорка, как бог послал, сказала б моя мать: «Дяденька, так нельзя же мне. Чахоткой я больна. Заразная. Видите, кровью харкаю. И мать болеет. И брат... Заражу я вас».

А кашель не унимается — вот же бывает счастье.

Плюнул он с отвращением и говорит:

«Давай твою самогонку. Руки о тебя, подлюга, пачкать не хочется. Ходите тут, отравляете воздух. Марш отсюда, заразная!»

Какое-то время, медленно отходя и кашляя, боялась, что он выстрелит в спину. Но услышала не выстрел — звон. Он разбил бутылку с самогонкой о сосну и снегом вымыл руки.

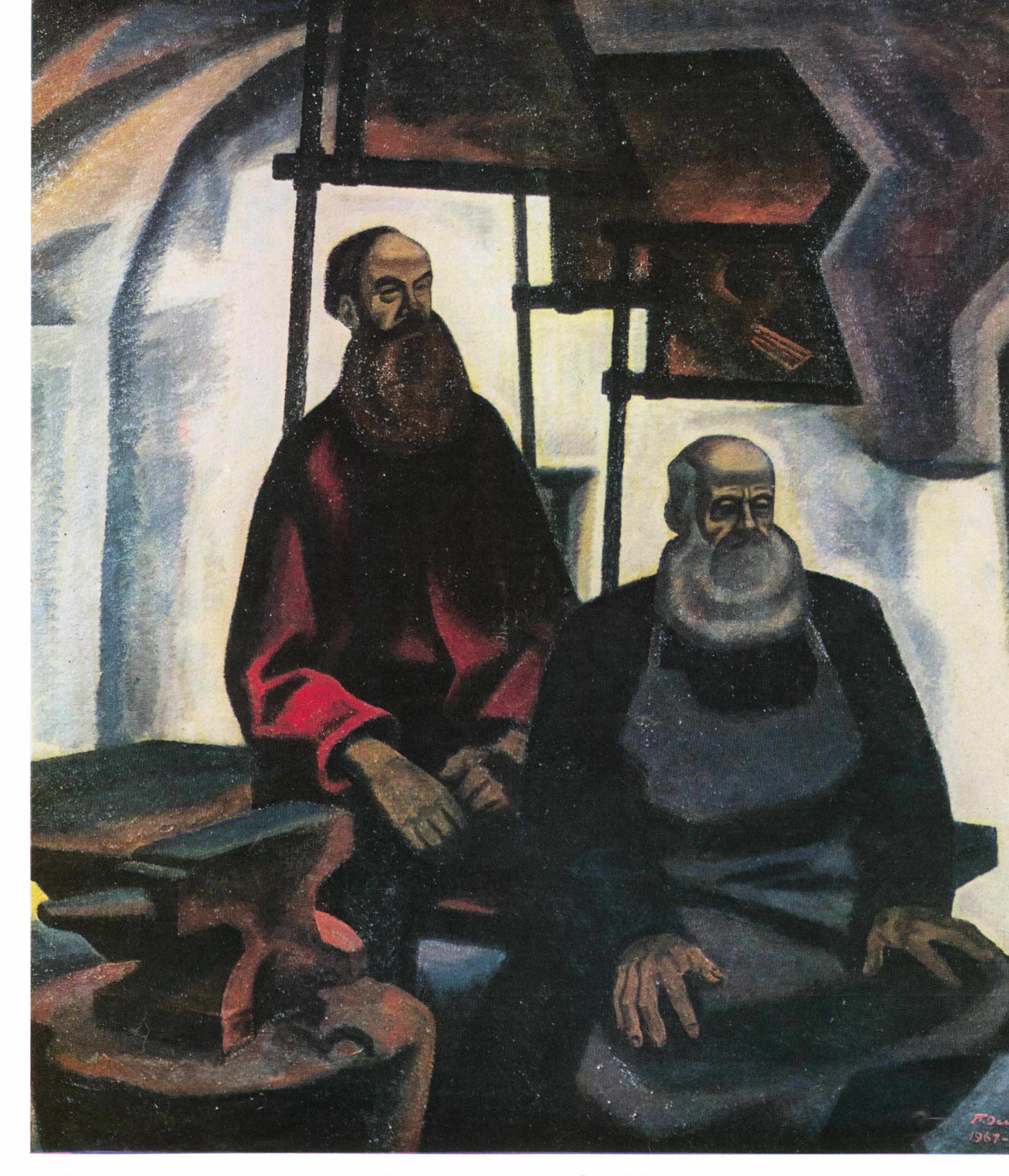
— Чистюля. Долго жить хочет,— засмеялась я, кончая рассказ о встрече с полицейским.

Теперь, когда мы прошли лес, вышли з поле и впереди увидели женщин, копающих картошку, я решила не обходить этих баб, спросить у них дорогу — пускай Маша знает, что не от всех людей надо убегать и прятаться,— я не очень-то была уверена, что это тот же полицейский; за полверсты, если не больше, не так легко узнать человека, которого видела всего один раз и в другой одежде — тогда он был в полушубке.

На Машу рассказ мой, по всему было видно, произвел впечатление. Она даже раза два опасливо оглянулась. И вообще как-то подтянулась, насторожилась. Была усталая, расслабленная, легкомысленная — ничего не боялась в этих лесных, болотных и луговых просторах, должно быть, думала, что я сознательно нагоняю страху и потому веду ее с такими предосторожностями. Действительно, трудно было понять: идем в город, во вражескую пасть, а тут, считай, своих боимся.

— И часто они насилуют наших?

Чего только я не слышала за два года войны, как связная, все время была на ногах, встречалась с разными людьми, ночевала в городе на разных квартирах и в деревнях. Может, часть из того, что я слышала,— выдумки, женские страхи... Но немало знала и истинного. Например, о том бандитском отряде, что появился по весне в Заднепровье; нашей бригаде пришлось ликвидировать его. Сколько

П. Оссовский. НАРОДНЫЕ МАСТЕРА-КУЗНЕЦЫ ПЕТР ЕФИМОВ И КИРИЛЛ ВАСИЛЬЕВ. 1967—1975.

П. Оссовский. ТАЛАВСКИЕ ОСТРОВА. 1974.

бандиты, выдававшие себя за партизан, изнасиловали в селах девчат! Наш штаб проводил дознание, опрашивал крестьян, я сама читала страшные показания; кровь в жилах стыла от рассказов матери, дочь которой после издевательств над ней повесилась. Но Машу история с отрядом не так тронула, может, потому, что рассказывала я отрывисто, нескладно.

Другое меня встревожило — женщины, копавшие картошку. Я сказала им: «Бог в помощь». Они не ответили и смотрели, как вол из-под ярма. Спросила дорогу на Скиток — показали неправильно, направили на Терешковичи, а там, я знала, размещался полицейский гарнизон. Вредные бабы встретились!

Маше не сказала, что за бабы такие, она и так нехорошо отзывалась о здешних людях. А они добрые. Им я верила. А это разве люди? Наверное, мать, жена или сестра полицая какого-нибудь или старосты. Может, наши парни приструкнули самого хозяина, потому они и глядят волком на каждого, в ком подозревают партизана.

Версты три я шла с предосторожностью, ускорив шаг. Сбив ноги, Маша по-прежнему отставала. Жара была нестерпимая, редко такое случается даже в августе.

Мы снова вышли на луг, но держались близ зарослей, вдоль ручья. Трава оплетала ноги, влажный воздух становился густым, как смола, раздирало грудь. Тело обливалось липким пóтом, и сердце билось в висках и... в кончиках отекших пальцев.

Со мной это случалось не раз: в каком-то месте или в какое-то время я будто переходила границу, линию фронта, за которой исчезали ощущение опасности и все мои страхи. Так случилось и там. Чего я испугалась?— подумала. Полицая, которого увидала за полверсты? Да если бы он начал стрелять в нас из своего автомата, так и то... соли он нам насыпал бы на хвост. Неприветливых баб? Будто в первый раз встречаю таких. И между тем не раз убеждалась, что неприветливый человек — не всегда враг. Нередко бывает наоборот.

Разве лучшему я учу Машу своими странными предосторожностями? Разве надо разведчице так остерегаться? Не играю ли я немного перед ней? А она, может, более опытная, только не выдает себя; такую неумелую и ленивую вряд ли послали бы сюда.

Но скорее всего «граница» эта появилась потому, что мы уже недалеко от Федора, километров семь всего, что это, в сущности, уже наша зона, федоровцы хвалились, что из близлежащих сел и поселков поудирали все полицаи, их забитые хаты партизаны понемногу жгут, не все сразу, а поочередно, чтобы чувствовали изменники партизанский дух в этом крае.

Свернув с дороги, я потеряла ориентиры, и мы неожиданно вышли к Сожу. Река блеснула из-за кустов широкой искристой гладью, немного испугав меня, ослепив и очаровав. Я остановилась, растерянная, но тут же представила выученные по карте и в натуре замысловатые петли и изгибы, что делает тут Сож, и быстро сообразила, куда мы попали. Удачно вышли. Место безлюдное, до отряда ближе, чем я думала.

Река дышала прохладой. В такую жару разве только явная опасность заставила бы отступить от реки. Захотелось постоять на берегу, вдохнуть прохлады. Хоть минутку подержать в чистой проточной воде натруженные ноги.

К самому берегу подступала гряда лозняка-краснотала, разрезанная ручьем. Где ручей сливался с рекой, образовалась песчаная отмель. Шагах в двадцати от берега даже выступал островок, с беленьким-беленьким, как сахар, песочком. На островке сидели непуганые чайки.

Пока Маша разувалась, я прошла по воде до островка. Чайки, лениво вскрикнув, перелетели на противоположный берег. Я огляделась вокруг. Далеко, по обе стороны реки открывались речной простор и берега, с нашей стороны — заросший лозняком, с песчаными косами, а с того, противоположного,— голый, обрывистый, с одинокими дубами. В обрыве гнездились ласточки и стрижи, значит, от деревни далеко, иначе мальчишки и кошки разорили бы птичьи гнезда.

Действительно, кроме чаек, нигде ни одного живого существа. И ни одного постороннего звука. Все притаилось, застыло в полуденной истоме. Только журчит и ласково плещется возле ног вода. Просто рай земной вокруг. Маша подошла ко мне, высказала свое восхищение:

— Какая прелесть! — И вдруг предложила:— Давай искупаемся.

О том, чтоб искупаться, я подумала раньше ее. Опасности больше не чувствовала. Возле своего лагеря иногда купалась с осторожностью — чтобы парни не подсматривали. А тут было ощущение полной свободы. Но я подумала о другом: стоит ли мне показываться голой перед этой красоткой? Какой худой — одни ребра — и невзрачной я предстану перед ней! Это как бы унизит мое женское достоинство. А я ни в чем не хотела унижаться перед ней. Со вчерашнего вечера мне хотелось убедить себя, что я не хуже ее и достойна настоящей любви. Степановой любви. Вот почему я не сразу ответила на ее предложение. А Маша не проявила уже такой настойчивости, как с отдыхом под дубом. Наверно, история с полицаем, мой рассказ о нем несколько дисциплинировали ее. Но искушение было столь велико, что она попросила меня как-то странно, совсем по-детски:

— Я больше недели не мылась. А до войны я ежедневно принимала ванну.

Такое признание почему-то рассмешило меня.

— А ты и в самом деле панского роду. Плавать ты хоть умеешь или только в ванне? Река наша, знаешь, какая...

— А ты погляди, как плавают девушки панского рода.— Маша тоже засмеялась и начала расстегивать кофточку.

Я даже испугалась, что она разденется тут, на островке, посреди реки. Просто сама я не могла раздеваться на таком открытом месте. Девичья целомудренность. Как ни безлюдно вокруг, а все же... лучше иметь хоть какое-то прикрытие.

— Не тут! Идем в лозняк.

Я не успела расстегнуть на юбке крючки, как она уже стояла совсем голая. Стояла в двух шагах от меня, но между нами была лоза, десяток упругих красных стеблей, которые, казалось, звенели, как струны. Через эту живую решетку, в кружевном сплетении солнечного света и теней от листвы, в чудесном зелено-золотом освещении тело ее казалось удивительно красивым. Она стояла спиной ко мне, подняв руки,— заплетала в пучок волосы. Такая поза, будто хочет взлететь в небо. Подобное женское тело я видела только в музее, во дворце Паскевича. Все останавливались перед картиной, хотя нам, девушкам-первокурсницам, было стыдно смотреть на нее вместе с мальчишками, будто раздели и выставили кого-то из нас. Но под картиной было написано, что это греческая богиня. Прочитанная подпись несколько уменьшила нашу стеснительность. На богиню можно было смотреть и при парнях.

Я замерла от очарования и похолодела от страха. Разве могу я сравниться с такой красавицей? Она настоящая богиня.

Спустила на песок юбку, притоптала ее ногами и боялась скидывать остальное, так и стояла в пестрой кофточке и в короткой сорочке из грубого домотканого полотна. Но вот Маша повернулась ко мне и удивилась, что я еще не разделась. А я чуть не засмеялась... от внезапного открытия. Передо мной стояла не богиня — обыкновенная женщина, таких я видела в бане. Именно женщина. Белые, как помятые, ленточки-полоски на животе бывают только после беременности и родов. И грудь. Не надо было иметь собственного опыта, чтобы понять, что такая грудь кормила ребенка. Едва не вырвалось: «Ты замужем? У тебя есть дети?» Но прикусила язык. К чему эти слова? Зачем учинять допрос, который, возможно, будет неприятен ей? Разве недостаточно мне странного, какого никогда не знала, ощущения своего превосходства над ней? Правда, странно. Иногда я завидовала нашим женщинам, у которых есть дети. Если погибнет мать, останется дитя, продолжение ее жизни, а после меня ничего не останется. А Маше не позавидовала, хотя мы связаны с ней: два дня над нами будет висеть та же опасность, бóльшая, чем тогда, когда я ходила одна,— из-за нее — бóльшая. Но не об этом я думала. О другом — бабьем. Почему я вдруг ощутила свое превосходство над ней и в тот момент удивительно успокоилась, обрадовалась? Разгадать такую загадку и теперь не могу, прожив на свете полсотни лет и пережив все, что только могло выпасть на долю одной слабой женщины.

Разделась я охотно и уже нисколько не стеснялась своего худого тела.

Мы кинулись в воду одновременно с обрыва, отойдя в сторону от отмели,— там было глубоко. Маша нырнула, вынырнула, повернулась на спину и засмеялась от удовольствия. Держалась она в воде, как рыба, сразу чувствовалось: хорошая пловчиха. Но и я выросла на берегу Днепра и могла показать не меньшее умение. И я рванула вперед, на середину реки, по-мужски, размашисто загребая. Но через минуту увидела, что и в плавании по сравнению с Машей я деревня. Она пролетела мимо меня, как снаряд, как акула. Плыла спортивным стилем, не знаю, как он называется, разрезая воду головой. Пружинисто выбрасывая свое упругое тело на поверхность,— блестели одни белые лопатки. От меня во все стороны летели брызги, она же плыла, почти не брызгая. Я далеко отстала и фыркала следом, как старенький лопастный пароходик за современной «Ракетой».

Переплывать на другую сторону, безусловно, было безрассудно. Я никогда не позволила бы себе, ибо это означало забыть не только о задании, какое выполняла, но и о войне вообще. Однако не успела я предупредить, как Маша была уже там, на том берегу, стала на ноги, обмыла лицо, потом вышла из воды и села на песок.

Меня отнесло дальше от того места, где сидела Маша. Я устала, задыхалась и даже испугалась, что не доплыву, что течение снова отнесет меня на середину реки. Выйдя из воды, я пошла к Маше по песчаной полосе под высоким обрывом. Но мне вдруг показалось, что оттуда, с нашего берега, кто-то смотрит на меня. Я стыдливо вскочила в реку и дошла до Маши, погрузившись в воду. Овладел страх: а вдруг кто-нибудь заберет одежду? Как мы заявимся в отряд? Какой позор! За такое легкомыслие расстрелять меня мало.

— Поплыли назад,— сердито приказала я Маше.

— Отдохни, ты запыхалась.

Я разозлилась:

— Ты что, купаться и загорать сюда прилетела?

Она почувствовала мое недовольство и без слов покорилась. Заметив, что я утомлена, плыла рядом. Страховала. Плыли мы медленно, не спеша, преодолевая течение, чтобы не отнесло нас от песчаного островка.

Достав ногами дно, начали выходить на мель. По колени уже вышли, как вдруг я вскрикнула и присела.

Из лозняка, с того места, где мы оставили одежду, выглядывала страшнее самого страшного зверя морда... полицая. Того. Знакомого, с которым я встретилась в марте. Толстая красная морда его расплылась от противного самодовольного смеха. Я подумала, чтó может сделать такой гад. Наверно, погонит нас в село, на потеху и издевку в таком виде — в чем мать родила. Нет, не вылезу из воды, лучше утоплюсь. Нырну и не вынырну. И я потихоньку отплывала на середину реки.

А Маша шла вперед, к берегу, огибая песчаный островок. Неужели она не видит полицая? Может, крикнуть ей? Нет, не может она не видеть, не слепая. Он вышел навстречу ей, спустился к канавке, поедая ее жадными глазами. На шее у него висел немецкий автомат, одной рукой он держался за приклад, другой мазнул себя по лицу, вытер пот или протер глаза, чтоб лучше разглядеть такое диво — голую девушку.

Маша все равно шла на него, медленно, вихляя бедрами, как бы дразня. На теле ее горели маленькими солнцами капли воды. Они слепили меня, эти искристые капли на красивом теле, какое она так открыто выставляла перед полицаем.

— Купаемся, рыбки золотые?— хихикнул полицай, облизывая пересохшие губы.

— Хочешь с нами покупаться?

— Гы-гы,— оскалил он зубы.— Не помешало б.

— Так давай...

Маша остановилась в каких-нибудь двух шагах от него, не больше. Очевидно, он ослеп от ее близости. Маша провела руками по груди, потом по животу, по бедрам, растирая капельки солнца.

— Хороша?— спросила она весело.
— Ох, хороша! Гы-гы...— казалось, заржал он от восхищения и искушения.
Она протянула к нему руки.
— Давай помогу раздеться.
Должно быть, тут он почуял угрозу, так как сказал:
— Ну-ну!— и, кажется, успел отступить на шаг.
Но было поздно. Маша сильно охватила его за шею руками и припала губами к его губам. Тут я поняла ее намерение и кинулась на помощь: может, вдвоем сумеем обезоружить его. Да не успела добежать: глухо ударила короткая автоматная очередь.
Маша сильно толкнула полицая от себя. Он свалился на травянистый откос, страшно завыл, но сумел еще найти и нажать спусковой крючок, да не смог уже скинуть ремень, поднять автомат, нацелить на кого-нибудь из нас — стрелял в землю, в обрыв, пули рвали корни лозняка, в реку летели песок и трава.
Маша перескочила через полицая, наклонилась, сорвала с его шеи автомат и начала стрелять — в упор — в грудь, в голову, в живот.
Лицо ее было страшным. Видела я, как убивали врагов, свидетельницей была, как Кузьма Бруй расстреливал убийцу своего сына — полицейского Котикова, но даже у Кузьмы такой ненависти, злости, гнева, гадливости, отвращения не было ни на лице, ни в глазах. Она расстреляла все патроны; когда автомат замолк, удивленно посмотрела на него — почему он замолк?— и бросила мертвому полицаю на грудь, будто и не поднимала.
Я прежде всего собрала нашу одежду. А вдруг полицай не один? Успела надеть сорочку — не голой же бежать по лознякам, позорно бежать партизанке голой, даже если никто и не видит.
Маша сидела на корточках над канавкой и медленно и старательно мыла руки, терла их песком. На всю жизнь запомнилось, как, с каким выражением гадливости — будто раздавила крысу — она мыла руки.
Я надела ей через голову сорочку. Маша недоуменно поглядела на меня: что я делаю, зачем?
— Надевай сорочку! И бежим быстрей! Может, он не один тут...
Тогда она боязливо оглянулась на мертвеца и перескочила через ручей в гущу лозняка, обдирая голые руки и ноги. Я не полезла бы так, побежала бы берегом. Но теперь мне ничего не оставалось, как идти следом за ней; после того, что случилось, я готова была признать, что не такая она неопытная, как прикидывалась. Вон какого черного буйвола свалила! Но и гад же он, ведь верст пять за нами шел, словно за смертью своей.
Немного придя в себя, я подумала, что Маша действовала правильно, по-партизански, а я — как девчонка, столько сегодня наделала глупостей, стыдно будет докладывать командованию. Если сделаю еще одну промашку, мне не простят. Как я могла не забрать автомат? Это же первая партизанская заповедь: забрать оружие у убитого врага,
Остановила Машу.
— Подожди. Послушаем.
Она снова присела и зачерпнула пригоршней песок. Он сеялся меж пальцев, может, ей хотелось чем-то занять руки, так как они — увидела я — все еще дрожали. Не удивительно. Я не убивала, а у меня тоже трепетало сердце, дрожали руки.
Было тихо. Даже не шелестели лозняки. Только где-то далеко замычала корова. И это мирное мычание сразу как-то удивительно успокоило меня.
— Надо забрать автомат,— сказала я.
— Зачем?— спросила Маша.
— Ого! Такое оружие! Автоматов у нас не густо. Краевский спасибо скажет.
На Машином лице промелькнула вроде бы виноватая улыбка.
— Я не могу... видеть его... Пойми...
Это я понимала. Разве мне приятно лишний раз смотреть на мертвеца, да еще такого?
— Я пойду сама,— сказала я.— А ты одевайся и жди меня тут.
Я надела юбку, блузку и пошла. Полицай лежал так, что с того, противоположного берега его издалека можно увидеть. Это мне не понравилось. Лучше, если бы нашли его как можно позднее. Хотя вряд ли будут сообщать гестапо и городской полиции об убийстве одного сельского «бобика», в боях партизаны их десятками косят. И все же... Зачем нам завтра вызывать огонь на себя? Несомненно одно: будет усилена предосторожность постов. Я на мгновение задумалась, куда же девать полицейского: затащить в лозняк или спустить в реку? Лучше концы в воду, как говорится. Но — странное дело — выросла, считай, на реке, а не знала, как ведет себя на воде убитый — тонет или плывет по течению. Утопленник тонет, а потом всплывает. Рассудила, что суконный мундир, сапоги, белье, намокнув, потянут тело на дно.
Забрала у него из кожаной сумки две запасных обоймы, перезарядила автомат. Хотела проверить во внутреннем кармане, нет ли какого документа, но откинула полу и отшатнулась, чуть дурно не сделалось: пули прошили тело насквозь, и кровь все еще пузырилась, булькала, будто билось его сердце, хотя глаза давно остекленели, в них отражалось только небо.
Я взяла его за руки, чтобы тащить, и подумала уже без особой ненависти и злости, пожалуй, с женской сердобольностью:
«Ну, что, дурень, поймал партизанок? А у тебя, видать, есть жена и дети, может, и мать. И ты был смелым, не боялся ходить там, где ходят партизаны. За что же ты невзлюбил так своих людей?»
Маша сидела на том же месте в лозняке и — странное дело — все еще пересыпала песок: черпала его горстями и вновь сыпала на землю. Как маленькая. Она сильно изменилась за это время и уже не выглядела такой красивой, статной, уверенной, какой была, когда отдыхала под дубом и купалась,— осунулась, побледнела и сделалась какая-то беспомощная.
Сказала ей:
— Я спустила его в реку. Пускай плывет...
Маша встрепенулась, испуганно икнула и вдруг скорчилась: ее начало тошнить. Спазмы были мучительные, казалось, вывернет все нутро. Виновато поглядывала на меня и судорожно хваталась руками за ветки, как бы желая подняться, да не было сил. Такое на моих глазах случалось не с нею первой, поэтому я не удивилась и не испугалась. Бывало, вот так корчились не только женщины, но и мужчины, кто впервые убил или просто увидел страшную рану у товарища. Комиссар наш с сорок первого воюет, а до сих пор не может видеть, как оперируют раненых, ему становится дурно.
Тошнота не принижала Машу. Скорее наоборот. Теперь я знала то, о чем не отваживалась спросить, так как не имела права, и Маша тоже не рассказала того, на что не имела права. Ее, оказывается, хорошо подготовили в разведшколе. Теоретически она все знала и все умела: так хитро и ловко свалила полицая,— не каждый мужчина сумел бы потягаться с ней, но на боевом задании она, видимо, в первый раз; во всяком случае, войну так близко увидела впервые, такую войну, когда надо убивать самой, а иначе убьют тебя, да не просто убьют — будут мучить, издеваться, топтать, насиловать.
Гад тот, безусловно, повел бы нас голых... Словом, Маша раскрылась во всей своей сущности. Полнее узнала я и частицу ее биографии. Но что сказать в таком случае? Благодарить, что спасла себя и меня, или утешать? Нет, в таких случаях никаких утешений. Ни к чему. Нужно одно — военная, командирская строгость и требовательность, какой у меня не хватало, и поэтому чуть не попали в беду. Бабами почувствовали себя, а не бойцами.
— Ну, не хныч, а то всех полицаев созовешь отовсюду,— почти злобно сказала я Маше.— Пошли! Пока гром не грянул...
Она удивилась моей суровости, взглянула жалобно, как бы прося пощады. Но снисхождения у меня не могло быть.
— Пошли, пошли! А то совсем курортницами станем, о деле забудем.
Она послушно поднялась.

Продолжение следует.

Авторизованный перевод с белорусского М. ГОРБАЧЕВА.

Артем АЛИХАНЬЯН, лауреат Ленинской и Государственных премий, член-корреспондент Академии наук СССР

Фото И. Бутеева.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Артем Исаакович, я хочу своим вопросом вернуть вас к событиям почти тридцатипятилетней давности, но событиям незабываемым. Где и как вы встретили известие о начале войны?

А. И. АЛИХАНЬЯН. В Москве, под землей, на одной из станций метро. Что я там делал? «Ловил» космические лучи, природа которых уже в то время составляла весьма значительную часть моих научных интересов. А работал я тогда в знаменитом Ленинградском физико-техническом институте у академика Абрама Федоровича Иоффе. По сегодняшним масштабам институт был совсем маленьким, что-то около ста научных сотрудников. Но каких! Будущие академики, лауреаты высших премий страны и мира. Ландау и Курчатов, Арцимович и Алиханов, Александров и Скобельцын!.. Для того чтобы попасть в институт, надо было выдержать конкурс, про который говорили, что он потрудней, чем выборы в Академию!
Для изучения космических лучей требовалась серия экспериментов в высокогорных условиях.
Весной 1941 года подготовка высокогорной экспедиции «на ловлю космических лучей» была закончена. Выезд из Ленинграда был назначен на середину июня — ждали, когда дороги в горах будут свободны от снега. Но время неумолимо подошло к дате — 22 июня...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Так, значит, экспедиция не состоялась?

А. И. АЛИХАНЬЯН. Отто Юльевич Шмидт, бывший в то время вице-президентом Академии, сказал мне, что экспедицию Академии наук придется отложить, страна перестраивалась на военный лад, ученые

ЧАЛО ПУТИ

тоже должны были определить свое место и свое дело в эти первые дни нападения гитлеровцев на нашу страну.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как откликнулись на это ученые физико-технического института?

А. И. АЛИХАНЬЯН. Наш институт готовился к эвакуации в Казань. Многие ученые получали военные задания. Недавний дипломник И. В. Курчатова — молодой физик (а ныне академик) Г. Н. Флеров ушел на действительную службу в авиацию. А сам Курчатов собирался на Черноморский флот обучать моряков размагничиванию кораблей. А. П. Александров тоже собирался уезжать в Севастополь и поручил мне включиться в его дела по наладке систем размагничивания военных кораблей. Магнитные мины были в те времена серьезным препятствием для военно-морских операций, и надо было срочно довести до конца эту работу. В обстановке все нараставших ударов немецких войск по Ленинграду я выполнял задание и осенью с группой моряков и приборами выехал в Севастополь. Кольцо блокады почти замкнулось, и где-то в районе Мги мы проскочили мимо фашистских позиций в каких-то ста метрах.

В Москве мои друзья-моряки, не задерживаясь, продолжали путь, а я получил новое задание — заняться автоматикой для аэростатов. Старшие помнят, а младшие видели в кино, как Москва, обороняясь от вражеской авиации, закрывала по ночам небо привязными аэростатами. Это было эффективным средством борьбы, но иной раз оно оборачивалось против нас самих. Были случаи, когда аэростаты обрывались и, волоча тросы, плыли по воле ветра. Они натыкались на линии электропередач и замыкали провода. Задание я выполнил: создал автоматику, которая в случае обрыва аэростата сама сбрасывала привязной трос.

Работал я в те дни в Институте физических проблем АН СССР.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Всю войну вы и занимались изобретательской работой для военных нужд?

А. И. АЛИХАНЬЯН. Не совсем. После завершения работы с автоматикой меня вызвал к себе академик Сергей Иванович Вавилов.

Академик Вавилов сказал, что пережил уже одну войну и главное, по его убеждению, состоит вот в чем: что ученые должны делать для войны, они должны делать в основном до войны. А во время войны они должны сохранять трезвость ума, понимание и настоящих и предстоящих задач. Но уехать в Казань, чтобы начать восстанавливать в институте наш ядерный семинар (таково было задание Академии), я согласился не сразу.

Еще в предвоенные годы одной из важных работ Ленинградского физтеха был ядерный семинар — периодический обмен информацией между ведущими физиками разных институтов и даже разных стран. К нам в Ленинград приезжали такие выдающиеся ученые, как Фредерик Жолио-Кюри, Бор, Блэкетт, Дирак, Мотт. Благодаря семинару мы были постоянно на самом переднем крае этого направления физики. И вот, восстановив ядерный семинар в условиях войны, эвакуации, мы очень скоро убедились: необходимо, несмотря ни на какие трудности, продолжать изучение космических лучей.

Кое-кто мог бы сказать: какие там космические лучи во время войны?! И все-таки экспедиция состоялась. Она была утверждена в таком составе: я — начальник экспедиции, Алиханов, Померанчук, Спивак, Калашникова, Неменов. Место для работы было выбрано неподалеку от Еревана — гора Арагац. В Армении к нам должен был присоединиться физик Кочарян.

Из блокадного Ленинграда оборудование и снаряжение было перевезено в Казань. Далее по Волге, мимо Сталинграда, который уже подвергался ударам врага, в Астрахань. Оттуда по Каспию в Баку. На той скорлупке, на которой мы пересекали море, нас мотало так, что и экипаж и члены экспедиции жестоко страдали от морской болезни.

Подняться на Арагац было очень непростой задачей. Ведь это же не спортивное восхождение, а целое мероприятие по созданию долговременной высокогорной станции, да еще в условиях войны. Лошади все были мобилизованы, и мы в качестве транспортной силы получили... ослов.

Станция на горе была организована, приборы установлены, эксперимент проведен. Он окончательно доказал существование ранее неизвестной науке составной части космических лучей. Об этом мы послали материал в США, в журнал «Физикл ревью».

Это сообщение, кроме научного, имело огромное военно-политическое значение. В Америке была опубликована информация о том, что советские физики в самый разгар боев на Волге ведут научный поиск. Люди за океаном, читая это сообщение, думали о том, что было понятно каждому советскому человеку, о том, что мы победим, раз готовим послевоенное будущее. Это было летом 1942 года!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но ведь фашисты в то время рвались на Кавказ? Как же работала ваша экспедиция?

А. И. АЛИХАНЬЯН. Я получил указание от ЦК Компартии Армении, в котором говорилось, что если немцам удастся прорваться через Главный Кавказский хребет, то экспедиция должна слиться с одним из партизанских отрядов. Мы получили оружие и были готовы выполнить свой долг. Вот тогда-то бывший в те времена председателем Армянского филиала АН СССР академик Иосиф Абгарович Орбели назвал полушутливо нашу экспедицию «военно-космической».

Летом 1943 года с Алихановым и Ландау я приехал в Москву для обсуждения материалов экспедиции и получения дополнительного оборудования. Война осложнила самые, казалось бы, простые вещи. Где достать приборы? Как переправить имущество в Ереван?

Фашистские войска были разгромлены под Сталинградом, отброшены с Кавказа, но все понимали, что назревают новые грозные сражения. За самолетом для переброски имущества мне порекомендовали обратиться прямо в Генеральный штаб. Ответ пришел незамедлительно, и причем положительный. А ведь это произошло 1 или 2 июля 1943 года. Теперь мы знаем, что это было в канун Орловско-Курской битвы. В те дни все автомобили, самолеты находились на учете, и тем не менее ЦК и Генштаб нашли возможным удовлетворить нашу заявку. Такое отношение укрепило нашу уверенность в необходимости экспедиции.

На Арагаце у нас была вполне приличная экспериментальная база, однако она все же скорее напоминала альпинистский лагерь, и потому требовалось для обработки полученных материалов какое-то менее экзотическое место. Именно тогда, в 1943 году, в Ереване возник маленький физический институт, небольшая ячейка физической науки в Армении, которая за тридцать с лишним лет выросла в крупный современный научный центр, оснащенный самыми современными приборами и одним из лучших в мире ускорителей.

Так в самые тяжелые годы, в пламени войны возник новый центр физической науки и была проведена серия важнейших экспериментов.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Можно ли, говоря о вашей многолетней работе в области физики элементарных частиц, ставить вопрос о практической ценности этих исследований?

А. И. АЛИХАНЬЯН. Занимаясь около 35 лет ядерной физикой, я не раз слышал самые противоречивые суждения о науке, позволившей создать и самое грозное на планете оружие и самый могучий источник мирной энергии. Не раз вспоминал я, как еще в 1920 году ближайший помощник великого Э. Резерфорда Ф. Содди, указывая на возможность освобождения атомной энергии, писал: «Если когда-нибудь этот день наступит, не нужно ослепляться величием достигнутых результатов или думать, что такое приобретение для физических ресурсов человечества может быть вручено тем, кто в прошлом уже превратил в проклятие то благословение, которое дала ему наука».

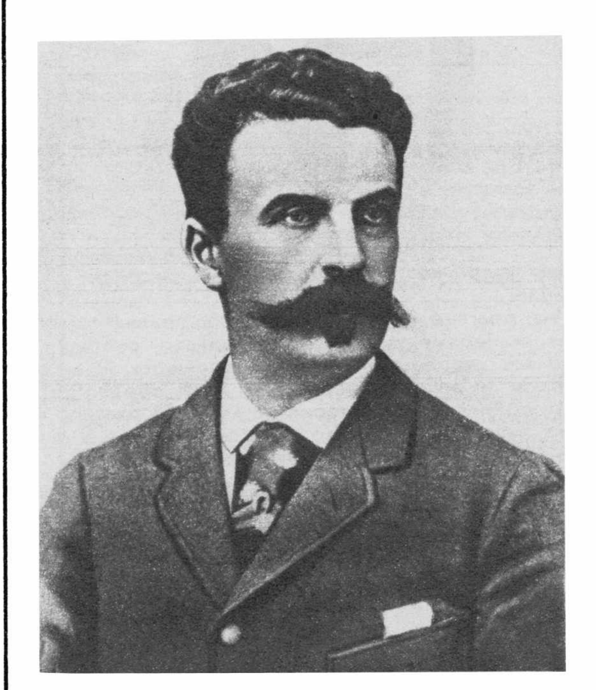
Как бы в ответ на это через четверть века, уже после Хиросимы, знаменитый физик Фредерик Жолио-Кюри писал, что, «несмотря на такое ужасающее начало, я уверен, что это завоевание науки принесет человечеству больше блага, чем зла».

Еще один пример. В самом начале XIX века, когда Фарадей проводил эксперименты с электрическим током и магнитными полями, какой-то министр, посетив его, спросил: «Какая от этого всего польза?» Фарадей ответил: «Я не знаю, но уверен, что когда-нибудь правительство установит плату за это». Мы знаем, что он оказался прав. Говоря о субъядерной физике, видимо, нельзя ставить вопрос о пользе сегодняшнего дня. Но если думать о будущем человечества, то без познания людьми самой основы окружающей нас природы трудно говорить о прогрессе.

Теперь, тридцать лет спустя, имея возможность объективно оценивать ситуацию, я считаю, что советские физики в годы войны правильно поняли наказ С. И. Вавилова — они сохранили трезвость ума и понимание предстоящих задач, они работали на главном перспективном направлении науки, на долгие годы определившем развитие физики.

Рассказ А. И. Алиханьяна — лишь один эпизод из многолетней эпопеи, в течение которой советские ученые вместе со всем народом сражались с фашизмом. И одержанная Победа обеспечила развитие не только сегодняшней науки, но и цивилизации в целом.

Беседу вел Марк БАРИНОВ.

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГИ ДЕ МОПАССАНА

ТОЛСТОЙ ЧИТАЕТ МОПАССАНА

И. ЛИЛЕЕВА

На первый взгляд может показаться неожиданным сближение этих двух имен — Мопассана и Толстого. А между тем Мопассан был одним из любимых писателей Льва Николаевича Толстого, особенно в последний период его жизни.

Познакомился Толстой с творчеством Мопассана еще в 1881 году, то есть вскоре после опубликования новеллы «Пышка», принесшей Мопассану громкий успех. Летом 1881 года Тургенев привез в Ясную Поляну первый сборник рассказов своего молодого французского друга — «Заведение Телье». На титульном листе книги было напечатано: «Ивану Тургеневу — дань глубокой привязанности и великого восхищения». Толстого сразу же привлекло редкое дарование Мопассана. Несколько лет спустя Толстой вспоминал: «Настоящий талант сейчас же чувствуется. Бьет в нос, как air fixe, как когда пьешь сельтерскую воду из только что откупоренной бутылки... Вот так мне в нос ударил талант Гюи де Мопассана, когда я в первый раз прочел его рассказы».

Известно, что Мопассан печатался всего немногим более десяти лет, за этот короткий срок он поразил современников необычайной щедростью своего таланта, опубликовав шесть романов, три книги путевых очерков и более трехсот новелл. Однажды Мопассан шутя сказал: «Я вошел в литературу, как метеор,— я исчезну с ударом грома». Когда писатель это говорил, он был в зените славы, он не мог даже и предположить, сколько горькой правды заключалось в этих словах. Ошеломленные его блистательным успехом, современники не успели вчитаться и вдуматься в его книги, понять и оценить их, как Мопассана уже не стало. И за ним надолго установилась репутация поверхностного бытописателя, автора легковесных, порой анекдотических рассказов.

Лев Толстой был среди первых, кто осознал величие и глубину таланта Мопассана. Он ставил роман «Жизнь» в число лучших французских романов XIX века, восхищался мрачным трагизмом рассказа «В порту». Эта новелла так поразила писателя, что, не жалея времени, он работал над исправлением ее перевода на русский язык. 18 октября 1890 года он сообщал Черткову: «Перевожу я вам в «Посредник» ужасной силы и цинизма и глубоко нравственно действующий рассказ Gui Maupassant. На днях пришлю».

Этот рассказ «Le Port» («В порту»), который Толстой называл «чудным», был напечатан под заглавием «Франсуаза». Сам Толстой перевел рассказ Мопассана «L'Echec» («Осечка»).

Ценя глубокое проникновение Мопассана в сущность современной жизни, Толстой отбирает его произведения для издания в «Круге чтения» и для пятитомного собрания сочинений французского писателя.

В 1893—1894 годах он долго и тщательно работает над большой статьей — предисловием к этому изданию. Это предисловие Толстого при всей спорности некоторых его положений и аргументов является чрезвычайно глубоким и вдумчивым анализом творчества Мопассана — художника, который «...мучается... неразумностью материального мира и некрасивостью его». Толстой подчеркивал, что он, как никто другой, умел показать драматизм будней, раскрыть трагическую сущность повседневности. За внешней непритязательностью, а иногда и обыденностью сюжетов мопассановских новелл Толстой увидел трагедию исковерканных человеческих судеб в буржуазном мире.

Действительно, новеллы Мопассана — это своеобразная «человеческая трагедия». Из отдельных фактов, эпизодов писатель, наподобие старинного мозаичного мастера, создающего законченное изображение из мелких кусочков цветной смальты, составляет целостную картину современности. Мопассан рассказывает об извращении человеческих чувств в мире чистогана и расчета, вскрывает губительную силу денег, частнособственнической психологии, духовное убожество своих персонажей, ничтожество их стремлений и помыслов. Пишет он и о наглом торжестве буржуазной пошлости, о трагедии незаконнорожденных детей, о безрадостном существовании маленького человека. Толстой замечал: «Я не знаю более хватающего за сердце крика отчаяния сознающего свое одиночество, заблудившегося человека, как выражение этой мысли в прелестнейшем рассказе «Solitude» («Одиночество».— **И. Л.**).

Сам Мопассан писал: «Я из числа людей, у которых содрана кожа и обнажены нервы... Я пишу потому, что понимаю все существующее, что страдаю от него, что слишком хорошо его знаю». Именно это качество писателя особенно ценил Толстой: Мопассан «удивительно умел изображать пустоту жизни, а уметь это может только тот, кто знает нечто, вследствие чего жизнь не должна быть пустой». С болью писал Толстой о трагической судьбе Мопассана, не успевшего и не сумевшего до конца раскрыть свой огромный талант.

Несчастье этого художника не только в том, что он очень мало прожил и не успел завершить свои творческие замыслы, но и в том, что он жил в эпоху политического безвременья 80-х годов. Это не могло не наложить отпечаток на его творчество и неизбежно сузило и ограничило его понимание жизненных явлений, стало причиной горького пессимизма многих его произведений. Нельзя не восхищаться проникновенными словами Толстого: «Трагизм жизни Мопассана в том, что, находясь в самой ужасной по своей уродливости и безнравственности среде, он силою своего таланта, того необыкновенного света, который был в нем, выбивался из мировоззрений этой среды, был уже близок к освобождению, дышал уже воздухом свободы, но, истратив на эту борьбу последние силы, не будучи в силах сделать одного последнего усилия, погиб, не освободившись».

В дневниках последних лет жизни Толстого особенно много различных записей, говорящих о его пристальном внимании, большом интересе к Мопассану.

Рассказ «Семья» производит на Толстого такое большое впечатление, что он пишет в дневнике 2 октября 1910 года: «Вчера чтение рассказа Мопассана навело меня на желание изобразить пошлость жизни, как я ее знаю...»

1910 год — последний год жизни Толстого. 28 октября 1910 года... Лев Толстой покидает Ясную Поляну. На столе в кабинете остаются не дочитанные им книги. Среди них — сборник новелл Мопассана «Разносчик», открытый на рассказе «Каверза». В тот же день, 28 октября, Толстой в письме к дочери со станции Козельск просит прислать ему Монтеня, второй том «Братьев Карамазовых», роман Мопассана «Жизнь». Книги эти были доставлены на станцию Астапово, но читать их Толстой уже не смог.

Высокая оценка творчества Мопассана, данная Львом Николаевичем Толстым, подтверждена временем. Теперь Мопассан воспринимается как один из самых интересных и значительных французских писателей XIX века, чье видение мира во многом предвосхищает открытия современной литературы.

Летом я живу по соседству с Леонидом Сергеевичем Ленчем и часто вижу, как он идет переделкинскими аллеями быстрой походкой, никогда не унывающий, всегда с запасом интересных рассказов или с неожиданной шуткой, остроумной и веселой. Человек пленительно непринужденной манеры держаться, умной простоты и неистощимого юмора, он любит людей, и его любят люди, хотя его сатирические и юмористические миниатюры и рассказы часто с резкой прямотою и меткостью изобличают человеческие пороки и недостатки. И никогда не получается у него это обидным или унизительным. Люди понимают и принимают прямоту и не прощают обиды. Леонид Сергеевич ни в жизни, ни в литературе не хочет и не умеет несправедливо обидеть. Он добр. И оттого высмеивает и бичует зло. Его доброта активна и деятельна.

Как ни странно, давно и очень хорошо мне известного драматурга, фельетониста, прозаика, рассказчика Ленча я особенно близко узнала и почувствовала, прочитав его полуавтобиографическую повесть «Черные погоны», написанную в шестидесятых годах. Не потому ли, что юность героя гимназиста Игоря Ступина в чем-то перекликается с моей собственной юностью? То же мятежное, бурное время первых лет революции — крушение старого, прогнившего строя и рождение нового, небывалого.

Мне кажется, сам Леонид Сергеевич любит по-особому остросюжетную, насыщенную необычайными и в то же время реальными событиями свою повесть «Черные погоны», ибо там его ранняя-ранняя юность, когда рождались и закалялись взгляды на мир, которые после так отчетливо выскажутся в его увлекательных произведениях.

Возьмите любую книгу рассказов Ленча — а их много — или послушайте его в читательской аудитории, всегда до отказа переполненной, и вам откроются и глубоко патриотическая гражданственность и идейная направленность его дара. Он сам говорит об этом: «...как бы условны ни были образы юмориста, они должны отражать жизненную правду. Нельзя придумывать смешное — его надо увидеть в жизни. Выдумка, карикатура должны покоиться на гранитном фундаменте реальности».

Итак, правда, правда и правда о жизни, о смешном, неприглядном в ней, чтобы страстно поддерживать хорошее, новое.

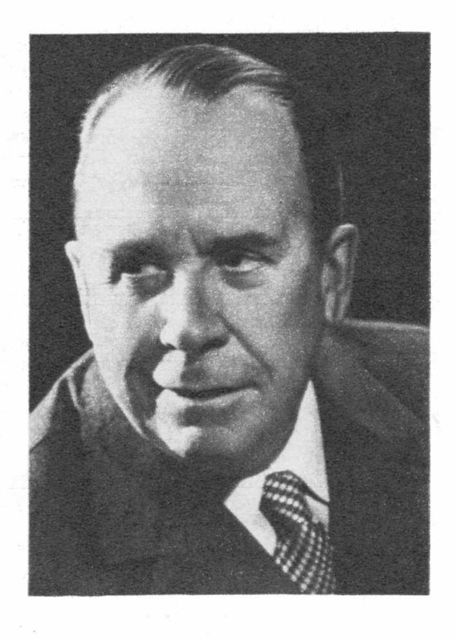
А как трудно написать о правде жизни кратко и одновременно емко, точным словом, с яркими, выразительными деталями! Леонид Ленч в огромном большинстве своих рассказов великолепно это делает.

В них отчетливо видны лучшие черты дарования Ленча — зоркий, памятливый глаз, верность психологических наблюдений и умение увлекательно их передать, выразительный, ведущий действие и раскрывающий характеры диалог, экономность и художническая рассчитанность композиции, заражающий смех. Недаром рассказы Ленча издаются и переиздаются, получают премии и дома и за границей, исполняются на эстрадах, записываются на пластинках.

Леониду Сергеевичу семьдесят лет. По себе знаю, возраст солидный. Но есть люди, кто смолоду старики. А иных старость обходит, не решается обрушить на живого, легкого, веселого, доброго человека свои напасти, сутулость, скучность, брюзжание и всяческие недовольства нынешней вперед идущей жизнью. «А вот, бывало, в мои годы...» — брюзжит старичок.

«Бывало» для Леонида Сергеевича нет. Он любит сегодня, любит завтра. Им много задумано и будет написано книг.

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Л. С. ЛЕНЧА

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

Леонид ЛЕНЧ

Агрессивный Тимка

Рассказ

Тимке полтора года. Очень интересный возраст! Мальчик уже уверенно держится, и передвигается, и пытается говорить, но произносит отчетливо лишь отдельные слова и в наборе крайне произвольном: «Ти-ма», «яби» (в переводе — яблоки), «писи-ниси», что означает не то, что вы подумали, а апельсины. И есть еще у него слово «зяна». Тут имеется в виду любимая игрушка обезьяна — уродливое создание в полосатой кепке, надвинутой на плюшевый лоб.

Папа Тимки работает в одном из институтов, мама — переводчик с английского — тоже баклуши не бьет. Для них Тимка — проблема самая-самая жгучая!

Надо дотянуть Тимку до трех лет, а там он пойдет в садик и покатится дальше по рельсам общественного коллективного воспитания. Можно было бы, конечно, уже сейчас устроить его в хорошие ясли, но Тимкины папа и мама этого не хотят. Они считают, что ребенка в столь нежном возрасте нельзя лишать семейного тепла. Да, но как поддерживать это самое семейное тепло, когда существует такая штука, как будильник?! Он звонит, проклятый, и «надо бечь», как говорит Тимка. И папе «надо бечь», и маме «надо бечь», одному Тимке «бечь не надо». Но в этом-то как раз и заключается проблема!

Выручает бабушка — мама Тимкиной мамы,— тоже переводчица, но не с английского, а с французского. Она берет переводы на дом. И у нее в комнате (она живет отдельно от дочери) тоже каждое утро звонит будильник, и это тоже значит, что «надо бечь». Куда? К Тимке!

Бабушка вскакивает, одевается быстро, как солдат по боевой тревоге, запихивает в походную сумку франко-русский словарь, начатый перевод статьи из технического французского журнала, полкило «писи-ниси» для Тимки и мчится на метро к нему.

У Тимки бабушка проводит весь день. Она его кормит кашей, поит фруктовыми соками, показывает картинки в книжках издания «Малыш», водит гулять в скверик, потом укладывает спать, терпеливо выслушивает его тарабарские птичьи рассказы о делах «зяны» и двух «мишек» — голубого и бурого, утешая, целуя в мокрый нос и в щеки, когда он, совершив очередную вынужденную посадку на пол при попытке пересечь комнату по диагонали бегом, пронзительно и громко ревет не от боли, а от обиды.

В промежутках между этими важными делами бабушка потихоньку двигает свой перевод статьи из французского технического журнала.

Однажды бабушка заболевает: кашель, насморк, температура 37,5. А тут Тимкиному папе надо уезжать в командировку, а у мамы — кинофестиваль. Тимка должен оставаться в квартире один. А это невозможно! Что делать?

— У меня есть идейка,— неуверенно говорит по телефону дочке заболевшая Тимкина бабушка,— можно попросить побыть с Тимочкой твоего двоюродного дядю Володю. Он на пенсии, ничем особенно сейчас не занят, старый холостяк. Что для него посидеть с мальчиком! Он интеллигентный, добрый человек, научный работник, сумеет найти подход к Тимке! А все остальное он будет делать по моей подробной инструкции. Короче говоря, если ты ничего не имеешь против, я ему сейчас позвоню!

— У нас нет другого выхода. Звони!

Через полчаса мама Тимкиной мамы снова звонит:

— Я говорила с дядей Володей. Он в общем согласен. Но ты сама ему позвони и договорись обо всем.

Тимкина мама радостно кладет трубку и тут же набирает номер телефона дяди Володи.

Дядя Володя говорит, слегка грассируя бархатным баском:

— С удовольствием выручу тебя, племянница, мне твоя мамочка все рассказала. Сколько твоему детищу стукнуло?.. Полтора года?! Ого, здоровый мужик, женится, поди, скоро!.. Что ты смеешься? Они сейчас все, знаешь, какие шустрые по этой части! Да, да, приеду, только прошу тебя, племянница, иметь в виду следующее: я не дед, на которых внуки и внучки катаются верхом, а они, деды, взнузданные собственными подтяжками, бегают на четвереньках по квартире. У меня свой научный подход к детям! Ну, это не телефонный разговор... Главное — определить психологический тип ребенка, а уж потом... В общем, буду у тебя точно в назначенное твоей маменькой время. Гуд бай!..

И вот дядя Володя — сивые жесткие волосы подстрижены аккуратным старинным «ежиком», на тонком длинном носу покоятся очки в легкой золоченой оправе — является на свое первое де-

журство. Он элегантен и худ, почти невесом. Он утопает в мягком кресле, посадив себе на колени глазастого и лобастого Тимку, и пытается определить его «психологический тип»!

— Ну-с, как вас зовут, товарищ Тимофей?

— Яби!— некстати отвечает дяде Володе Тимка.

— Надо говорить не «яби», а Ти-ма! Скажи: Ти-ма!

— Писи-ниси!— говорит Тимка.

Дядя Володя в ужасе обследует состояние штанишек Тимки и, убедившись, что все у него в порядке, строго внушает ему:

— Нехорошо обманывать взрослых, Тимофей! Ты, братец, сухой, как порох! Скажи мне: я — Ти-ма!

Мальчик долго присматривается к дяде Володе и вдруг бьет его своей нежной лапкой по щеке.

— Ах, вы, оказывается, боксер!— говорит дядя Володя, поправляя на носу пошатнувшиеся очки.— Тогда... вызываю вас на матч, товарищ Тимофей! Из трех раундов. Марш на ринг!

Он ставит мальчика на пол, принимает боевую стойку и, состроив зверскую рожу, приплясывая, идет на Тимку с кулаками!

Он, бодряжка, хочет его насмешить, а Тимка почему-то с ревом бежит от него и, конечно, тут же падает на пол.

Напуганный его падением больше, чем сам Тимка, дядя Володя поднимает мальчика. Тимка ревет так горько и так отчаянно, что у дяди Володи начинаются легкие сердечные спазмы. Он садится в кресло с Тимкой на коленях, сует себе под язык таблетку валидола и, целуя прижавшегося к нему всем своим беззащитным, хрупким тельцем плачущего ребенка, принимается его утешать:

— Не реви, Тимофей, будь мужчиной! Где у тебя болит? Здесь? Здесь? Сейчас я тебя тут поцелую, и все у тебя до свадьбы заживет!

Всхлипывая, Тимка тянется к его очкам, снимает их с дядиного носа и с наслаждением грохает об пол. Очки — вдребезги.

«Хорошо, что я захватил с собой запасные!»— мысленно хвалит себя дядя Володя и, оставив мальчика в кресле, идет на кухню за совком и веником.

Все подметено, все убрано! А Тимка опять ревет! Он что-то лепечет на своем тарабарском языке, нечто вроде «калевале», «калевале»! Попробуй догадаться, что это означает?!

И вдруг дядю Володю осеняет: Тимка — агрессивный тип ребенка, ему нравится бить и ломать, значит, надо дать выход накопившейся в нем агрессивной энергии, и тогда он успокоится.

Дядя Володя находит в кухонном настенном шкафу две пустые банки из-под яблочного повидла, одну бутылку из-под кефира и треснутую тарелку и кладет все это богатство на кресло возле Тимки.

— На, Тимочка, получай свое кале-вале и бей! Только не плачь!

Тимка начинает с банок. Бросил на пол одну —она не разбилась. Тимка, продолжая реветь, бросает вторую. Разбилась! Пошла в ход бутылка — не разбилась! Дядя Володя поднял ее и подал Тимке. Тимка бросил ее снова — она опять не разбилась! Тимка опять в рев.

— Попробуй тарелочку, Тимочка,— совсем уже отчаянно грассируя, предлагает мальчику дядя Володя,— тарелочка, брат, не подведет тебя!

Тимка бросает на пол тарелку, и она — ура!— превращается в мелкие осколки.

Когда неожиданно является домой Тимкина мама — она уговорила подружку заменить ее на фестивале,— дядя Володя орудует трясущимися руками, сметая осколки тарелки на совок, а Тимка сидит в кресле и ревет!

Тимкина мама довольно сухо поблагодарила дядю Володю за выручку, и он поспешил откланяться.

...У бабушки оказался не грипп, а самая обычная простуда, и она через два дня снова заняла свое место у семейной топки.

Все образуется на этом свете, не надо впадать в панику!

Сидит бабушка с Тимкой на коленях в том же кресле, запихивает в Тимкин рот манную кашу. Вдруг зазвонил телефон.

— Слушаю!.. Кто это? Ах, это ты, Володя! Здравствуй!.. Ну, конечно, на посту... Твой боксер тебе кланяется, он в полном порядке... Ты хочешь его навестить? ...Приезжай, я тогда смогу наконец сбагрить свой перевод.

Трубка баском грассирует в ответ:

— Сейчас приеду. Я уже приготовил для Тимочки целую авоську порожней посуды для битья!.. Где взял? Пошел на пункт приема и купил у одного подвыпившего персонажа из очереди. Как это их называют? Забыл! Такое жаргонное словечко.

— У алкаша?!

— Вот, вот! Значит, беру такси и мчусь к вам!

— По дороге заскочи в другой пункт приема порожней посуды, продай все, что купил у алкаша, а на вырученные деньги возьми для Тимочки «писи-ниси».

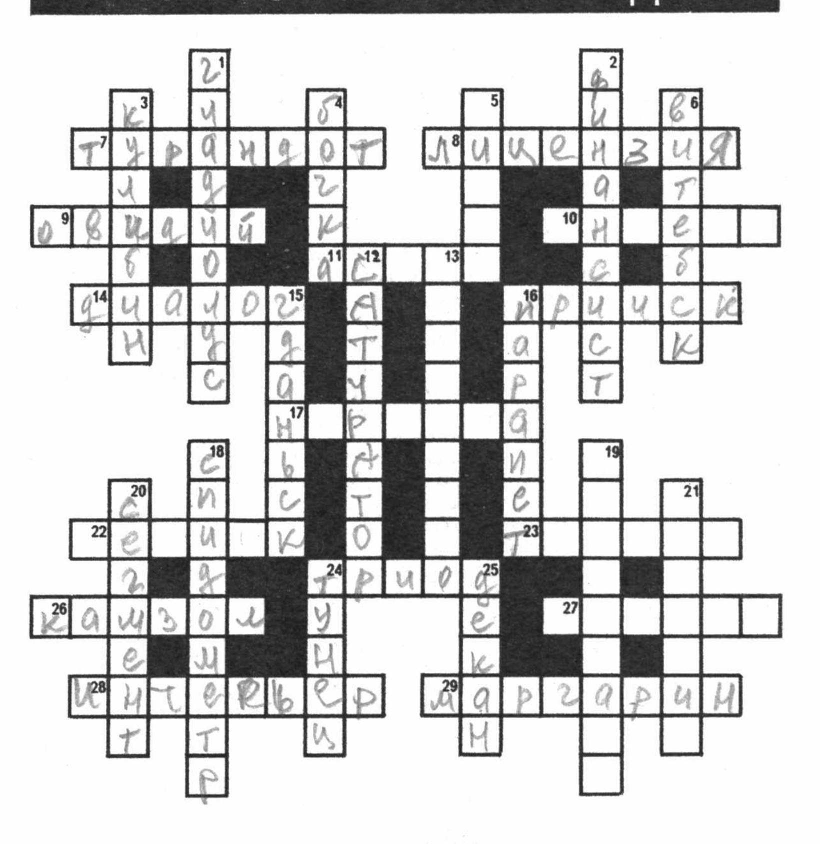
— Не понимаю тебя! Как такое можно взять?!

— «Писи-ниси» — это апельсины! Так их называет Тимочка! Возьми полкило, слава богу, у него от апельсинов не бывает диатеза. И вообще... никакой он не агрессивный, а самый обыкновенный, прелестный ребенок. Кстати, мы тут на семейном совете все обдумали и решили, что нужно срочно отдавать его в ясли. Так будет лучше для всех. А главное, для него!

...Ох, уж эти ненаучные бабушки!

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Опера Дж. Пуччини. 8. Разрешение на ввоз или вывоз товаров. 9. Римский поэт. 10. Список, указатель, перечень. 11. Вулкан на острове Хонсю. 14. Разговор между двумя или несколькими лицами. 16. Горнопромышленное предприятие. 17. Приток Днепра. 22. Французский писатель XIX века. 23. Типографский шрифт. 24. Электронная лампа. 26. Старинная мужская одежда. 27. Гребная шлюпка. 28. Внутреннее пространство здания. 29. Пищевой жир.

По вертикали: 1. Цветок. 2. Роман Т. Драйзера. 3. Русский механик-изобретатель XVIII—XIX веков. 4. Фигура высшего пилотажа. 5. Щипковый инструмент. 6. Областной центр в БССР. 12. Аппарат для насыщения углекислым газом жидкости. 13. Озеро в Венесуэле. 15. Город в Польше. 16. Ограда моста, набережной. 18. Прибор, указывающий скорость автомобиля и пройденный путь. 19. Курорт в Карелии. 20. Часть круга. 21. Кондитерское изделие. 24. Промысловая морская рыба. 25. Руководитель факультета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали: 4. «Неизвестная». 9. Акустика. 10. Крокодил. 11. «Враги». 14. Импорт. 16. Алазея. 17. Ашхабад. 18. Граната. 19. «Квартет». 20. Автобус. 23. Феникс. 25. Педаль. 26. Кулон. 28. Антонида. 29. Дерматин. 30. Местоимение.

По вертикали: 1. Пшеница. 2. Реквизит. 3. Ласточка. 5. Аккомпанемент. 6. Гаврош. 7. Скикда. 8. Диалектология. 12. Потанин. 13. Лаванда. 15. Галоп. 21. Вулкан. 22. Уганда. 24. Спринтер. 25. Петроний. 27. Ложбина.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Картина дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР генерал-майора авиации Алексея Архиповича Леонова, посвященная совместному советско-американскому космическому полету «Союз — Аполлон».

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рисунок Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 14/VII — 75 г. А 00605. Подп. к печ. 29/VII — 75 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1501. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 875.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото
А. БОЧИНИНА

ВОДА, ВОДА...

Вода, как известно, занимает более семидесяти процентов площади земли. Все растет значение морей и рек в жизни человека. Велика роль воды и в спорте. Одна пятая часть обширной олимпийской программы отдана плаванию и прыжкам в воду, гребле академической и гребле на байдарках и каноэ, парусу и водному поло. А в последние годы появилось много новых видов водного спорта, так что, если собрать их все вместе, можно было бы провести свою Олимпиаду по довольно обширной программе.

Ультрасовременные подводная охота, плавание в ластах, водные лыжи, а теперь и лыжи водно-воздушные привлекают все большее число энтузиастов. Уже проводятся чемпионаты мира по фигурному плаванию, а аквалангисты чувствуют себя в морских глубинах так же уверенно, как на суше. И даже «чистое» плавание, как обычно называют основу всех водных видов спорта, испытывает на себе веяние нашего быстротекущего времени. Растут скорости в плавании кролем, брассом, баттерфляем и на спине. Все большей популярностью пользуется водное поло, в котором гармонично сочетаются высокая скорость пловцов и меткость баскетболистов. И в этом нет ничего удивительного: плавание стремительно молодеет, свои первые тренировки будущие чемпионы и рекордсмены начинают теперь чуть ли не в грудном возрасте. «Плавать раньше, чем ходить» — таков популярный раздел журнала «Физкультура и спорт».

Не миновали современные веяния и другой традиционный вид спорта — греблю. Гонки на полированных скифах, вертких байдарках и экзотических каноэ неизменно поражают наше воображение, но в последние годы родился еще более азартный вид гребли — водный слалом, плавание по горным рекам, среди отмелей и валунов. А все начинается с того, что мальчишки, сколотив шаткий плотик и используя старое весло, пускаются в отважное плавание по тихой речке.

Но настоящую морскую закалку любители водного спорта могут получить на борту яхты. Любители крейсерских плаваний и азартных гонок испытывают свою морскую интуицию на самых современных яхтах, таких олимпийских классов, как «Летучий голландец», «Финн», «Солинг», «Темпест», «Торнадо», а для любителей более высоких скоростей имеются скутера и моторные лодки.

Вода сулит нам отдых, радость спортивных свершений. Пожелаем же нашим пловцам и яхтсменам, гребцам и слаломистам, лыжникам и аквалангистам, прыгунам и охотникам счастливого водного пути.

В. ВИКТОРОВ

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.